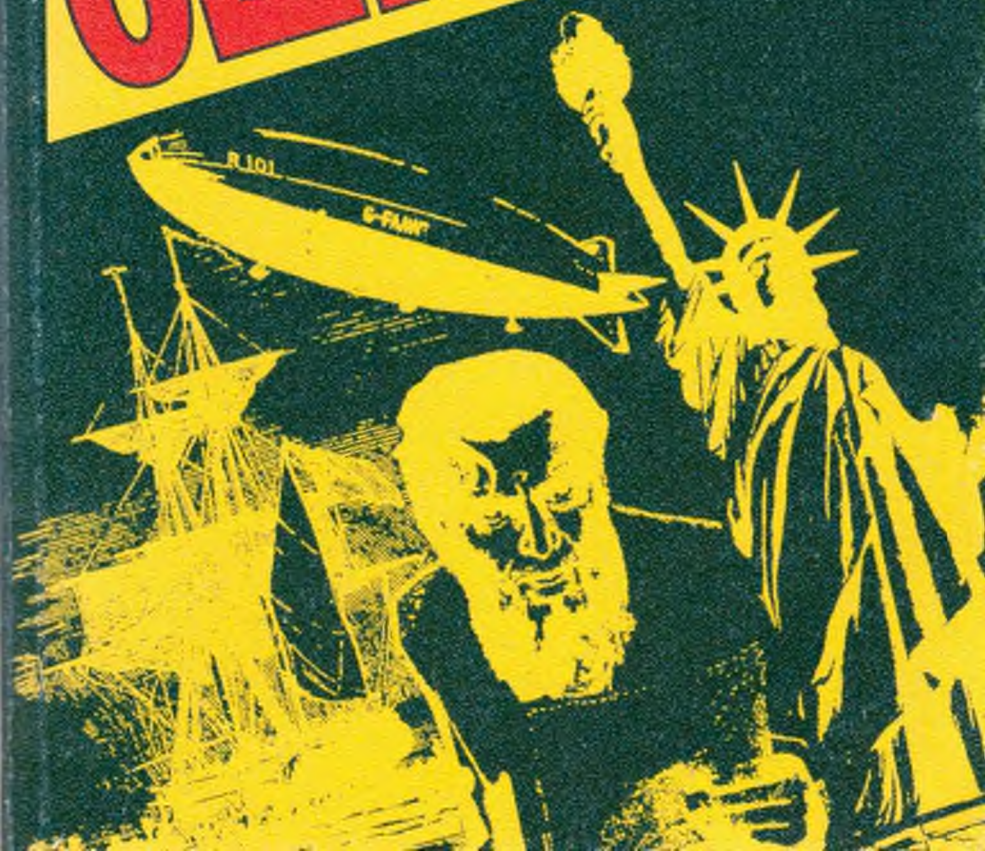

НАЙДЖЕЛ БЛАНДЕЛ

ВЕЛИЧАЙШИЕ
В МИРЕ

ОШИБКИ

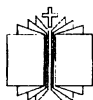
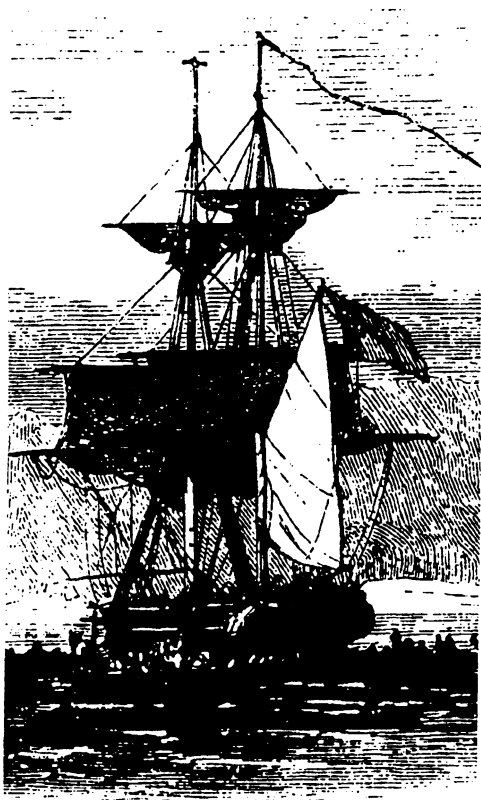
NIGEL BLUNDELL

**The world's
greatest
mistakes**

НАЙДЖЕЛ БЛАНДЕЛ

Величайшие в мире ошибки

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1997

ББК 94.3Вл
Б68

Перевод с английского
А. ДОРМАН

Бландел Н.

Б68 Величайшие в мире ошибки/Пер. с англ.
А. Дормана. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. —
256 с.

ISBN 5-232-00521-9

Некоторые истории этой книги просты и по-человечески понятны — священник, обвенчавший невесту с шафером жениха; весельчак, разыгравший Британский военный флот; или пройдоха, который ухитрился продать статую Свободы.

Но есть и гигантские ошибки, платить за которые приходится не деньгами, а честью и человеческими жизнями.

Перед вами — наиболее полная коллекция величайших в мире ошибок. Мы надеемся, что чтение это будет захватывающим.

Б 500200000—521
52P(03)-97

ББК 94.3Вл

ISBN 5-232-00521-9

© Reed International Books Limited, 1980
© «КРОН-ПРЕСС», 1997
© Перевод, А. Дорман, 1997

Введение

На каждый успех в истории человечества приходится по ошибке, на каждое достижение — по шагу назад, на каждого гения — по путанику.

Успехи, разумеется, вписаны для потомков в анналы истории. Имена гениев высечены на монументах и повторены во всех учебниках. А как же те, кто ошибался, кто — зачастую благодаря крошечному упущению — повлиял на ход событий?

Задача этой книги — исправить положение. Никогда прежде под одной обложкой не собиралось такое огромное количество ошибок, неудач и невезений.

Иные из них — смешные случаи из жизни обыкновенных людей, чьи прегрешения против здравого смысла могли бы быть просто забыты — вроде того, как священник обвенчал невесту с шафером жениха. Другие являют собой замечательные примеры дурного управления — например, как некий городок почти столетия пребывал в состоянии войны с Советским Союзом.

Встречаются здесь и розыгрыши (шутник, одурачивший Британский флот), и случаи надувательства легковых простаков (обманщик, продавший Белый Дом и статую Свободы).

Добавьте сюда трогательные рассказы об ошибках чисто человеческих, вполне понятных и простительных. Скажем, о человеке, потерявшем 32 миллиона фунтов стерлингов из бюджета фирмы, или о ничтожной оплошности, раскрывшей секрет королевского семейства.

Впрочем, есть у этой книги и более серьезная сторона. Ибо рассказывается в ней о таких монументальных ошибках, которые непоправимо изменили ход истории. Об ошибках, за которые приходилось дорого платить — платить деньгами, честью, жизнью. Среди них — гибель «Титаника», падение и взрыв воздушного корабля Р-101, штурм Галлиполи, оборона Сингапура, последний рубеж Кастера, возвышение мафии.

Возьмите все эти случаи, добавьте море других: промахов: глупостей, ляпсусов, уму непостижимых проявлений идиотизма, — и вы получите удивительнейший альманах, самую полную из когда-либо собранных коллекций ошибок. Иные из них смешны. Иные — печальны. Но мы верим, что чтение это будет захватывающим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Люди и положения

Американский президент,
английский пекарь,
женщина из африканского племени
итальянский исследователь-географ,
британский морской офицер,
австралийский, бразильский
и канадский архитекторы —
список людей, совершивших
грандиозные ошибки,
необъятен как по широте охвата,
так и по своей длине.
Он не принимает в расчет
ни общественного положения,
ни национальной принадлежности;
подтверждение этому —
следующие страницы.

Пекарь, который спалил Лондон

Он оставил огонь в печи — и разжег
Большой пожар 1666 года

Для скромного ремесленника Джон Фаринор достиг высокого положения. Он стал придворным пекарем короля Карла, незадолго до того восстановленного на английском троне после изгнания во Францию.

Фаринор уже пять лет служил королевским пекарем, и вот однажды вечером, после долгого трудового дня он поднялся по лестнице в свою спальню, расположенную над его пекарней на улочке Пуддинг-Лейн. Задул свечу и мирно заснул. Фаринор спал, а внизу, в пекарне разгоралось пламя. Он забыл погасить огонь в печах.

Пламя бушевало. И в два часа ночи 2 сентября 1666 года огонь, вырвавшийся из пекарни, послужил причиной самого крупного в истории Большого Лондонского пожара.

От искр, вылетевших из трубы в заведении Фаринора, загорелся стог сена, сложенный во дворе ближайшего постоянного двора Стар-Инн; пламя озарило небо. Пуддинг-Лейн располагалась в центре густонаселенного района старого Лондона, и вскоре тысячи местных жителей высыпали на улицы поглазеть на пожар. Они не были очень встревожены. В этом городе, полном строений из просмоленных досок и оштукатуренной дранки, пожары были обычным делом. Не далее как год назад король Карл направил записку лорд-мэру, требуя ввести более строгие правила противопожарной безопасности. Но все предыдущие пожары утихали

сами собой, и ожидать, что этот поведет себя иначе, не было причин.

На Пуддинг-Лейн находилась свалка мусора ближайшего рынка Истчип-Маркет, так что никто из сколько-нибудь заметной публики там не селился. Но рядом шла главная дорога, к Лондонскому мосту, и поэтому рано поутру известили мэра. На прибывшего градоначальника пожар произвел чрезвычайно слабое впечатление. «Фи, — сказал он. — Даже женщина записает его с легкостью».

Небольшое впечатление пожар произвел и на некоего Самюэля Пеписа, автора дневника. Служанка разбудила его в три часа ночи; его дом располагался примерно в трех четвертях мили к востоку, близ Тауэрского холма. Вот что Пепис записал относительно пожара в своем дневнике: «Поднялся, натянул халат, подошел к окну, подумал, что это, должно быть, никак не дальше задней стороны Марк-Лейн, ну и обратно в постель — спать».

Явившись в свой кабинет в Уайтхолле — квартале, где располагаются правительственные учреждения, — незадолго до полудня, Пепис принес весть о пожаре во дворец, где она дошла до короля. До сих пор никто не решился известить его. Воскресенье есть воскресенье в конце концов.

Скоро, однако, надежда на то, что пожар утихнет сам собой, развеялась. В воскресенье днем огонь достиг Темзы, где начали один за другим взрываться, как бомбы, склады, забитые лесом, маслом, коньяком и углем.

Ровный и сухой ветер непрерывно дул с востока, и огонь, чуть не задев дом Пеписа, прошел неподалеку и беспрепятственно распространялся на запад. В воскресенье еще можно было взять пламя под контроль. Но пожарные, стремясь поско-

рей наполнить ведра, повредили водопровод, тем самым оставив весь район без водоснабжения.

Адский пламень бушевал с воскресенья до среды. За это время сгорело 13 тысяч домов, 87 церквей, было опустошено 300 акров земли. Горели магазины и лавки, расположенные на Лондонском мосту. Искры долетели до противоположной стороны Темзы и зародили очаги пожара в Саутуорке. Ратуша и Королевская биржа — финансовый центр Лондона — обратились в пепел.

Страшнее всего был пожар в соборе Святого Павла. От жара взрывались камни, разверзались древние гробницы, обнажая мумифицированные останки. Кровля собора плавилась, жидкий свинец ручьями тек по прилежащим улицам.

Примечательно, что в Большом Лондонском пожаре погибло всего восемь человек. Большинству горожан хватило времени, чтобы спастись бегством. Дороги были забиты нагруженными скарбом тележками, вся округа превратилась в сплошной лагерь беженцев.

Среди оставивших город был и Пепис. Он писал: «В лицо дует ветер, и в то же время тебя почти сжигают искры пламени, дождем сыплющиеся с этого ужасающего, этого зловещего, этого треклятого пожара... и над всем этим — дым, такой густой и огромный, что в полдень заслоняет собой солнце. А если оно иногда и проглядывает, то красное, как кровь».

К вечеру среды пожар был практически взят под контроль, благодаря личному вмешательству короля, который послал команды пожарных разрушить здания на пути огня, чтобы не дать ему распространиться. Но Лондон тлел еще несколько недель. Подвалы же продолжали гореть и спустя полгода.

И все же оплошность пекаря Фаринора была не без благих последствий. Позорные трущобы центрального Лондона были сметены за одну

неделю. К тому же огонь уничтожил последствия предыдущей лондонской катастрофы — великой чумы 1665 года, которая унесла 100 тысяч жизней.

Папки с документами предстоящих судебных процессов были найдены сложенными в кипу в углу общественного туалета Римского суда нижней инстанции, когда адвокаты пригласили журналистов, чтобы продемонстрировать им итальянскую систему правосудия в действии.

40 лет в постели... с гриппом

Новый окружной врач, совершая первый обход пациентов, навестил 74-летнюю женщину, которая в течение 40 лет была прикована к постели. Он не обнаружил у нее никакой болезни.

Оказалось, что один из его предшественников прописал женщине, больной гриппом, постельный режим и велел не вставать, пока он не вернется. А вернуться забыл.

Через несколько дней 34-летняя незамужняя пациентка поправилась. Но она оставалась в постели, ожидая визита врача. Прошло несколько недель, а он все не показывался. К этому времени больная открыла для себя, что ей нравится, когда за ней ухаживают и исполняют все ее капризы — и отказалась трогаться с места.

Врач констатировал смерть женщины, которую нашли замерзшей в ледяшку в своем неотопляемом автоприцепе при 25-градусном морозе.

Санитары катили ее на тележке в морг при больнице в г. Онтарио, Канада, когда вдруг услышали слабый вздох. Он исходил от «покойницы», которая позже совершенно оправилась без малейших последствий для здоровья.

Сначала за ней ходила мать. Когда та умерла, ее заменил зять. Наконец вновь назначенный врач нанес пациентке обычный визит на дому в Тонтоне, графство Девон, и произвел осмотр теперь уже 74-летней женщины, настаивавшей на соблюдении постельного режима. Он сообщил о ее случае специалисту-гериатру.

Этот специалист, доктор Питер Роу, говорит: «Когда я ее увидел, она не смогла бы встать, даже если бы и хотела. Женщина была невероятно раскормлена и отнюдь не стремилась покинуть постель».

Д-р Роу сообщил об этом случае в британских медицинских журналах в 1978 году; в силу врачебной этики имя женщины названо не было. Врач рассказал, что потребовалось семь месяцев терпеливых уговоров, чтобы пожилая леди согласилась подняться с постели. Наконец она благополучно встала на ноги, чтобы прожить еще три сравнительно активных года. Она скончалась в возрасте 77 лет.

Бесплодие может передаваться по наследству.

— «Пасифик Рурал Пресс»

Восток есть запад

**Колумб умер, так и не узнав,
что открыл Америку**

Легкий бриз надул паруса трех крохотных деревянных суденышек и плавно понес их прочь от порта Палос на южном побережье Испании. Была пятница, 3 августа 1492 года.

Дурные предчувствия отнюдь не слабого свойства владели каждым из 87 человек на борту. Это было путешествие, призванное сделать открытие,

путешествие за горизонт познанного мира. Впереди лежал Атлантический океан, могучий и загадочный.

И лишь у одного человека, наблюдавшего с палубы флагмана «Санта Мария» медленно исчезающий из поля зрения берег, мысль о путешествии в непознанное не вызвала никакого страха.

Капитан Христофор Колумб — настоящее имя Кристофоро Коломбо, родился в 1451 году, сын генуэзского портного — был гордым, упрямым, честолюбивым моряком, мечтавшим об открытии нового морского пути из Испании к богатым пряностями островам Ост-Индии. Многие годы, плавая торговыми путями вокруг Португалии и Испании и вдоль Африканского побережья к Канарским островам, он замышлял поход через Атлантику.

Колумб был убежден, что земля круглая, — теория в те времена не очень популярная, но постепенно набиравшая силу. Он верил, что восточные берега Азии и богатые золотом земли Востока лежат к западу от Европы в пределах досягаемости кораблей.

И вот он в пути и пользуется покровительством короля Испанского Фердинанда и королевы Изабеллы. (Первая его попытка была отвергнута восемью годами ранее королем Португалии Иоанном II.) Колумбу предстояло совершить, быть может, самую большую исследовательскую ошибку — но при этом и величайшее открытие.

Он направил свои корабли к Сан-Себастьяну на Канарах, потом, 6 сентября, не желая упустить благоприятные восточные ветры, повернул свой маленький флот на запад, в открытый Атлантический океан. При попутном ветре хорошо оснащенные суда плыли быстро. Но к середине месяца земля все еще не показывалась, и люди забеспокоились. Они стали опасаться, что вообще не смогут вернуться в Испанию.

Колумб и сам, по-видимому, засомневался в своей оценке расстояния до Индии. 19 сентября он начал вести фальшивый бортовой журнал, в котором стремился развеять опасения команды, преуменьшая уже пройденный путь.

«Санта-Мария» вместе с сопровождавшими ее «Пинтой» и «Ниньей» прошла через опасности Саргассова моря; ее било штормами, порой несколько дней подряд она лежала в мертвом штиле. Колумбу был необходим успех, он помнил о наградах, которыми осыплют его благодарные король и королева, и цеплялся за малейший намек на приближающуюся землю. Надежда то и дело сменялась отчаянием.

И вот, в два часа ночи 12 октября, всего 37 дней спустя после отплытия с Канарских островов, матрос на борту «Пинты» закричал: «Земля!» В тот же день маленький флот стал на якорь у острова, который Колумб назвал Сан-Сальвадор.

В тот день Колумб записал в журнале: «Скоро мы увидели там нагих туземцев... нашим глазам открылась местность с пышной зеленью деревьев, множеством источников и самых разнообразных плодов». На следующий день: «Я заметил, что у некоторых мужчин проткнуты носы и в отверстия вставлены кусочки золота... Знаками мне дали понять, что мы должны проследовать к югу, чтобы встретиться с царем, у которого имеются большие золотые сосуды».

17 октября Колумб отмечает: «Во все дни, что я нахожусь в Индии, льет дождь, то сильнее, то слабее...» Он по-прежнему был твердо убежден, что высадился на восточном берегу Азии.

Колумб решил обследовать побережье и проплыл вдоль Карибских островов до северного берега Кубы и далее к Испаньоле (Гаити). То, что он увидел, произвело на него большое впечатление, и 28 октября, находясь вблизи Кубы, он записал в

журнале: «Смею предположить, что сюда заходят могучие суда Великого Хана и что отсюда до материка всего лишь десять дней пути».

Проведя восемь месяцев в море, Колумб с триумфом возвратился в Испанию, где его назначили адмиралом океанского флота и губернатором вновь открытых островов Индии. В последующие десять лет он еще четыре раза плывал в Центральную Америку, но лишь ближе к концу своих исследований начал сомневаться, правда ли он нашел восточное побережье Азии.

Лишь в свое третье путешествие в Новый Свет в 1498 году Колумб начал задумываться о вероятности того, что открыл новый континент. Он взял курс через Атлантику несколько южнее, чем прежде, и это привело его к острову Тринидад; исследуя близлежащий залив Пария, он вышел к месту, где могучая южноамериканская река Ориноко впадает в море. 14 августа 1498 года он записал в журнале: «Я думаю, что это очень большой континент, донныне остававшийся неизвестным».

Через несколько лет итальянскому путешественнику Америго Веспуччи и другим предстояло подтвердить его подозрения. Веспуччи обследовал большую часть бразильской береговой полосы и составил подробные отчеты об этом, за что и удостоился великой чести — новый великий континент был назван его именем.

Но даже и в 1502 году, когда Колумб пустился в четвертое плавание, он все еще считал, что острова, которые он открыл в первых двух экспедициях, находятся у восточных берегов Азии. Он полагал, что между этими островами и огромной новой землей к югу от них лежит проход к Азии. И он пустился на его поиски. И снова, во второй уже раз, Колумб прошелся по Америке, сам того не зная.

Десять месяцев, невзирая на суровые погодные условия, он обследовал побережье Гондураса, Кос-

та-Рики и Панама. В мае 1503 года на своем побитом штормами, изъеденном червем, протекающем, чуть ли не тонущем корабле он рванулся на север в отчаянной попытке добраться до испанского поселения Санто-Доминго на острове Испаньола. Это ему не удалось, и он после кораблекрушения провел целый год на Ямайке, откуда его вместе с командой спасли и доставили обратно в Испанию.

Колумб умер 20 мая 1506 года. Он так и не узнал, что открытая им земля — это огромный континент Америка.

В Ссылке А сопутствующее письмо к Ссылке В — ошибочно. Добавления к Приложению В к Ссылке В уже включены в Приложение А к Ссылке В и являются теми дополнительными единицами, которые должны будут быть затребованы вместе с полным пакетом в случае, если полный список Приложения А к Ссылке В будет утвержден.

— *Циркуляр Британского министерства обороны*

Пророчица, которая привела свое племя к гибели

Нонгквалузе была наделена Божьим даром, который оказался поистине роковым. Она была настолько сладкоречива, что привела к уничтожению целое южноафриканское племя. А было ей всего 14 лет от роду.

Жарким безветренным днем 1856 года сидела на скале над заводью реки Гзара и смотрела на водную гладь, как вдруг ей померещились отраженные в воде лица.

Она побежала в деревню и сообщила старейшинам своего племени гкалека-ксозов, что видела лица своих предков и они говорили с нею. Они

сказали, что готовы воскреснуть из мертвых и повести священную войну против европейцев, которые пришли на их земли.

При этом, сказала Нонгквалузе, за возврат предков придется заплатить. Сначала племя должно доказать свою верность тем, что уничтожит все свои земные богатства. Они должны сжечь посевы и забить весь скот, иначе их превратят в гадов и насекомых, и буря уничтожит их.

Возрождение мертвых предков и начало войны было назначено на 18 февраля 1857 года. Гкалекаксозы успели к сроку. Почти год предавались они непрерывающейся оргии резни и уничтожения.

И вот настал великий день. Голодные туземцы поднялись рано, дабы не пропустить обещанного чуда. Нонгквалузе велела им наблюдать восход солнца и затем следить за его перемещением по небу. Солнце, пророчествовала она, остановится в небесах, а затем повернет вспять и впервые сядет на востоке.

Целый день светило двигалось своим неизменным курсом. Туземцы, почти ослепшие от яркого солнечного света, взвыли от отчаяния. Но когда последние лучи угасли на западе, их отчаяние перешло в гнев. Еще более голодные, чем на восходе, они в ярости искали повсюду свою юную пророчицу — но та скрылась.

Ища убежища, Нонгквалузе бежала к британцам, в город короля Уильяма. Чтобы укрыть от преследователей, ее поместили на острове Роббен. Позже она тайно перебралась в Восточную провинцию, где и прожила до самой смерти в 1898 году.

Вечер ясновидения, назначенный на четверг 4 декабря в 7 часов вечера, отменяется по непредвиденным обстоятельствам.

— *«Ист-Кент Таймс».*

Племени, которое она привела к гибели, повезло гораздо меньше. У них не было пищи и не было средств, чтобы добыть ее. И хотя многим помогли соседние племена и европейские благотворительные организации, 25 тысяч человек умерли от голода.

Ну и денек!

19-летний Джо Рамирец приехал на машине в суд в пригороде Нью-Йорка, куда его пригласили по случаю нарушения им правил дорожного движения. Его дело вот-вот должно было слушаться, когда он сообразил, что истекает оплаченное им время на счетчике, у которого он припарковал машину. Он попросил судью об отсрочке, чтобы успеть добежать до счетчика и опустить дополнительную плату. Судья разрешил.

Джо выскочил из суда и помчался было через дорогу, но его оштрафовал полицейский за неосторожный переход улицы. Он вручил Джо счет и прочитал длинную лекцию. Такую длинную, что инспектор дорожного движения прибыл к машине и счетчику первым и тоже вручил Джо счет на уплату штрафа.

Когда он вернулся в суд, судья ушел на ленч. Джо пришлось кормить счетчик снова и снова, пока судья не вернулся. Как он и ожидал, первоначально его оштрафовали всего на пять долларов, но когда он достал кошелек, чтобы заплатить, оказалось, что после уплаты за стоянку у него осталось только два доллара. Судебный чиновник принял деньги под честное слово, что Джо позже донесет остальное, и, полный банкрот, он прошел две мили до дома пешком.

На пороге его ожидало письмо: «Просим явиться для призыва в Армию Соединенных Штатов...»

Гольф-клуб, продавший собственное поле

Ройял Мельбурн — один из престижнейших гольф-клубов в мире. Там играли богачи и знаменитости Австралии и многие всемирно известные звезды. Но в течение одной злополучной недели — целой недели! — никто не смог бы сказать наверняка, будет ли еще существовать Ройял Мельбурн, где можно поиграть в гольф.

Кризис случился на старте чемпионата Ассоциации профессионального гольфа Австралии 1978 года. На старательно отманикюренных восемнадцати лунках соревновались такие звезды, как Джонни Миллер и Севериано Баллестерос, — и тут руководство клуба допустило грубейшую оплошность в истории гольфа. Оно продало чуть ли не треть поля прямо из-под ног игроков.

Клуб планировал получить дополнительные деньги, чтобы произвести кое-какие усовершенствования, и для этого продать один акр ничемной земли местному строителю. Вместо этого, запутавшись в своих планах, они продали ему 8-й, 9-й, 10-й и 11-й фарватеры.

Строитель по имени Майк Уорсон обнаружил ошибку, только когда ему отказали в разрешении поделить на участки купленный им, как он считал, акр. «Землемер выяснил, что клуб списал на меня 60 акров», — сообщил он.

Земля, которую клуб непреднамеренно продал, стоила двадцать миллионов долларов — в сто раз больше, чем заплатил Уорсон. «Неплохая сдел-

Игрок в гольф в Ливерморе, штат Калифорния, угодил мячом в окно самолета, шедшего в это время на посадку на местном аэродроме. Мяч попал в голову пилоту; впрочем, самолет благополучно приземлился.

ка, — сказал он. — Даже если ты не знаешь, как выглядит клюшка для гольфа. Мы тут хорошо посмеялись насчет клуба».

Но чемпионат продолжался, и Уорсон решил вытащить клуб из дыры, в которую тот сам себя засадил. Он вернул землю.

Побасенка про ковбоев написана компьютером

Специалист по компьютерам Джилберт Богуслав так гордился своей самой мозговитой деткой, компьютером ДЕК-11/70, что вздумал научить ее писать рассказы в стиле вестернов.

ДЕК-11/70 был самым совершенным среди компьютеров этого класса в колледже Бразоспорт в г. Хьюстоне, штат Техас. Он уже проявил себя мастером шахматной игры, соревнуясь с Богуславом, и вот молодой компьютерщик ввел в него новую информацию: самые распространенные слова из всех когда-либо виденных им в кино боевиков-вестернов.

ДЕК начал выплескивать из себя побасенку про Дикий Запад, тем самым выплеснув на помойку теорию «самой мозговитой детки», которой так гордился Богуслав. Ибо вот какой рассказ у него получился:

«Текс Доу, шериф Харри-сити, въехал в город. Он голодно сидел в седле, готовый к неприятностям. Он знал, что его сладострастный враг Альфонс Малыш сейчас здесь.

Малыш был влюблен в техасскую кобылу Марион. Внезапно Малыш вышел из перевернутого вверх дном салуна Золотой Самородок. «К оружию, Текс!» — дико закричал он. Текс потянулся за своей девушкой; не успел он вытащить ее из

машины, как Малыш выстрелил, попав Тексу в слона и в тундру.

Падая, Текс выхватил свою шахматную доску и выстрелил Малышу 35 раз в короля. Малыш упал в лужу виски. «Ну вот, — сказал Текс. — Я не хотел этого, но он стоял по другую сторону ферзя!»

Богуслав забросил свои эксперименты и вернулся к шахматам.

Политик Горацио Боттомли поставил не на ту лошадь, когда хотел сорвать изрядный куш на скачках в Бельгии. Точнее сказать, не на тех лошадях.

Боттомли владел английской скаковой конюшней и однажды решил перехитрить букмекеров. Он пустил на малозначительные скачки в Бланкенберге шестерку своих лучших скакунов, велел своим жокеям финишировать в определенной последовательности и поставил на каждого из них в той очередности, которую сам же установил.

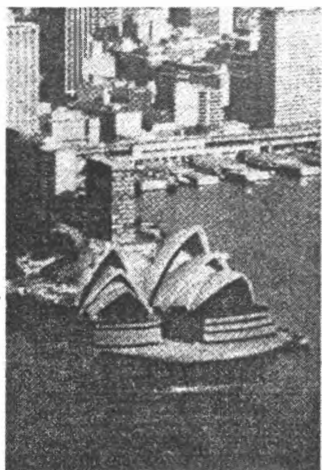
К несчастью для Боттомли, густой туман с моря покрыл пролежавшую вдоль побережья беговую полосу, и ведущие жокеи потеряли контакт между собой. Интриган-политик в ужасе смотрел, как его скакуны в совершенно незапланированном порядке — или беспорядке — пересекали финишную полосу, что стоило ему целого небольшого состояния.

Выше крыши

Стоимость оперного театра взлетела до 55 миллионов фунтов

Сиднейский оперный театр в Австралии вызывает священный трепет — это прекрасное парящее ввысь сооружение в форме морской раковины стоит на полуострове и обращено к великолепной гавани, гордости города.

Жители Сиднея единодушно сходятся во мнении, что театр вполне оправдывает каждый цент

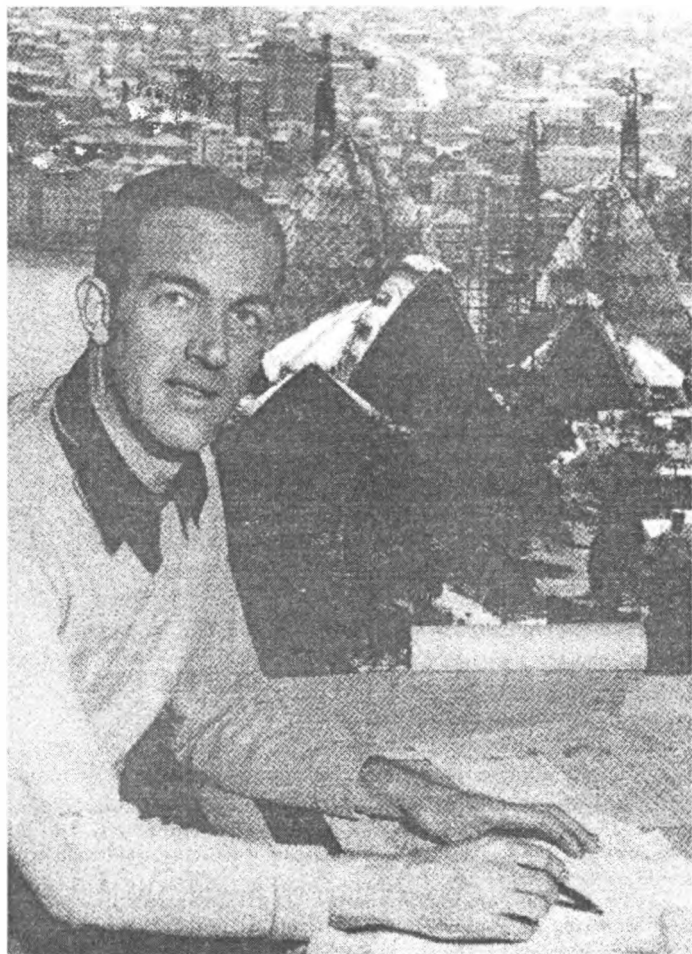

из 5 миллионов фунтов, которые истрачены на его строительство. К сожалению, оценщики несколько промахнулись — на 55 миллионов фунтов плюс-минус миллион-другой.

Ибо Сиднейский оперный театр — не только самое крупное из современных театральных сооружений в мире, но, как выяснилось, и самое дорогостоящее, самое трудоемкое и самое долгое в строительстве.

Идея дизайна оперного театра родилась в начале 50-х годов у датского архитектора Йорна Утзона в виде первоначальных эскизов, когда он созерцал замок Эльсинор, место действия шекспировского Гамлета. Утзон подал свою идею на международный конкурс на лучший проект этой самой престижной культурной достопримечательности, проводимый правительством Нового Южного Уэльса. Он стал победителем конкурса и переехал в Австралию, чтобы запустить проект, что и произошло в марте 1959 года.

Утзону не понадобилось много времени, чтобы понять, что его первоначальная концепция, какой бы грандиозной она ни была, не работает. Начнем с того, что архитектор планировал установить в качестве крыши десять массивных морских раковин из тонких бетонных плит, но поскольку они были высотой 60 метров, то их пришлось поддерживать могучими арками. После перепроектирования крыша оказалась самой тяжелой в мире — 26 000 тонн, не считая миллиона белых керамических плиток, которыми она покрывалась.

*Датский архитектор Йорн Утзон
и Сиднейский оперный театр*

Стоимость строительства подскакивала, а с нею и кровяное давление у руководителей Нового Южного Уэльса. Они проводили лотереи с огромными выигрышами, чтобы собрать деньги на своего «слона в ванной». Проект урезался, так что залы по размерам и числу мест уже уступали существующим оперным театрам. Бывали случаи, когда уже возведенные стены высотой в несколько этажей снова разрушались, чтобы рабочие могли перенести оборудование из одной части здания в другую.

Непреклонному министру общественных работ Дэвиду Хьюзу было приказано посвятить практически все свое рабочее время строительству оперного театра. Между ним и архитектором происходили жесткие стычки на глазах общественности. Утзон противился изменениям, на которых настаивал Хьюз, утверждая, что министр губит уже проделанную работу. Он заявил, что Хьюз уже разбазарил 15 миллионов фунтов и потерял два или три года, когда сносил и перестраивал уже построенные части здания. Хьюз отвечал, что, по описаниям Утзона, оперный театр — это симфония, но если дать ему волю, то симфония так и останется неоконченной.

В 1966 году Утзон уехал из Австралии. Он говорил, что не отвечает за первоначальные оценки стоимости строительства, на основании которых проект был одобрен, и что они всегда были нереальны.

Проект продолжался под руководством бригады австралийских архитекторов, которые теперь вплотную столкнулись с проблемами интерьера: на четырех с половиной акрах предстояло разместить театр оперы и балета, концертный зал, студию звукозаписи, кинотеатр, многочисленные рестораны и прочие заведения.

Судьба оперной аудитории была решена, когда Австралийской радиовещательной комиссии были

предоставлены права на самый большой зал, который первоначально предназначался для оперы. Таким образом, оперные и балетные спектакли оказывались теперь сосланы в меньший зал — всего лишь на 1500 мест — это на 1300 меньше, чем в уже существующем театре, откуда местная оперно-балетная труппа собиралась переехать в новое помещение.

Чем ближе к дате открытия — тем больше и больше новых проблем. Стоянка машин не была предусмотрена, а когда вспомнили о ней — места уже не было. Планы строительства подземного гаража в ближайшем городском парке пришлось оставить, потому что строительные рабочие отказались губить два древних дерева на том историческом месте, где аборигены впервые исполнили свой обрядовый танец перед британскими колонистами в 1811 году. Музыканты Сиднейского симфонического оркестра угрожали отказом играть в таких условиях, когда некуда поставить машину. Нам, говорили они, вовсе не улыбается перспектива тащиться по улицам города в вечерних костюмах с тяжелыми инструментами. Кроме того, спрашивали они, как впихнуть 75 музыкантов в оркестровую яму, рассчитанную на 60?

Балетная труппа жаловалась на то, что за кулисами не хватает места, — просто смеху подобно. Это означало, что балетный танцор, совершив прыжок, рисковал расшибиться в лепешку о кирпичную стену.

Администраторы высказывали сомнения в том, что спектакли смогут начинаться вовремя. Поскольку подъезды к театру еще не готовы, говорили они, зрители, оказавшиеся достаточно прозорливыми, чтобы приехать на такси, а не на своих машинах, ни за что не проникнут сквозь заслоны дорожных работ, а пробираясь обходными путями через ямы и колдобины, окажутся с головы до ног заляпанными грязью.

Многие артисты жаловались на недостаток репетиционных комнат и на отсутствие уборных. Жалобы поступали даже на состояние туалетов — они либо не работали, либо разваливались прямо на глазах. Но в последний момент были проведены ремонтные работы, и местная газета наконец объявила: «Все колесики вертятся!»

В октябре 1973 года королева открыла Сиднейский оперный театр. Любители оперы из Австралии, мировые знаменитости и гости со всего света поздно ночью покидали это удивительное сооружение, отдавая должное оригинальной архитектурной идее, которая вопреки всем ожиданиям успешно воплотилась в жизнь, ибо здание поразило практически каждого, кто его увидел.

Но в эту благоуханную, сияющую ночь 1973 года в общем хоре недоставало одного голоса. Это было выражением воли правительства Нового Южного Уэльса: список приглашенных Очень Важных Персон не включал в себя Йорна Утзона. И он не приехал.

Как невеста с шафером венчалась

В один прекрасный день в начале 1920-х годов Альберт Малдун, шафер жениха, приблизился вместе с последним к алтарю крохотной церквушки в Килетере, графство Тирон. Но стоял он не по правую руку от жениха, как принято, а по левую.

Скоро появилась невеста, и служба началась. Поскольку Альберт стоял слева, то священник обращал все свои вопросы к нему — и Альберт отвечал. Священник довел службу до конца и затем пригласил счастливую чету поставить свои подписи

в книге регистраций. Ошибка обнаружилась только тогда, когда настоящий жених стал настаивать на том, что подписаться должен именно он, тогда как священник предлагал сделать это Альберту.

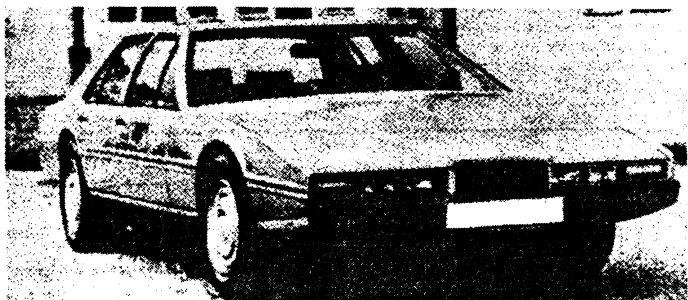
Служба тут же была проведена вновь — на этот раз Альберт стоял справа.

Впоследствии Альберт говорил: «Мой друг Кристофер, жених, так нервничал, что не мог произнести ни слова, так что мне пришлось отвечать за него».

Лео Грейд, впоследствии ставший всемирно известным кино- и телемагнатом Лордом Грейдом, однажды посетил лондонский театр и посмотрел дуэт актеров, который ему чрезвычайно понравился. В антракте он бросился за кулисы, поздравил исполнителей и пообещал сделать из них звезд первой величины, если они будут работать с ним как с их агентом. По его словам, они могли бы получать в два раза больше того, что имеют. Актеры пришли в неописуемый восторг, и тут Грейд спросил их: «А кто сейчас ваш агент?». На что те ответили: «Лео Грейд».

Суперавтомобиль: миля в час

Представители прессы со всего мира выстроились в ряд, чтобы стать свидетелями доставки покупателю первого суперавтомобиля из новой серии. «Лагонда», производство фирмы «Астон Мартин», стоимостью в 32 000 фунтов стерлингов, развивающая скорость до 140 миль (256 километров) в час, должна была быть доставлена маркизе Тависток на дом, в Уобурнское аббатство. Маркиза купила машину на кредитную карточку «Дайнерз Клуб» в качестве подарка к семнадцатилетию свадьбы своему мужу, маркизу, сыну герцога Бэдфордского, владельца аббатства; она же пригласила

прессу и телевидение, чтобы запечатлеть церемонию вручения подарка.

Но «Лагонда», которая произвела фурор на Лондонской автомобильной выставке 1976 года, обманула всеобщие ожидания и не примчалась с гортанным ревом и визжанием шин. Три месяца назад мини-компьютер, долженствующий произвести переворот в системах управления автомобилем, взорвался («Кто-то по ошибке подсоединил черный провод к красному», — сказал американец-директор Питер Спраг), а механики «Астон Мартина» так и не успели до начала церемонии его починить. Таким образом, вместо 140 миль в час максимальная скорость, которую сумел развить суперавтомобиль, составила около одной мили в час — когда смущенные помощники толкали его к подъезду Уобурнского аббатства.

Виктор Грант из Урексхэма, графство Сев. Уэльс, копил деньги на автомобиль. Он хотел сделать жене сюрприз и не сказал ей, что уже отложил 500 фунтов стерлингов и спрятал их в кучу старого тряпья. Когда его не было дома, пришли мусорщики, и жена отдала им это тряпье на выброс. Придя домой, Грант обнаружил оплошность; он нанял экскаватор, чтобы раскопать свалку. Потрудившись два дня, он сдался и начал копить снова. На этот раз Грант положил деньги в банк.

Оперный «слон в ванной»

Слон в ванной не кажется столь огромным, как Оперный театр в городе Манаусе, Бразилия. Этот театр — памятник грандиозным, но бесполезным замыслам, благодаря которым Манаус сделался одним из самых дорогих городов в мире.

В годы бразильского каучукового бума, 1890—1911, Манаус, расположенный у слияния рек Риу-Негру и Амазонки, из сборища жалких лачуг превратился в столицу каучуковой промышленности и в один из прекраснейших городов мира. Чего только ни встретишь в нем — замки, шато, мечети, палаццо, особняки в стиле Тюдоров...

Почти все материалы, включая камень, были импортированы из Европы и оплачивались из огромных состояний, наживаемых тогда на каучуковом бизнесе. Когда новоявленные магнаты осветили в Манаусе улицы, провели канализацию, построили плавучий док, устроили декоративные сады и пустили первый в Южной Америке электрический трамвай, они стали оглядываться вокруг, решая, что бы им еще этакое соорудить.

И тогда они начали свозить самые дорогостоящие материалы для строительства оперного театра под названием Театро Амазонас. Прекрасное здание с изысканной росписью и куполом, выложенным зеленой, голубой и золотистой плиткой, было завершено в 1896 году. Оно стоит в живописном месте, с которого открывается изумительный вид на воды Риу-Негру и окрестные леса.

Но в то время как местные власти не скупилась на расходы по строительству оперного театра, они упустили из виду одно жизненно важное обстоятельство. Зрителей оказалось слишком мало. Зал вмещал 2 тысячи человек, а население Манауса не

достигало и 40 тысяч. Притом подавляющее большинство огрубевших добытчиков каучука не питали ни малейшего интереса к опере, да и к театру вообще.

Вскоре после открытия оперный театр был снова закрыт и заброшен. Термиты и сырость делали свое дело. Даже когда обрушилась, сорвавшись с проржавевших цепей, гигантская люстра, никому не было до этого никакого дела.

Здание, да и сам Манаус погрузились в забвение и запустение по мере упадка каучуковой промышленности. К 1930 году былой бум сохранился разве что в людской памяти.

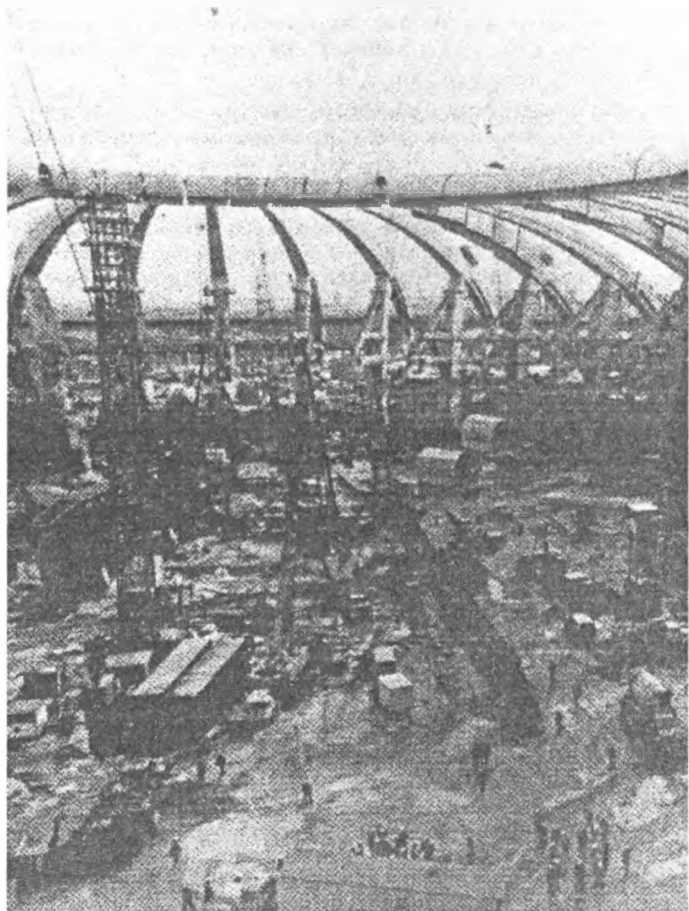
Впрочем, в последние годы в городе начали развиваться новые отрасли промышленности, и великолепное здание оперного театра с его декоративными садами было отреставрировано. Из его бархатных, претенциозных недр снова доносятся звуки музыки. На этот раз, однако, не голоса оперных певцов наполняют собою Театро Амазонас, а школьный хор, который использует здание для своих репетиций — раз шесть в году.

Олимпийское фиаско Монреалья

Олимпийские игры проиграли миллиард

Монреаль с гордостью исполнял роль хозяина Олимпийских игр 1976 года — и остался лицом к лицу со счетами на один миллиард долларов. Таким оказался невообразимый долг города после проведения игр. Это более чем в восемь раз превысило планируемые расходы.

Предварительные оценки стоимости оказались настолько далеки от истины, что когда милли-

арднодолларовые игры закончились, владельцам недвижимости в Монреале пришлось платить специальный Олимпийский налог, введенный на 20 лет с целью погашения долга. Провинция Квебек взяла на себя оставшуюся часть долга, для выплаты которой был введен дополнительный налог на табак и организованы лотереи.

Ко времени окончания Игр строительство основного Олимпийского стадиона и двух Олимпийских отелей еще не было завершено. Винили в этом плохую погоду, стычки с профсоюзами, плохое планирование, плохое поступление фондов...

Считалось, что великолепные сооружения сами себя окупят после того, как спортсмены разъедутся по домам. Однако на первом же национальном чемпионате по велогонкам на треке выяснилось, что велодром на 10 000 мест (стоимость строительства — 50 миллионов долларов, по миллиону на каждого зарегистрированного канадского участника гонок) смог привлечь лишь 300 зрителей с купленными билетами.

Другие примеры безудержных трат включают 1,5 миллиона долларов на приобретение радиоприборов связи для сотрудников безопасности, 1 миллион за взятые напрокат 33 подъемника (дешевле было бы их просто купить) и полумиллионный гонорар Монреальскому симфоническому оркестру и хору за выступление под фонограмму — музыка через громкоговорители звучала в записи!

Как только Игры завершились, на рынок было выброшено более 3700 тонн всевозможных товаров из вторых рук — от шнурков для боксерских ботинок до 10 000 телевизоров — по ничтожным ценам. Никому не нужный мусор заполнял склады площадью в три футбольных поля, и лишь у канадской армии нашлось достаточно грузовиков, чтобы вывезти его.

Министр спорта Квебека Клод Шаррон оценил

стоимость эксплуатации комплекса после Олимпийских игр в 5,5 миллионов долларов в год, тогда как доход от них составляет лишь 2 миллиона. «Нам в наследство досталось чудовище, порожденное возмутительными расходами, никак не оправданное в социальном смысле и бесперспективное в экономическом», — сказал министр.

Сильвия Эстер, пловчиха из Восточной Германии, установила мировой рекорд на дистанции 100 метров, проплыв ее за 57,9 сек. Однако власти отказались зарегистрировать рекорд, поскольку она плыла обнаженной.

Последнее слово

Эпитафия на могиле в Вулвиче, Лондон:

*Священной памяти
МАЙОРА ДЖЕЙМСА БРАША,
убитого случайным выстрелом
из пистолета его ординарца
14-го апреля 1831 года.*

*Добродетельный,
раб верный
и достойный!*

Эпитафия на могиле неизвестного грабителя, подстреленного во время грабежа в 1905 году и похороненного на погосте в Шелдоне, штат Вермонт:

*Здесь лежит
некий грабитель.
Сей камень
куплен на деньги,
найденные при нем.*

Первый в мире водитель... и жертва аварии

Николя Куньо, французский офицер-артиллерист, может быть назван первым в мире в трех важных аспектах. Он изобрел и построил трехколесный паровой автомобиль в 1769 году и стал первым в мире водителем. Спустя несколько минут после своего первого старта Куньо стал первой в мире жертвой автомобильной аварии: он въехал в кирпичную стену.

Отважный изобретатель не сильно пострадал при аварии и уж вовсе не потерял оптимизма. Он продолжал совершенствовать рулевое управление и тормозную систему своей машины и добился того, что она могла везти четырех человек со скоростью две мили (3 км) в час. Военное министерство Франции заключило с ним контракт на строительство гораздо более крупной машины, предназначенной для использования в качестве боевого транспортировщика.

Между тем, дорожные испытания машин Куньо оказались настолько опасными для жизни и здоровья, что он стал первым арестованным за опасную езду.

Его боевой транспортировщик так и не был использован, и в 1804 году он умер в неизвестности.

Всего за 20 минут днем 15 октября 1966 года 75-летний водитель из Маккинни, штат Техас, четыре раза проехал по левой стороне улицы, учинил четыре аварии и четыре раза покинул место происшествия, был десять раз оштрафован — и был назван худшим в мире водителем в Книге рекордов Гиннеса.

Зла не хватает...

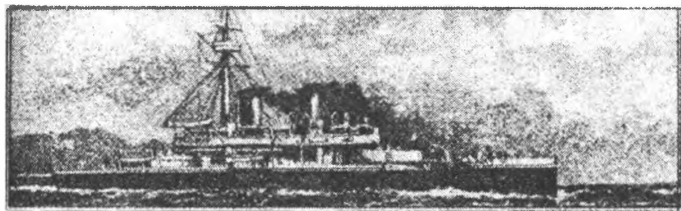
Летчик одной из авиакомпаний поселил любовницу, хорошенькую стюардессу, в лондонской квартире. Год все шло хорошо в их любовном гнездышке, пока пилоту, человеку женатому, не наскучила его подружка, и он велел ей выметаться.

Любовница попросила дать ей несколько дней на переезд, и он согласился. Это оказалось дорогостоящей ошибкой.

Летчик отправился в кругосветный полет. Когда он вернулся, девушка уже оставила помещение, причем в идеальной чистоте. Не в порядке было только одно: телефонная трубка была снята.

Он поднес ее к уху и услышал голос, снова и снова называющий точное время с американским произношением. Перед тем как уйти, любовница набрала номер говорящих часов в Вашингтоне.

Цена разорванного романа — телефонный счет на 1200 фунтов стерлингов.

Судно Королевского флота «Дредноут»

Принцы, которых не было

Как шутник одурачил Британский военно-морской флот

Первым сообщением о предстоящем визите высокопоставленных особ королевской крови была телеграмма из Министерства иностранных

дел в Лондоне, направленная на имя Внутреннего и Атлантического флотов, стоявших на приколе у Веймута, графство Дорсет.

Шел 1910 год, и британская морская мощь не имела себе равных. Крупнейшее из судов, флагман Королевского военно-морского флота, называлось «Дредноут». И именно на «Дредноут» поступило послание Министерства. Телеграмма, подписанная заместителем министра сэром Чарлзом Хардинджем, предписывала судну подготовиться к визиту группы абиссинских принцев. Флоту было приказано устроить для них праздник, попестовать их ощущение собственной важности и вообще произвести на них впечатление, продемонстрировав несокрушимость имперской державы.

Офицеры «Дредноута» взялись за дело; им и в голову не приходило усомниться в подлинности телеграммы.

Тем временем в Лондоне, на вокзале Педдингтон-стейшн, элегантный человек в цилиндре и визитке давал авторитетные указания начальнику станции. Он назвался Гербертом Чолмондсли из Министерства иностранных дел и требовал подать специальный поезд для препровождения в Веймут делегации абиссинских принцев. Поезд надлежало подать незамедлительно.

Начальник станции помчался готовить спецпоезд для Очень Важных Персон — ему и в голову не пришло, что Чолмондсли может быть самозванцем.

Человеком из МИДа был Уильям-Хорэс де Вер-Коул, богатый светский молодой человек, выдающийся мастер розыгрыша. Он же послал и вышеупомянутую телеграмму. А четверо принцев, севших в специальный поезд на Педдингтон-стейшн, были его друзья: знаменитая романистка Вирджиния Вульф, сын судьи Гаи Ридли, спортсмен Энтони Бакстон и художник Данкен Грант. Все они

*Уильям де Вер-Коул в день своей свадьбы. На вставке —
Вирджиния Вульф*

были хорошо загримированы, включая накладные бороды, и облачены — усилиями театрального гримера и костюмера Уилли Кларксона. В поездке их сопровождали: переводчик Адриан, брат Вирджинии Вульф, и сам шутник Коул.

Группа прибыла в Веймут и была встречена с красным ковром и почетным караулом. Их препроводили на борт «Дредноута», украшенного флагами в честь высоких особ. Во всем флоте не нашлось ни абиссинского флага, ни нот абиссинского гимна. Взамен смущенные офицеры приказали вывесить флаг Занзибара, а оркестр исполнил национальный гимн этой страны. Но смущаться долго не пришлось — принцы не заметили разницы.

Осматривая флот, члены делегации раздавали визитные карточки на языке суахили и говорили по-латыни с неузнаваемым акцентом. На все, что бы им ни показывали, они реагировали восторженными возгласами: «Банга-банга!».

Им были оказаны все мыслимые знаки внимания. В свою очередь, они щедро раздавали высшим офицерам абиссинские военные награды. Однако от предложенной им пищи и напитков они отказались по религиозным соображениям — гример Кларксон предупредил, что стоит им начать есть, как их накладные губы тут же отвалятся.

Было два момента, когда обман едва не раскрылся. Сначала Энтони Бакстон чихнул, и при этом у него отвалился один ус (он успел незаметно для окружающих прикрепить его на место), и второй раз, когда группе представили одного офицера, приходившегося родственником Вирджинии Вульф и также очень хорошо знакомого с Коулом. Но этот офицер не распознал Вирджинию под гримом и, что совсем удивительно, не подал вида, что узнает Коула.

Высокая делегация поспешила завершить свой визит и, попозировав фотографам, вернулась в

Лондон, где и раскрыла свой возмутительный обман. Эта операция обошлась Коулу в 4000 фунтов стерлингов — в те дни поистине королевская сумма.

Впрочем, Коул никогда не останавливался ни перед какими тратами и не скупился ни на какие усилия ради хорошего розыгрыша. Однажды он оделся рабочим и выкопал огромную яму посреди оживленной лондонской улицы Пиккадилли. В течение нескольких дней он наблюдал, как озадаченные чиновники городского совета наносили многочисленные визиты его яме. Прошла целая неделя, прежде чем они догадались, что их надули, и приказали закопать яму.

В другой раз Коул гулял по Вестминстерскому аббатству с одним членом парламента; этот архिशутник предложил парламентария пари, что перегонит его в беге до ближайшего угла, даже дав ему десять ярдов фору. Парламентер согласился, не подозревая, что его приятель тихонько опустил в его карман свои золотые часы. Когда парламентарий побежал, Коул закричал: «Держите вора!» — и затем предложил полисмену обыскать карманы беглеца. Часы обнаружили, и парламентария забрали в ближайший полицейский участок, где его ждала незавидная участь — доказывать полиции, что всех их водят за нос.

Но любимыми розыгрышами Коула были переодевания. Будучи студентом Кембриджского университета, он как-то раз переоделся султаном Занзибара и нанес официальный визит в свой собственный колледж. Ему даже показали его собственную комнату.

Другой случай из числа его немислимых переодеваний — это явление на съезд руководителей профсоюзов. Он проследовал на трибуну, чтобы произнести речь. Аудитория ожидала выступления первого британского премьер-министра от лейбористской партии Ремзи Макдональда, и Коул,

проведя целые часы гримируясь перед зеркалом, стал действительно очень похож на него.

Настоящий же Макдональд в это время затерялся где-то на лондонских улицах в такси, которое вел сообщник Коула. Коул между тем говорил профсоюзным лидерам, что им следует побольше работать и поменьше получать. Речь была встречена без энтузиазма.

Канадский фотограф Питер Даффи, получивший задание сделать репортаж об открытии мемориальной доски в здании муниципалитета города Принс-Джордж, провинция Британская Колумбия, решил оживить обещавшее быть нудным событие тем, что приклеил большую цветную фотографию голой девицы поверх мемориальной доски, но под прикрывающей ее занавесью. После чего он скромно поместился в задних рядах с фотоаппаратом наготове в ожидании, когда мэр отдернет занавесь.

Из рассказа Даффи: «Мэр сначала не видел фотографии, а когда увидел, у него отвисла челюсть. Вместо ожидаемых рукоплесканий в зале царил абсолютное безмолвие. Потом меня уволили».

Закон и вправду может быть ослом

«Закон — осел... идиот». Таков был вердикт, который вынес м-р Бамбл, персонаж романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Если бы м-р Бамбл посетил молодые штаты Северной Америки, он бы обнаружил, что его предубеждение порой хорошо обосновано. Ибо там законодатели усердно трудились, создавая целый ряд новых и вполне ослиных законов.

С течением лет к этому ряду прибавлялись все новые и новые законы. И, благодаря свойственной бюрократам забывчивости, они сохраняют

силу (хотя редко применяются на практике) и по сей день.

Горе тебе, житель Грина, штат Нью-Йорк, если ты ешь арахис и при этом идешь прочь от сцены во время концерта — тебя ждет заслуженная кара!

Приносить рыболовную снасть на кладбище — противозаконное деяние в Манси, штат Индиана. В штате Нью-Джерси закон запрещает поедать суп с чавканьем. В Мемфисе, штат Теннесси, местный закон требует, чтобы женщина не смела вести автомобиль, если впереди не идет мужчина с красным флажком.

Добропорядочные жители города Милуоки, прогуливая своих домашних слонов в общественных местах, должны держать их на поводке. В штате Оклахома незаконно поить рыбу допьяна и пытаться ловить китов во внутренних территориальных водах, принадлежащих штату.

Даже насекомые не ушли от внимания законотворцев. В Киркленде, штат Иллинойс, закон запрещает пчелам пролетать через город.

Запрещается продавать бублики в кафе города Лихай, штат Пенсильвания. В Лексингтоне, штат Кентукки, носить вафельные рожки с мороженым в карманах — незаконно.

В Корваллисе, штат Орегон, законодатели давно минувших лет устроили себе настоящий праздник. Задумайтесь на минутку о молодой девушке, которой захотелось купить себе чашечку кофе после шести вечера. Местный закон утверждает, что ей придется потерпеть. В Линне, штат Массачусетс, не разрешается подавать кофе младенцам в ресторанах. В Уотерлу, штат Небраска, цирюльникам запрещается есть лук от семи часов утра до семи часов вечера.

И все же главный приз законодателю с «поехавшей крышей» следует присудить округу Терстон, штат Вашингтон. Тамошним чиновникам хотелось сделать так, чтобы полицейские и пожарные, ко-

торые работают по воскресеньям, не получали сверхурочных. Мудрецы-законники засели за работу, и вот что они придумали: в контексте исчисления ставок заработной платы воскресенья отныне отменяются.

Никто не должен ходить, бегать, стоять, сидеть и лежать на траве на этой площадке.

— Уложение городского совета г. Ньюкуэй, графство Корнуолл

Канал спустили в канализацию

Джек Ротуэлл и его бригада были заняты нелегким делом — очисткой вод напряженного участка Честерфилдского канала близ Ретфорда в графстве Ноттингемшир. Работа оказалась не из простых — если учесть массы ила, ржавых велосипедов, тележек и холодильников. Неразрешимой проблемой стало сдвинуть с места тяжелую железную цепь, лежавшую на дне канала.

Наконец Джек, который был бригадиром, придумал подцепить ее к канавокопателю. Водитель Кевин Баускилл завел машину и резким рывком сдвинул груз с места. Рабочие вытянули цепь вместе с прилаженным к ней большим деревянным блоком, после чего отправились на перекур.

Пока их не было, проходивший мимо полицейский заметил невиданный прежде водоворот на обычно гладкой поверхности канала. Он также заметил, что уровень воды понижается. Он поспешил на поиски очистительной бригады. Когда они вернулись, канал исчез.

И тогда до них дошло. Джек и его ребята открыли шлюз. Полторы мили водного пути было спущено в канализацию.

Шлюз, установленный Джеймсом Бриндли при строительстве канала двести лет тому назад, пребывал в бездействии до самого появления Джека с его бригадой летом 1978 года. И теперь миллионы галлонов воды, наполнявшей канал, стекали в ближайшую реку Айдл. Все, что осталось на месте канала, — это несколько безнадежно севших на дно увеселительных судов с их разгневанными владельцами на борту, сам канавокопатель... и зияющая дыра шлюза.

Город, 110 лет находившийся в состоянии войны

Простая оплошность более чем на столетие ввела небольшой британский город в состояние войны с одной из могущественнейших держав на свете. Долгая, но мирная война происходила между Россией и пограничным городком Берик-апон-Туид.

На протяжении веков Берик 13 раз переходил из рук в руки — то к Шотландии, то к Англии. В 1482 году он окончательно вошел в состав Англии. Но в силу своего необычного положения в истории во всех государственных бумагах он традиционно числится как самостоятельная административная единица.

В начале Крымской войны Англия объявила царской России войну от лица Виктории, королевы Великобритании, Ирландии, Берик-апон-Туида и всех британских владений. Война закончилась в 1856 году, но Парижские мирные соглашения того же года по недосмотру не упомянули Берик.

Таким образом, город оставался официально в

состоянии войны с Россией на протяжении последующих 110 лет, пока в 1966 году некое советское официальное лицо не нанесло дружеский визит в Берик и не провозгласило мир.

Мэр города, советник Роберт Нокс, ответил: «Передайте русским людям, что они могут наконец спать спокойно».

Марсиане прилетели!

Радиопьеса Орсона Уэллса вызвала панику в Америке

Орсон Уэллс ведет радиоспектакль «Война миров»

В восемь с небольшим вечера в воскресенье, 30 октября 1938 года суровый голос прервал радиопередачи, чтобы предупредить американцев: «Леди и джентльмены, у меня для вас серьезное сообщение...»

Последовавшие за этим слова, переданные по радио по всей стране, послужили причиной неслыханной паники. Ибо это было самое серьезное сообщение о том, что в Северной Америке приземлились марсиане, что они сметают всякое сопротивление на своем пути и ведут кровавые бои. США находятся под угрозой завоевания существами из космоса.

Объявление было частью необычной радио-

пьесы — но пьесы настолько реалистичной и поставленной таким театральным гением, что большинство слушателей приняли его за чистую монету.

Передача началась без особого драматизма. В восемь часов вечера радиослушатели услышали: «Радиовещательная система «Колумбия» и другие сотрудничающие с нею радиостанции представляют Орсона Уэллса и его постановку в радиотеатре «Меркурий» пьесы Г. Дж. Уэллса «Война миров».

Затем ворвался гудящий голос Орсона Уэллса: «Мы уже знаем, что в первые годы двадцатого столетия за нашим миром зорко следили существа с интеллектом, превосходящим человеческий».

Его прервал диктор, читающий, по всей видимости, обычную сводку: «Погода на завтра... В течение последующих суток температура существенно не изменится. Небольшие атмосферные пертурбации неизвестного происхождения наблюдались в районе Нова-Скоша, в результате чего область низкого давления довольно быстро продвигается к югу, захватывая штаты северо-восточного региона; возможны дожди, ветер умеренный до сильного. Максимальная температура — 19 градусов, минимальная — 10. Сводка была подготовлена Правительственным бюро погоды.

А сейчас мы переносим вас в отель «Парк-Плаза» в центре Нью-Йорка и приглашаем послушать музыку Реймона Ракуэлло и его оркестра».

Пока ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Но атмосфера расчетливо подогревается. Слушатели, подключившиеся с самого начала передачи, уже убаюкиваются; они уже забывают, что слушают-то они не что иное, как радиопьесу.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы слушателей было так уж много. После шестнадцати постановок театра «Меркурий» руководители Радиовещательной системы «Колумбия» («Си-Би-Эс») вынуждены были признать, что из их драматического сериала

бомбы не вышло. Театр «Меркурий» собирал лишь три процента слушательской аудитории. Воскресными вечерами большинство людей настраивались на волну конкурирующей станции, где шла передача Чарли Маккарти.

Поэтому-то Орсон Уэллс, озабоченный таким низким рейтингом, и бросил все свои силы на «Войну миров». Он понимал, что «Си-Би-Эс» похоронит его программу, если не найдет спонсора-рекламодателя с большими деньгами. А такого спонсора она не найдет, если не привлечет многочисленных слушателей.

Уэллс со своими сотрудниками по театру «Меркурий» Полом Стюартом и Джоном Хаузменом работал над пьесой пять дней. Они репетировали, переписывали, снова репетировали. В четверг вечером, накануне выхода в эфир, они втроем прослушали запись и остались недовольны.

Таким угрюмым Уэллса, который одновременно репетировал другую пьесу в Нью-Йорке и чуть ли не засыпал на ходу, никто никогда прежде не видел. Он говорил: «Наш единственный шанс — сделать это как можно более реалистичным. Надо использовать все мыслимые трюки». Бригада работала всю ночь, добавляя к сценарию куски, которые звучали бы как сводка новостей. Весь следующий день Стюарт работал над звуковыми эффектами: шумом паникующей толпы, стрельбой, криками и воплями.

К вечеру воскресенья студия была завалена бумажными стаканчиками и пакетами из-под еды, оставшимися после восьми нервных часов репетиций. Но в семь пятьдесят девять вечера, когда Уэллс заглотнул бутылку ананасового сока перед выходом в эфир, все сходились на том, что у передачи появился хороший шанс... что она сумеет перехватить слушателей у Чарли Маккарти... что театр «Меркурий» может заставить говорить о себе.

То, что произошло в следующие двадцать четыре часа, и впрямь заставило всех заговорить о театре «Меркурий» и в особенности об Уэллсе. Это также перехватило слушателей у Чарли Маккарти — и даже скорей, чем Уэллс мог предполагать.

Случилось так, что в программе-варьете Чарли Маккарти в тот воскресный вечер выступал новый певец. Никому не известный. Он вышел в эфир в десять минут девятого, и скушающие слушатели тут же принялись крутить ручки своих приемников — а нет ли чего-нибудь получше на «Си-Би-Эс». Слушатели поймали «Войну миров» уже после того, как все предварительные сообщения были сделаны. Они и понятия не имели, что идет радиопьеса. Они понимали одно — что нечто странное происходит в районе восточного побережья. Так говорил диктор «Си-Би-Эс»...

«Леди и джентльмены, у меня для вас серьезное сообщение. Неизвестный объект, который упал нынешним вечером в Гроуверз-Милл, штат Нью-Джерси, — это не метеорит. Каким бы невероятным это ни казалось, в нем находились странные существа, которые, как полагают, являются передовым отрядом армии с планеты Марс».

Дальше шла нежная музыка. Маленькая хитрость — заставить людей ощутить нервозность, беспокойство, неуверенность. Что происходит?

Снова возник диктор. В его голосе звучали нервные, паникующие нотки. Марсиане, страшные существа с кожей, напоминающей телячью, распространяются по округе. На перехват высланы силы нью-джерсийской полиции.

Снова музыка, снова лихорадочные объявления, леденящее душу молчание. Люди приросли к своим креслам. Звали соседей, чтобы и те послушали. Предупреждали по телефону родных. По всей Америке начиналась паника.

Снова возбужденно заговорил диктор: «А теперь мы приглашаем вас в Вашингтон. Министр инос-

транных дел сделает специальное заявление относительно чрезвычайной ситуации». Официальный голос призвал население не поддаваться панике, но тут же, не переводя дыхания, сообщил, что место высадки марсиан отнюдь не ограничивается штатом Нью-Джерси. Космические корабли падают на землю по всей территории Штатов. Тысячи военнослужащих и мирных жителей убиты смертоносным лучевым оружием.

Звучали голоса свидетелей, многих из которых играл блестящий актер Джозеф Коттен. Свидетели рассказывали, как они видели приземляющиеся огненные объекты и высыпающих из них отвратительных существ, как лучевые пистолеты косили людей тысячами, как непобедимы пришельцы.

Один их уэллсовых актеров изображал президента Соединенных Штатов и предостерегал американский народ от опасной паники. Передача завершилась криком диктора с самого верха небоскреба «Си-Би-Эс» о том, что Манхэттен уже почти захвачен. Его лихорадочный репортаж в конце перешел в славенный вопль.

К этому времени многие слушатели уже оторвались от своих радиоприемников. Те, которые дослушали до конца, поняли, что это была всего лишь пьеса. Те же, кто не дослушал, ударились в панику.

В Нью-Джерси, откуда поступили первые сообщения о высадке марсиан, дороги были забиты автомобилями, рвавшимися в холмистые районы штата. Люди семьями выбегали из своих домов с обмотанными мокрыми полотенцами головами — они полагали, что это спасет их от ядовитых космических газов, про которые им порассказали. Легковые и грузовые машины были завалены мебелью и ценностями. Началось массовое бегство.

Паника нарастала. В Нью-Йорке опустели рестораны. Толпы народа скопились на автобусных остановках и стоянках такси — люди спешили

домой, чтобы быть рядом со своими близкими. Жены, разыскивая мужей, обзванивали бары. Новость распространялась.

На корабли военно-морского флота США, стоявшие на рейде в Нью-Йоркском заливе, был созван по тревоге весь приписной личный состав для обороны Америки от нашествия марсиан. На всем пространстве от Лос-Анджелеса до Бостона наблюдались метеоры. Наиболее импульсивные граждане заявляли, что видели марсиан собственными глазами.

— Запасники добровольно являлись на свои приписные пункты, чтобы защищать мир. В штатах Юга истерически плачущие женщины молились на улицах. По всей стране люди врываются в церкви, прерывая богослужения, чтобы сообщить новость собравшимся. Зарегистрирована даже одна попытка самоубийства.

Телефоны в редакциях газет и на радиостудиях надрывались. И все же, как это ни удивительно, на студии «Си-Би-Эс» не было и намека на панику. Там под крики и объявления военного положения Уэллс вел свою передачу к страшному концу. Уэллсу и Коттену сообщили о звонках в студию, но Коттен отмахнулся: «Это просто слабонервные». Ближе к окончанию передачи в студию прошли с заднего хода два полицейских, но, убедившись, что это всего-навсего пьеса, никому о панике не сказали, а вместо этого остались дослушать финал.

Уэллс впервые узнал о том, к чему привел его чрезмерный энтузиазм, когда наутро вышел из своей квартиры и увидел свое имя, высвеченное неоновыми буквами на щите новостей здания «Нью-Йорк Таймс»: «Орсон Уэллс вызывает панику». Он купил газеты и пробежал заголовки: в «Нью-Йорк Геральд Трибюн» — «Нападение марсиан в радиопьесе вселяет страх в тысячи людей» и в «Нью-Йорк Таймс» — «Радиослушатели в

панике: многие покидают дома, опасаясь газовой атаки с Марса».

Уэллс, который в свои двадцать четыре года был уже знаменитым актером, подвергся резкой критике за непродуманные действия, нагнавшие ужас на половину США. Газеты громили его за безответственность. Поговаривали о привлечении Уэллса к суду.

Десятки людей подали в суд на «Си-Би-Эс»; общая сумма иска составила 750 000 долларов. Но все иски были взяты назад, и боссы «Си-Би-Эс» не только не сняли программу Уэллса с эфира, но еще и погладили себя по головке за то, что взяли к себе на работу актера, чье имя у всех на устах. Рейтинг театра «Меркурий» взлетел в небо. Они даже нашли спонсора.

Крупнейший розыгрыш в истории радио себя окупил.

Чешская домохозяйка Вера Чермак была в отчаянии, узнав о неверности своего мужа. В приступе безутешного горя она выбросилась из окна третьего этажа своей пражской квартиры. Три этажами ниже по улице проходил пан Чермак. Пани Чермак приземлилась прямо на пана Чермака. Пан Чермак скончался, а пани Чермак выжила.

Посетители ярмарок выстраивались в очередь, чтобы поглазеть на удивительного Кинг-Конга: 23-летнего Майка Тауэлла в шкуре обезьяны. Представление Майка пользовалось большим успехом на многих ярмарках Британии. Но настоящей бомбой оно стало в Хаддерсфилде, графство Йоркшир. Когда действие достигло своей кульминационной точки и он раздвинул прутья клетки и прыгнул в толпу, некий перепуганный гражданин схватил железный прут и врезал ему по голове. Гражданин в панике убежал, а Кинг-Конга спешно отвезли в больницу, где ему наложили шесть швов.

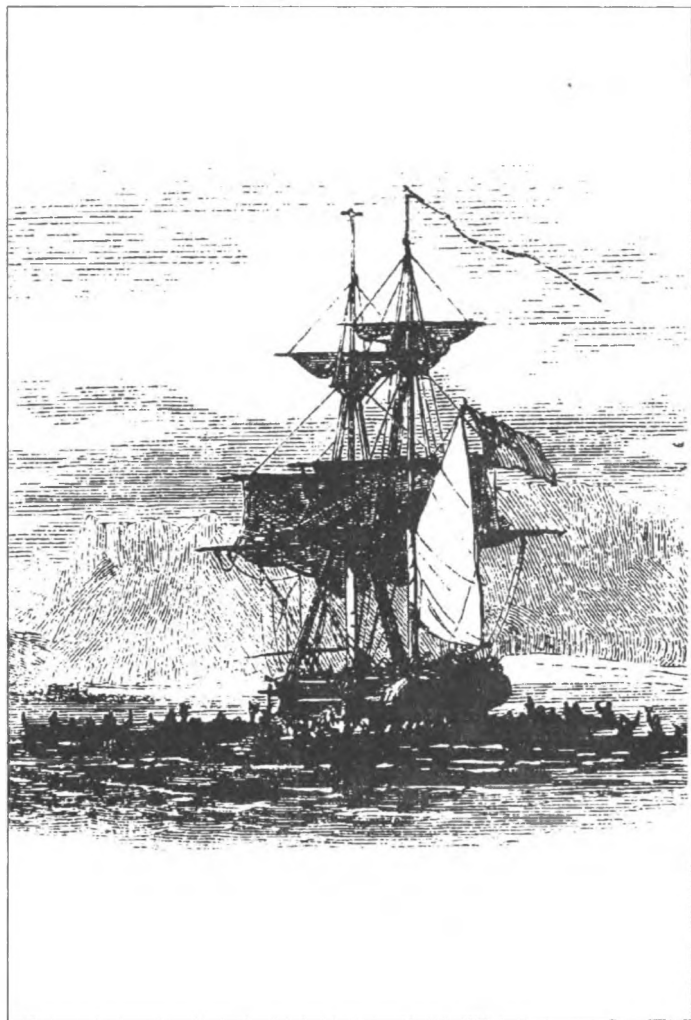
Капитан Кук, насмерть пронзенный копьем туземцев на Гавайях, 1777 год

Как был потерян рай

Путешественники, которые уничтожили остров Любви

Хотите попробовать представить себе нечто, напоминающее рай на земле? Тогда подумайте об острове Таити. Ибо эту крохотную точку на просторах Тихого океана путешественники веками превозносили как прекраснейшее место в мире.

Подплывите к Таити, стоя на палубе корабля, и остров откроется вам с океана, как некая сказочная страна. Он простирается в длину всего лишь на 55 километров, но при этом увенчан 2300-метровой горой с величавыми пиками, пронизывающими облака. Сверкающие потоки пробиваются сквозь покрывающий склоны горы тропический лес.

Гору окружает плоская прибрежная полоса: кораллы, потом серый вулканический песок и, наконец, ревуший прибой. По сторонам единственной на острове ухабистой дороги раскиданы хижины, плетенные из пальмовых ветвей стены, бесшумно колышутся на легком ветру.

В наши дни там имеется также порт Папеете, а гавань наполняют прелестные белые яхты и праздные белые туристы. А 200 лет назад не было ни порта, ни белых людей — только, по описаниям старых мореходов, второй сад Эдема.

Таитянцы вели идиллическую жизнь. Они были бронзового цвета, они были прекрасны, и они были чувственны. Они не прятали любовь, она была у них естественна и разделялась всеми. В дневниках первых исследователей отмечается, что мужчины были высоки, у них были блестящие зубы и безукоризненная кожа — если не считать татуировок, которыми они себя украшали. Женщины были само совершенство, особенно в глазах матросов, долгие месяцы в море не видевших женского лица. Эти женщины носили яркие свободные одежды, почти не скрывавшие их прелестей. Часто они и вовсе ходили с обнаженной грудью и, как правило, вдевали цветы в свои длинные темные волосы.

Остров был буквально покрыт цветами — ирисы, магнолия, жасмин. Он также изобиловал плодами, особенно кокосами и плодами хлебного дерева. Море кишело рыбой: бери не хочу. Сорока тысячам островитян, жившим там два века тому назад, не приходилось трудом добывать себе пропитание. Сама природа щедро предоставляла им еду и пресную воду. Климат был устойчив. Болели мало. Никаких опасностей. Любовь составляла все содержание жизни. Словом, рай, куда ни посмотри.

И вот пришел белый человек. 13 апреля 1769 года капитан Джеймс Кук на своем судне

«Индевор» бросил якорь в заливе Матаваи близ Папееэте.

Впрочем, это не было первой командой белых людей, посетивших Таити. Годом раньше туда причалил для пополнения запасов Луи-Антуан де Бугенвилл на своем «Ля Будезе», а в 1767 — капитан Королевского военно-морского флота Уоллис на «Дельфине». Но Бугенвилл разве только ступил на берег, а Уоллис пробыл меньше месяца, да и то большую часть времени пролежал больной. Более долгому пребыванию Кука и его последующим возвращениям на остров суждено было изменить Таити навеки.

Куку, известному искателю приключений, было тогда 39 лет. Это был крепкий, суровый человек родом из Йоркшира, из бедной семьи. Свою морскую карьеру он начинал простым матросом Королевского военно-морского флота. Он сделал себе имя как мореход, нанеся на карту Ньюфаундленд; против всех ожиданий, ему было поручено командовать «Индевором» и, проведя астрономические наблюдения на Таити, проследовать на юг в поисках легендарного южного континента.

Он прибыл в залив Матаваи во главе команды из 90 человек, самый заметный из которых — богатый молодой ботаник-любитель Джозеф Бенкс, финансировавший экспедицию. По возвращении в Англию он был восторженно встречен в обществе; с ним носились больше, чем с самим Куком; в конце концов он стал президентом Королевского общества; эту почетную должность он занимал до самой смерти.

Можно себе представить, что «Индевор», ставший на якорь в заливе, выглядел в глазах таитянец, привыкших только к своим байдаркам с выносными уключинами, могучим судном. Но по масштабам Королевского военно-морского флота это было вовсе не такое уж впечатляющее судно — водоизмещение 350 тонн, переделан из

угольщика, всего 30 метров в длину, 12 пушек. «Индевор» вот уже восемь месяцев как отплыл из Плимута, и команда оголодала — хотелось свежей пищи, новых впечатлений, женщин. Все были наслышаны о легендарной красоте таитянок и нетерпеливо всматривались в берег и в байдарки, вышедшие им навстречу из залива Матаваи. Они были очень рады исполнить последние перед постановкой на якорь инструкции капитана Кука: «Старайтесь всеми силами налаживать дружеские отношения с туземцами, обращайтесь с ними со всей мыслимой гуманностью».

Поначалу таитяницы держались настороженно; в знак мира они скромно преподнесли команде пальмовые ветви. Но скоро они почувствовали себя более уверенно и стали приглашать чужеземцев в свои жилища. Джозеф Бенкс был потрясен до глубины души красотой этого острова. Он писал: «То, что мы видели, — это живейшее из возможных изображений Аркадии — и нам предстояло стать ее царями».

Первым делом Кук принялся устанавливать на берегу лагерь, где он мог бы подготовить приборы для астрономических наблюдений, главнейшее из которых, — наблюдение за прохождением Венеры через Солнце 3 июня. Но дело оказалось затруднено тем, что местные жители предались мелкому воровству. Пришлось выставить круглосуточный караул на корабле — иначе туземцы вскарабкались бы на него со своих байдарок и стащили все, что не привинчивается. Пока Бенкс обедал на берегу с вождем и его семейством, у него украли подзорную трубу и табакерку. Кук лишился дорогостоящего квадранта, впрочем, впоследствии найденного. Самое неприятное — таитяницы отняли мушкет у караульного в лагере, который открыл по ним огонь.

Кук в своем журнале подцветил этот инцидент. Но Сидней Паркинсон, художник, которого Бенкс

взял с собой, чтобы тот делал зарисовки с тамошних растений, позже изложил событие в его истинном свете. Вот как он описал реакцию охраны на команду стрелять: «Они подчинились с искреннейшим энтузиазмом. Убили одного и многих ранили». И добавлял: «Как это печально — чтобы цивилизованные люди проявляли такую бесчеловечность по отношению к безоружным, невежественным индейцам. Туземцы умчались в лес, подобно перепуганным фавнам. Они находились в крайней степени ужаса».

Так в раю появились первые трещины.

Второй удар обрушился неделю спустя. Вождь, в особенности сдружившийся с англичанами, пожаловался, что мясник с «Индевора» угрожал его жене. Кук велел привязать мясника к реям и пригласил вождя и его семейство на борт, чтобы они были свидетелями наказания виновного — его высекли кошкой-девятихвосткой. Таитянцы рыдали захлеб и умоляли Кука отпустить беднягу. Но Кук был непреклонен, и наказание продолжалось под аккомпанемент горестных завываний вождя и его семьи. Островитяне получили урок того, что означает правосудие белого человека.

Что больше всего поражало таитянцев — это отношение приезжих к любовным утехам. Для островитян это был акт настолько же естественный, как еда, и они нередко предавались ему прилюдно, особенно молодежь, даже 11- и 12-летние. Таитянцы никак не могли понять, почему английские моряки стараются затащить женщин в лес. Чего они так стыдятся?

Поначалу любовь на острове предоставлялась белым людям совершенно бесплатно. Местные девушки вполне откровенно предлагали себя даже караульным на посту. Матросы и мореходы с «Индевора» лакомились девичьими прелестями при каждом удобном случае. То же, как полагают,

делали и большинство офицеров и ученых, за исключением самого Кука.

Но недавние визиты кораблей Уоллиса и Бугенвилля оставили на островитянах первые пятна цивилизованного мира — венерические болезни. Когда через три месяца после прибытия «Индевор» покидал Таити, половина команды оказалась заражена. К тому же любовь на острове уже не давалась даром. Поначалу цена была — один железный гвоздь. Потом два гвоздя. Потом пригоршня. Пришлось вводить наказания за разбазаривание столь необходимого корабельного запаса.

Перед самым отплытием двое моряков дезертировали и бежали в горы с туземными девушками. Их поймали, вернули и высекли.

13 июля «Индевор» отплыл на юг, по направлению к Австралии и Антарктиде, и этот медленный бывший угольщик сопровождали при выходе в открытое море байдарки, набитые плачущими и машущими туземцами. Им отвечали взмахами руки с борта корабля вождь и его слуга, уговорившие Кука взять их с собой. Но им не суждено было пережить это двухгодичное плавание, как и 32 членам команды, умершим в пути от болезней белого человека, которые «Индевор» разносил по всему свету.

Кук проделал еще два тихоокеанских путешествия. В августе 1773 года он вошел в залив Матаваи, командуя другим переделанным угольщиком под названием «Резолюшн» с командой в 117 человек. Его сопровождал корабль «Адвенчурер» с экипажем в 83 человека под командованием лейтенанта Тобиаса Фурно, который ходил с первой таитянской экспедицией Уоллиса. Кук и Фурно пробыли на острове только 16 дней и затем снова направились к югу на исследование Антарктиды и Новой Зеландии. В апреле 1774 года они вернулись на Таити и на этот раз провели там шесть недель.

Отдыхая от невзгод Антарктики и не имея никаких жизненно важных обязанностей на острове, Кук и его люди имели достаточно времени, чтобы увидеть изменения, произошедшие с островитянами в результате их контакта с белым человеком. Они узнали, что до них на острове побывал испанский корабль и что инфлюэнца и венерические болезни уже взяли свое среди туземцев. Люди Кука по-прежнему пользовались милостями островных девушек, но платить приходилось уже не гвоздями. Красавицы, которые совсем недавно наслаждались собственной наготой, теперь требовали от моряков западные одежды.

У Кука было беспокойно на душе. Он писал: «Мы разлагаем их мораль и внедряем в их среду нужды и болезни, которых никогда не знали и которые нарушают счастливое спокойствие, в котором они пребывали».

Когда «Резолюшн» и «Адвенчурер» покинули Таити, они увозили с собой красивого молодого островитянина по имени Омаи; в Лондоне его выставляли в обществе, как цирковую обезьянку, и даже представили королю Георгу.

Кук провел дома с женой и шестью детьми менее года и снова пустился в путь. В это его последнее путешествие на Таити его сопровождал Омаи.

В августе 1777 «Резолюшн» в последний раз бросил якорь в заливе Матаваи. Омаи, который возвращался домой в качестве посланника от цивилизованного мира, ступил на берег, нагруженный прекрасными одеждами и подарками для таитян. Островитяне с удовольствием приняли подарки, а Омаи подвергли решительному ostracism. Может быть, — что было бы вовсе не удивительно, — таитянцы особенно благородных родов смертельно завидовали своему сородичу, который вдруг обрел все атрибуты цивилизован-

ного общества, которое они теперь ставили так высоко.

Куку пришлось поместить Омаи на соседнем острове Уахине, где он жил в выстроенном для него матросами домике, окружив себя всяческими безделушками — атрибутами европейского джентльмена. Пришлось также дать ему огнестрельное оружие для защиты от своих.

В этот приезд взаимное изучение обычаев и нравов продолжалось. Кука познакомили с таитяньским обрядом, потрясшим даже этого повидавшего мир путешественника, — принесением в жертву пленника, которого пронзали копьями в процессе исполнения религиозного ритуала. Таитяне же были свидетелями европейского наказания, вызвавшего у них чувство отвращения: человеку, пойманному на воровстве, отрезали уши.

Кук выяснил, что в его отсутствие остров посетили два испанских корабля. Целью их было основать на острове миссию, но обратить островитян в христианство не удалось, и менее чем через год они уплыли, оставив после себя церковь-временку. (Но миссионеры еще придут, и тогда их влияние окажется более сильным.)

В последний раз Кук покинул остров в сентябре 1777 года. Он отправился на Гавайи, где и погиб в возрасте 50 лет от копий туземцев.

Хотя Кук был человек твердый, подлинный сын своего сурового века, он проявлял удивительную чуткость к жителям Тихоокеанских островов. В своем журнале он записал: «Я искренне считаю, что для этих бедных людей было бы лучше не знать достижений цивилизации, чем, познав их, остаться потом на прежнем уровне своей неприкосновенности. К той счастливой примитивной жизни, которую они вели до того, как мы их обнаружили, их уже более не вернуть».

Белые люди, следовавшие за Куком, не проявили такого понимания — и уж почти все

никакого милосердия — к благородным дикарям Таити.

В 1778 году судно «Баунти» под командованием капитана Блая пробыло на острове шесть месяцев, и за это время некоторые члены экипажа вступили в постоянные отношения с местными девушками. Когда «Баунти» отплыл от Таити, команда подняла бунт под предводительством Флетчера Кристиана. Блай был выброшен за борт (он спасся), а непокорный «Баунти» вернулся на Таити. Часть бунтовщиков осталась там, другие отправились к острову Питкерн.

В 1791 году Адмиралтейство послало на Таити «Пандору», чтобы выловить бунтовщиков, к тому времени уже совершенно ассимилировавшихся на острове. Команда «Пандоры» обнаружила, что сотни американских китобойных судов использовали Таити в качестве своей базы и что их влияние на остров оказалось поистине катастрофичным. Таитянки представляли теперь нематыми пьянчугами в обносках белых людей, их древние обычаи и образ жизни были напрочь забыты.

В 1792 году на Таити вернулся Блай; по его сообщениям, на острове царили оспа, дизентерия и венерические болезни.

Окончательный удар по этому райскому острову был нанесен в 1797 году, когда корабль «Дафф» высадил на него четырех священнослужителей в сопровождении еще 34 британцев во главе с ярим протестантом Генри Ноттом. Их миссия состояла в обращении туземцев в христианство. Это было такое христианство, в котором недостаток милосердия компенсируется избытком фанатизма.

Миссионеры построили церковь и сосредоточили свои усилия сначала на вождях. Они настолько преуспели, что спустя 20 лет во многих частях острова христианская религия уже была обязательной, а язычников свои же ближние предавали смерти; любовь вне брачных уз была запрещена, а

также танцы, музыка, и даже ношение цветов. Чувство вины — то, что таитянкам было дотоле неизвестно, — наконец было внедрено в сознание островитян.

Миссионеры принесли с собой обещание жизни вечной, но ничего, чтобы продлить таитянкам их земное существование. Капитан Кук при первом своем посещении Таити оценил численность населения в 40 тысяч человек. В начале века она упала до 13 тысяч. В 1843 году, когда остров был аннексирован Францией, туземцев оставалось менее 9 тысяч. И смертоносные болезни все продолжали уничтожение того, что было когда-то гордым и процветающим народом.

Когда век спустя после Кука художник Поль Гоген приехал на Таити, чтобы запечатлеть земной рай, он понял, что опоздал. Он писал: «День за днем население тает, косимое европейскими болезнями. У туземцев нет ничего — им нечего делать, не о чем думать — только пить. Когда-то здесь было много странного и живописного, но от этого не осталось и следа. Все ушло».

Рай был потерян навеки.

Венские власти решили организовать женское подразделение городской полиции, для чего набрали 60 девушек. Их разместили в крупнейших в городе полицейских казармах, где на других этажах располагались курсанты-мужчины. Однако планы создания женского войска пришлось оставить: 36 девушек, все незамужние, в возрасте от 19 до 25 лет, — забеременели.

Человек-обезьяна показал археологам язык

Крупнейший в мире ляпсус в области археологии — многолетняя вера в существование Пилдаунского человека как недостающего связующего

звена в эволюционной цепочке от обезьяны к человеку.

В 1912 г. адвокат и геолог-любитель Чарлз Доусон обнаружил в раскопках близ Пилтдауна, графство Эссекс, осколки черепных костей; он послал их крупнейшему в мире специалисту по истории человека, сотруднику Британского музея д-ру Артуру Вудварду. Вдвоем они продолжили поиски и в результате собрали удивительнейшую коллекцию зубов, костей и доисторических орудий труда.

Вудвард соединил вместе найденные осколки и объявил, что выкопанное ими из земли — это череп некоего существа, получеловека-полуобезьяны, жившего 500 000 лет тому назад. Находке было присвоено официальное название *Eoanthropus dawsoni* — древний человек Доусона. Это открытие было провозглашено первым твердым доказательством вызывавшей споры теории эволюции Чарлза Дарвина и на весь мир прославило имя Доусона.

Доусон продолжал раскопки в районе Пилтдауна и за несколько последующих лет собрал еще один череп. Находки прекратились с его смертью в возрасте 52 лет в 1916 году; его поиски продолжили другие — но ничего не нашли. Позже выяснилось, что удивляться этому не стоило. Пилтдаунский человек оказался подделкой.

Череп и в самом деле принадлежал человеку, но челюсти и зубы — орангутану. Зубы были подточены напильником, чтобы они больше напоминали человеческие, весь череп был подкрашен так, чтобы он выглядел древним, и затем разбит и закопан в гравий.

Мистификация обнаружилась лишь в 1953 году с помощью новейших способов установления истинного возраста материала. И хотя тайна так и осталась до конца нераскрытой, подозреваемым номер один всегда был Доусон. Он был очень

честолюбив и добивался признания своей академической деятельности. Притом как-то раз некий незванный посетитель застал его в лаборатории над булькающим котлом, в котором красились кости.

Двум деловым женщинам требуется ночной партнер для салона красоты.

— *Лондонская вечерняя газета*

Бриллианты... или страусиный помет?

**Специалисты не поверили свидетельствам
о богатейшем в мире месторождении алмазов**

Богачи и знаменитости отказались поверить своим глазам, когда в Хоптауне, Южная Африка, были впервые обнаружены алмазы — и лишили себя шансов стать еще богаче и еще знаменитее.

Один ведущий специалист заявил, что в этом регионе натуральных алмазов быть попросту не может. Скорее всего, настаивал он, страусы проглотили их где-то в другом месте и затем занесли в Хоуптаун в своем помете. Он ошибался. «Страусиный помет» находился там веками. И был он именно алмазами непревзойденного качества. Вот как это было.

Давно уже в округе ходили рассказы о находимых в регионе красивых камешках. На старинной карте этой территории было начертано: «Здесь быть бриллиантам». И все же когда местным жителям напоминали об этом, они лишь снисходительно улыбались.

Фермер Шальк ван Ниекерк отнесся к этим рассказам менее скептически, чем большинство других. В преддрождественские дни 1866 года он

наткнулся в Хоптауне на детишек, играющих в клип-клип, то есть в камешки. Ван Ниекерк тут же заметил, что один камешек отличается от всех остальных — и как отличается!

Он выбрал этот камешек из кучки других и предложил за него деньги жене человека, которому принадлежала земля, где играли дети. Женщина рассмеялась. Кому придет в голову платить за камешек? Забирайте так, сказала она. Его нашел, добавила она, один из этих детей в яме, вырытой каким-то бушменом. Там можно найти еще много, она в этом уверена.

Как это ни удивительно, ван Ниекерк не принял в связи со своим открытием никаких шагов вплоть до следующего года, когда он показал камень проезжему торговцу Джону О'Райли. Этот коммивояжер — впоследствии, кстати, заявивший, что с первого взгляда распознал истинную ценность находки — обещал выяснить, что это такое на самом деле.

Когда О'Райли стал похвастаться тем, что нашел бриллиант, в Хоптауне его немилосердно высмеяли. Один из местных торговцев предложил ему пари на дюжину кружек пива, уверяя, что такая находка невероятна. Обескураженный О'Райли готов был уже выбросить камень в реку, однако передумал, и вместо того отправился в Коулсберг, где подвергся новым насмешкам. Тогда он показал камень исполнявшему обязанности комиссара Коулсберга Лоренцо Бойезу. Наконец-то нашелся человек, который отнесся к нему серьезно.

«Я полагаю, что это алмаз», — заявило официальное лицо. Но другие сохраняли скептицизм. Местный аптекарь ничего не понял и предложил к дюжине кружек пива добавить новую шляпу для Бойеза, если камень окажется чем-либо иным, чем топаз. «Я принимаю пари», — ответил Бойез.

Дальнейшую идентификацию красивого камешка мог произвести только специалист. К счастью,

менее чем в двухстах милях жил известнейший во всей колонии мыса Доброй Надежды геолог и врач по имени Уильям Гайбон Эйзерстоун.

Бойез обратился к Эйзерстоуну. Он поместил камень в обычный конверт с сопроводительным письмом и отправил почтовой повозкой в Грэмстаун, где у врача была частная практика.

Почту доставили, когда Эйзерстоун сидел в своем саду. Он распечатал конверт и прочел письмо. Потом он заглянул в конверт, но там ничего не было. Он решил, что, вероятно, выронил камень, когда раскрывал конверт, и позвал на поиски свою дочь. После лихорадочных поисков они нашли нечто похожее на матовый, круглый, по видимому, обкатанный водою речной камешек.

При всем своем богатом опыте Эйзерстоун никогда прежде не видел нешлифованных алмазов, но он подверг камень нескольким испытаниям и убедился, что это несомненный алмаз. Он обратился за подтверждением к соседу, отцу Джеймсу Рикардсу, впоследствии первому католическому епископу Грэмстауна. Священник опробовал камень единственным известным ему способом — нацарапал свои инициалы на оконном стекле в своем кабинете (теперь это стекло находится в Грэмстаунском соборе).

Супружеская пара в канун Рождества 1932 года вернулась на такси в свой дом в лондонском Уэст-Энде. Разобрав покупки, они обнаружили один лишний пакет. Они развернули его и увидели кожаный футляр, набитый бриллиантами, изумрудами и рубинами. Добропорядочная чета отнесла находку в полицию, где ее оценили в 300 000 фунтов стерлингов — по сегодняшним ценам более двух миллионов. Прошло три дня, никто не заявлял о пропаже, и тогда полиция выследила владелицу, которая и не подозревала, что потеряла драгоценности. Ею оказалась Великая княгиня Ксения, бежавшая из России во время революции. Это была часть драгоценностей русской короны.

Эйзерстоун написал Бойезу: «Поздравляю вас. Камень, что вы мне прислали, — истинный алмаз весом в 21,25 карата и стоимостью фунтов в 500. Там, где его нашли, должно быть еще много таких».

Камень отослали в Кейптаун, оттуда морем — в Лондон. Прошло три месяца, пока знаменитый ювелирный дом Гаррардов не подтвердил, что камень действительно стоит 500 фунтов стерлингов. И все равно, это не только не возродило на мысе Доброй Надежды и во всей Южной Африке энтузиазма по поводу потенциального источника богатства, но породило новые сомнения относительно происхождения камня.

В это время в Париже проходила Всемирная выставка. За экспозицию мыса Доброй Надежды отвечал Джон Блейдз Карри, который, прослышав о сообщении Гаррардов, постарался воспользоваться моментом, чтобы повысить интерес к этому важному открытию. Его встретили те же скептицизм и насмешки, что и О'Райли. Журнал «Иллюстриред Лондон Ньюз» отказался напечатать фотографию камня. Тогда и Гаррарды отказались в дальнейшем иметь какое-либо отношение к нему, подозревая, что они невольно стали соучастниками мошенничества. «Если вы найдете камни в таких количествах, чтобы повлиять на рынок, — сказали они Карри с откровенным сарказмом, — мы, возможно, пожалеем об этом. Но, располагая известной информацией, мы должны отказаться от участия в этом деле».

Стараясь доказать, что алмаз был найден на мысе Доброй Надежды, Карри обратился к сэру Родерику Мерчисону, считавшемуся тогда верховным авторитетом Британии по геологии. «Дорогой мой, — отвечал Мерчисон, — когда вы говорите мне, что этот алмаз был подобран на мысе Доброй Надежды, я склонен верить вам — и я верю! — но когда вы просите меня на основе этого единичного

факта утверждать, что мыс есть алмазопроизводящая страна, я вынужден воздержаться. Право, я пойду еще дальше: я ручаюсь своей профессиональной репутацией, что алмазного месторождения в Южной Африке вы не нашли».

И тогда является О'Райли с еще одним камнем, весящим девять карат. Французский консул в Кейптауне Эрнст Эритте сообщает: «Я никогда прежде не встречал натурального алмаза такой красоты — и в смысле кристаллизации, и в смысле естественного блеска».

И пока весь мир пренебрегал открытиями в Хоуптауне, губернатор мыса Доброй Надежды сэр Филипп Вудхауз быстренько отхватил обе находки О'Райли за 500 и 200 фунтов соответственно.

Новости снова достигли Лондона. Зимой 1868 года торговец алмазами Харри Эммануэл из лондонского района Хэттон Гарден послал на разведку профессора минералогии Джеймса Грегори.

Грегори направился к рекам Вааль и Оранжевая; он безоговорочно утверждал, что любой алмаз, найденный в этом регионе, мог быть только принесен из неких отдаленных районов в желудках страусов. Вся эта история с открытием алмазов на мысе — фальшивка, одна из множества махинаций, призванных создать рабочие места и вызвать прилив капиталов в колонию.

В самом пылу спора специалисты вынесли заключение об одном из камней, который профессор Грегори предпочел не принимать во внимание. Это оказался великолепный белый бриллиант в 83,5 карата, впоследствии известный как Звезда Африки. Аргументация Грегори была опровергнута.

Работы профессора Грегори были скоро забыты. Но имя его еще много лет служило синонимом любого неверного сообщения или лжи относительно алмазов — а, это просто Грегори! — в печаль-

ную память профессора, который считал крупнейшее в мире открытие месторождения алмазов просто кучей страусинового навоза.

Водитель асфальтового катка очень гордился своим «уоки-токи», радиопереговорным устройством в его кабине. Как-то вечером, во время шторма, он передал в свою строительную контору: «Понедельник... ужасная погода... сегодня больше не могу... иду на вынужденную посадку». Той ночью над Бристольским каналом была проведена полномасштабная поисково-спасательная воздушная и морская операция в поисках разбившегося самолета. Корабли были подняты по тревоге, береговая охрана переведена на режим интенсивного наблюдения, созваны экипажи спасательных судов, самолет Королевского воздушного флота стоял наготове к вылету.

Мы поймали чудовище озера Лох-Несс

Уже более 1000 лет поступают сообщения о том, что кто-то видел знаменитое чудовище озера Лох-Несс. И вот в 1972 году специалисты сочли, что наконец поймали зверюгу.

Они не знали, что несколько недель тому назад

экипаж британского грузового судна, перевозившего живых гигантских тюленей с Фолклендских островов в английский зоопарк, обнаружил одного из тюленей мертвым. Тело выбросили за борт. Оно попало в сети рыбакам, и те шутки ради бросили его в Лох-Несс.

Там его и нашли зоологи, проводившие поиски чудовища. Специалисты упаковали этого 5-метрового 250-килограммового гиганта в лед, погрузили в микроавтобус и направились на юг, в Англию, чтобы объявить миру о своей находке.

Однако местные жители сообщили о действиях ловцов чудовищ в полицию, и всем полицейским машинам был передан по радио приказ: «Несси не должна покинуть Шотландию. Она принадлежит нам». Шлагбаумы были опущены, микроавтобус остановлен на мосту Форт-Роуд, и Несси конфискована полицией.

И только после широкой огласки выяснилась истинная природа этого существа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Море и воздух

Когда человек вступает в схватку со стихиями, его подверженность ошибкам становится особенно очевидной. «Титаник» потопил не айсберг, а человеческая ошибка. Воздушный корабль Р-101 погубил не шторм, а гордыня одного человека. На этих страницах описаны величайшие из известных в мире катастроф — ну и несколько глупых ошибок, допущенных людьми, пускавшимися в море и поднимавшимися в воздух.

Проклятие фараонов

Первооткрывателей гробницы Тутанхамона ожидала смерть

«Смерть постигнет того, кто потревожит сон фараонов»... Такая предостерегающая надпись была обнаружена в гробнице юного египетского царя Тутанхамона в Луксоре, которая была раскрыта в 1923 году, впервые за три тысячи лет.

Руководил раскопками древней гробницы в Египте англичанин, 57-летний лорд Карнарвон. Ему было хорошо известно о проклятии фараонов. Он знал, что случилось с человеком, который привез в Англию саркофаг другого фараона в конце 19-го века. Артур Уейголл, один из участников экспедиции Карнарводна, рассказывал ему о владельце того саркофага: «Не успел он получить саркофаг, как лишился руки — взорвалось его ружье. Корабль, на котором перевозили саркофаг, потерпел крушение. Дом, в котором он хранился, сгорел. Фотограф, снимавший его, застрелился. Подруга владельца, которую он очень любил, пропала в море». Список происшествий и несчастий, в которых обвиняют духа, хранящего саркофаг, довольно велик.

И все равно, перед спуском в гробницу Тутанхамона Уейголл слышал, как Карнарвон легко отзывается о проклятии. Уейголл предупреждал: «Раз он спускается туда в таком настроении, всей жизни у него на два месяца».

Может быть, пренебрегая проклятием, Карнарвон лишь бодрился. Два месяца тому назад он получил письмо от знаменитого мистика того времени графа Хеймона. Загадочная записка гласи-

ла: «Лорду Карнарвону не входить в гробницу. Непослушание опасно. Болезнь. Не поправится. Смерть настигнет его в Египте».

Английского аристократа так встревожило это предупреждение, что он дважды обращался к гадалкам — и дважды ему предсказывали раннюю смерть при загадочных обстоятельствах.

И через два месяца после вскрытия гробницы Тутанхамона Карнарвон действительно умер. Более того, в течение шести последующих лет двенадцать человек из тех, кто присутствовал при вторжении в мертвенный покой, безвременно погибли. И в последующие годы проклятие фараонов пало на головы еще нескольких из тех, кто имел отношение к роковой экспедиции. Один из них — тот, кто дважды предупреждал Карнарвона об опасности, — Уейголл.

Зловещая сага началась в апреле 1923 года, когда одним прекрасным утром Карнарвон проснулся в своем номере в каирском отеле и сказал: «Мне чертовски нехорошо». Когда в отель прибыл сын Карнарвона, тот уже был без сознания. В ту же ночь он скончался. Его смерть отнесли на счет укуса комара — впрочем, укус был на том же месте, что и пятно на мумифицированном теле царя Тутанхамона.

Сын Карнарвона в момент смерти отца отдыхал в смежной комнате. Он рассказывал: «Во всем Каире вдруг погас свет. Мы зажгли свечи и молились».

Участники похоронной процессии в Мойнешти, Румыния, с изумлением увидели, как из открытого гроба, который несли на плечах через дорогу к кладбищу, на них сверху вниз смотрит живое лицо.

Покойница выскочила из гроба и побежала по дороге. Она выбежала на проезжую часть, попала под машину и погибла.

Слева: мумия Тутанхамона. Справа сверху: лорд Карнарвон (слева) входит в гробницу Тутанхамона. Справа внизу: лорд Карнарвон

Вскоре после этого в том же отеле случилась еще одна смерть. Американский археолог Артур Мейс, один из ведущих участников экспедиции, пожаловался на усталость, вдруг впал в коматозное состояние и скончался, не дав врачам времени поставить диагноз.

Смерти следовали одна за другой. Близкий друг Карнарвона Джордж Гулд поспешил в Египет, как только услышал о смерти лорда. Гулд посетил гробницу фараона. На следующий день у него поднялась температура. Через 12 часов он скончался. Радиолог Арчибальд Рэйд, делавший рентгеновское обследование тела Тутанхамона, начал жаловаться на истощение. Он вернулся в Англию и вскоре умер. Личный секретарь Карнарвона в этой экспедиции Ричард Бетелл был найден мертвым в своей постели — очевидно, у него отказало сердце. Британский промышленник Джоэл Вул был в числе первых посетителей гробницы. Вскоре он умер от загадочной лихорадки. К 1930 году из состава бригады по раскопкам гробницы в живых оставалось только двое.

Проклятие фараонов продолжало собирать свою жатву еще и полвека спустя. В 1970 году единственный оставшийся в живых участник экспедиции, 70-летний Ричард Адамсон, давал телевизионное интервью с целью развеять миф о смертоносном проклятии. Он сказал телезрителям: «Ни минуты я не верил в этот миф». Когда он уезжал из студии в Норвиче, его такси столкнулось с трактором и его выбросило на дорогу. Проезжавший грузовик проскочил буквально в нескольких сантиметрах от его головы.

Уже в третий раз Адамсон, который был охранником в экспедиции Карнарвона, пытался покончить с этой легендой. Через сорок восемь часов после того как он выступал против нее в первый раз, умерла его жена. Во второй раз его сын сломал позвоночник в авиакатастрофе. После

третьего случая Адамсон, поправляясь в больнице после повреждений головы, сказал:

«До сих пор я отказывался верить в то, что между проклятием и тем, что происходило в моей семье, есть какая-то связь. Теперь я начинаю задумываться».

Год спустя проклятие фараонов нанесло очередной удар, хотя на этот раз Тутанхамон в нем не участвовал. Британский египтолог профессор Уолтер Эмери производил раскопки в Саккаре, вблизи пирамид, в поисках гробницы бога медицины Имхотепа и откопал статую Озириса, бога смерти. Профессор держался руками за статую и вдруг упал мертвый — у него случился церебральный тромбоз.

Страх проклятия фараонов вновь ожил в 1972 году, когда золотую маску Тутанхамона упаковывали для переправки в Британский музей на празднование пятидесятилетия открытия гробницы.

Работой руководил д-р Гамаль Мерец, генеральный директор отдела древностей Каирского музея, ответственный за хранение двадцати древних мумий. Д-р Мерец не верил в проклятие — даже несмотря на то, что его предшественник внезапно скончался спустя несколько часов после подписания соглашения о посылке сокровищ Тутанхамона в Париж. Мерец говорил: «Я связан с гробницами и мумиями фараонов больше, чем кто-либо в мире. И все же я жив. Я — живое доказательство того, что все трагедии, ассоциируемые с фараонами, — не более чем совпадение. Я ни на минуту не верю в проклятие».

3 февраля 1972 года в Каирский музей прибыли представители транспортной компании, чтобы забрать упакованную золотую маску Тутанхамона и подготовить ее к отправке в Лондон. В тот же день д-р Мерец умер. Ему было 52 года. Причи-

ной смерти было названо нарушение кровообращения.

Организаторы выставки не были обескуражены и продолжали работу. Для транспортировки бесценной реликвии в Британию был зафрахтован самолет транспортной команды Королевского военно-воздушного флота. И в течение пяти лет после этого полета шестерых членов экипажа постигала смерть или иное несчастье.

Во время полета старший техник Иан Ленсдаун в шутку подпихнул ногой ящик с посмертной маской Тутанхамона. «Вот, я пнул самую дорогую вещь в мире», — сказал он. Эта нога потом пять месяцев находилась в гипсе, сломанная необъяснимо обрушившимся под Ленсдауном трапом.

Штурман самолета лейтенант Джим Уэбб лишился всего своего имущества, когда его дом сгорел. Девушка, находившаяся на борту, вынуждена была уйти в отставку из Британского военно-воздушного флота — после операции на голове она совершенно облысела.

Бортпроводник сержант Брайен Раунсфолл рассказывал: «В полете мы играли в карты на ящике с саркофагом. Потом мы по очереди садились на ящик с золотой маской и все смеялись и шутили. Это не было какое-нибудь неуважение, мы просто немножко веселились». В то время сержанту Раунсфоллу было 35 лет. На протяжении последующих четырех лет он перенес два инфаркта — и крепко задумался.

Лейтенанту Рикку Лори, старшему пилоту этого самолета, и бортинженеру Кену Паркинсону повезло меньше. Оба находились в прекрасной форме — и оба умерли от инфаркта. Жена Паркинсона сообщила: «Каждый год, примерно в то время, когда совершался этот полет, у моего мужа случался инфаркт. Последний, унесший его жизнь, произошел в 1978 году. Ему было 45 лет». Старший пилот Лори умер двумя годами раньше. Тогда

его вдова сказала: «Это проклятие Тутанхамона — проклятие убило его». Ему было всего 40 лет.

Существует ли логическое объяснение загадочной смерти стольких людей? Журналист Филипп Ванденберг несколько лет занимался изучением проклятия фараонов. Он высказал потрясающее предположение. В своей книге «Проклятие фараонов» он пишет, что гробницы внутри пирамид представляют собой идеальную питательную среду для бактерий, которые могут на протяжении столетий образовывать новые, неизвестные нам штаммы и сохранять жизненную силу вплоть до наших дней.

Также, пишет он, древние египтяне были мастерами по части ядов. Некоторые яды могут убивать без проглатывания — просто проникая через кожу. Ядовитые вещества примешивали к краскам, которыми покрывали стены, и затем гробницы закрывали и герметизировали. Грабители, в древние времена навещавшие гробницы, всегда проделывали в стене небольшое отверстие для циркуляции воздуха прежде, чем вломиться внутрь, чтобы поживиться богатствами фараонов.

Но самое немислимое объяснение проклятию было выдвинуто в 1949 году ученым-атомщиком профессором Луисом Булгарини. Он писал: «Вполне возможно, что древние египтяне использовали ядерное излучение для защиты своих святынь. Полы гробниц могли быть покрыты ураном. Или стены — радиоактивным камнем. Минерал, содержащий золото и уран, добывался в Египте 3000 лет назад. Такая радиация способна убить человека и сегодня».

Если поверить в то, что древние фараоны ответственны за смерть людей в 20-м веке, то один случай затмевает собою все остальные. В 1912 году океанский лайнер пересекал Атлантику, неся на себе ценнейший груз — египетскую мумию. Это было тело пророчицы, жившей в цар-

ствование Ахенатона, тестя Тутанхамона. На ленте, найденной на мумии, было начертано заклинание: «Проснись ото сна, в котором почиваешь, и восторжествуешь надо всем, что творится против тебя». В силу чрезвычайной ее ценности мумия находилась не в трюме корабля, а в каюте позади капитанского мостика, на котором стоял капитан, чьи прегрешения против здравого смысла сыграли свою роль в потоплении этого корабля. История об этом потоплении и о гибели 1513 человек рассказывается в этой книге. Корабль назывался «Титаник».

М-р Сид Роул, 29 лет, в прошлом мастер по укладке полов, ныне редактор подпольной газеты.

— *Манчестерская газета*

Непотопляемый «Титаник»

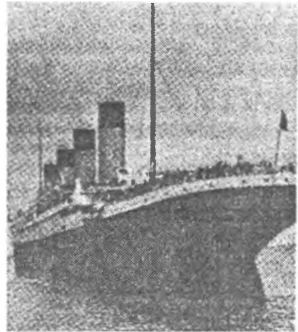
Первый в истории сигнал СОС не смог спасти 1513 мужчин, женщин и детей

Море было спокойно, как мельничный пруд, а в небе сияли звезды, когда впередсмотрящий Фредерик Флит заметил возвышающуюся над водой серую ледяную гору.

«Айсберг прямо по курсу!» — крикнул он в телефон, соединявший его с капитанским мостиком. Так начались два часа сорок минут недоумений, потом страхов и, наконец, панического ужаса для 2300 пассажиров судна компании «Уайт Стар» («Белая звезда»), непотопляемого «Титаника». Ровно столько времени прошло с момента обнаружения айсберга до того момента, когда самый большой и самый, как утверждали, без-

опасный в мире лайнер погрузился в ледяные воды северной Атлантики.

Сигнал безопасности поступил в 11:40 вечера 14 апреля 1912 года. Гигантское судно немедленно начало поворачивать вправо — но недостаточно быстро. «Титаник» прошелся корпусом по острой грани айсберга.

Офицеры на мостике поздравляли друг друга с избавлением от неминуемой гибели, а в это время внизу, под ватерлинией, Атлантический океан вливался в трюм через стометровую пробоину в обшивке корабля.

Джордж Роу был старшиной-рулевым на «Титанике». Вот как он описал крушение: «Первым признаком катастрофы была странная дрожь, пронизывавшая все судно. Стало страшно холодно, дыхание застывало у меня на устах. И тут я увидел айсберг — никогда не забуду это зрелище.

Заметив, как что-то скользит мимо по правому борту, я решил было, что мы столкнулись с каким-то парусником. В отблесках света, струившегося из тысяч иллюминаторов, гладкая поверхность выглядела совершенно как мокрая парусина.

Я подбежал к борту и понял, что смотрю на айсберг. Он был такой огромный, что, казалось, заполнял собою все небо. Это был великан среди айсбергов; он зловеще вздымался даже выше капитанского мостика.

Несколько секунд я стоял, уставившись на него, не веря своим глазам. Он был всего в нескольких футах, мне казалось, что я могу дотронуться до него рукой. Потом он исчез — растворился во мраке».

Даже когда командир корабля, капитан Эрнст Смит, командовавший всей флотилией «Уайт Стара», понял, что корпус его чудо-корабля поврежден, он не выказал признаков тревоги. Ведь «Титаник» был, в конце концов, непотопляем. Об этом было с гордостью объявлено четыре дня назад, когда он выходил в свое первое плавание из Саутгемптона в Нью-Йорк.

Корпус корабля длиной в 28 метров состоял из восемнадцати отсеков, разделенных водонепроницаемыми перегородками. Кроме того, у него было двойное дно. Это было безопаснейшее в мире судно. По сути дела, «Титаник» мог оставаться на плаву, даже если четыре передние отделения заполнятся водой. Но айсберг пропорол передние пять — и, по какой-то странной прихоти проектировщиков, переборка номер пять была не так высока, как остальные. Четыре передние отсека заполнились водой, корабль накренился носом, вода стала переливаться через переборку номер пять в шестое отделение... потом в седьмое... в восьмое... Дальнейшее — просто вопрос времени...

Непотопляемость «Титаника» оказалась мифом. Невероятная комбинация людских ошибок привела к гибели судна и 1513 человек.

Почему «Титаник» шел так быстро, 22 узла, если были сигналы о наличии в том районе айсбергов? Незадолго до столкновения лайнеру была дана команда «полный вперед» — и это несмотря на то, что на протяжении всего вечера приходили радиосообщения с других судов, в частности, с «Балтики», из которых следовало, что «Титаник» движется прямо по направлению к ледовым полям.

Сообщение с «Балтики» было доставлено Джорджу Исмэю, управляющему судоходной компанией, который показал его кое-кому из пассажи-

ров, прежде чем в 7:15 вечера оно оказалось в штурманской рубке.

Почему «Титаник» не находился на связи с другими судами? Последнее ледовое предупреждение было передано с «Мессабы» в 9:40 вечера. Известно, что оно было получено на «Титанике», но никакого подтверждения приема не последовало, и существуют сомнения — а достигло ли оно вообще капитанского мостика?

Если бы оно было получено и принято во внимание капитаном Смитом, 1513 жизней были бы наверняка спасены. Ведь менее чем за час до того, слышали, как Смит обсуждал опасность появления айсбергов с вахтенным офицером. Смит приказал усилить наблюдение, но не счел ситуацию достаточно серьезной, чтобы снизить скорость.

Почему, далее, на «Титанике» было только 16 спасательных шлюпок — всего на 1250 мест при 2300 пассажирах на борту? Лайнер имел достаточно оборудования для 48 шлюпок.

Говоря юридическим языком, компания «Уайт Стар» была вполне вправе обеспечить столь неадекватное число спасательных шлюпок. Установления Британской торговой палаты, под которые подпадало это судно, были изданы еще в 1894 году и до смешного устарели. Правилами регламентировалось число спасательных шлюпок на пассажирских судах водоизмещением более 10 000 тонн. С тех пор размеры судов неизмеримо выросли — «Титаник» имел 46 328 тонн, — а правила оставались прежними.

Но самый большой вопрос возникает о той роли, которую сыграло «Калифорниан», одно из тех пассажирских судов, что выслали ледовое предупреждение «Титанику». В силу ледовой опасности оно остановилось всего в восьми милях от того места, где медленно тонул «Титаник». И все же оно прибыло к месту происшествия только после

No	Words	Origin Station	Time Transmitted	Via	Remarks
604 1		Titanic	11:58 ^{PM} April 14 ¹⁹¹²	H.F.	Distress Call Ship Soud
<p>Cyph - 509 from ship m. 5.3 We have struck iceberg sinking fast come to our assistance Position Lat 41.46 N. Lon 50.14 W m. 5.3</p> <p>A. L. Banner 10 West</p>					

Сигнал бедствия с Титаника.

Текст:

Си-кью-ди СОС

Столкнулись с айсбергом тонем быстро спешите на помощь
 расположение 41.46 сев. шир. 50.14 зап. долг.

того, как «Титаник» скрылся в атлантических водах.

На борту 6000-тонного «Калифорниана» в тот вечер ничего особенного не происходило. Несколько раньше радист пытался перебить поток сообщений, шедших с «Титаника», чтобы предупредить о ледовой опасности. Неизвестно, какого рода сообщение ему в конце концов удалось передать. Известно лишь, что он почувствовал себя оскорбленным тем холодным приемом, который был его сообщению оказан. Окончив дежурство, он выключил радио и спустился к себе. Это произошло в 11:30 — всего за десять минут до того, как «Титаник» столкнулся с айсбергом.

Стоявший на капитанском мостике «Калифорниана» третий офицер наблюдал быстро приближающиеся огни «Титаника». Он доложил об этом командиру корабля капитану Стэнли Лорду, который предложил попытаться связаться с лайнером

с помощью световых сигналов азбуки Морзе. Но сколько они ни старались, ответа не было, и «Титаник» мчался мимо прямо в ледяное поле.

Пассажиры на борту «Титаника» были не столько испуганы, сколько озадачены легким креном корабля. Поднимаясь по трапам на палубу, чтобы узнать, в чем дело, они не проявляли никаких признаков паники. Все твердо верили в неуязвимость лайнера.

Столкновение произошло в 11:40, но лишь в пять минут первого была подана команда расчехлить шлюпки. Матросы начали стаскивать парусиновые чехлы, а оркестр в это время грянул регтайм — да так и продолжал играть.

Потом был выстрел и вспышка — взлетела первая ракета — о бедствии. Только теперь пассажиры начали понимать, что находятся в опасности. До тех пор люди не спешили погружаться в шлюпки. Жены просили разрешения оставаться со своими мужьями, мужья уговаривали их сесть в шлюпки. Но теперь офицеры кричали: «Женщины и дети вперед!» — и никто уже не спорил.

Пассажирка первого класса леди Дафф Гордон отказывалась войти то в одну шлюпку, то в другую. Наконец она и ее муж оказались рядом с офицером, в чьем подчинении была маленькая шлюпка и который без особого успеха пытался уговорить пассажиров сесть в нее. Он сказал: «Мадам, прошу вас, сядьте в шлюпку. Вы меня этим премного обяжете». Леди Дафф Гордон ступила в шлюпку.

Американский миллионер Бенджамин Гуггенхайм, закутанный в теплые одежды, появился на палубе, нашел своего лакея и вскоре появился снова, уже в полном вечернем облачении — чтобы пойти ко дну как подобает джентльмену.

Среди тех, кому в тот вечер предстояло пойти ко дну вместе с кораблем, были его капитан, его проектировщик Томас Эндрюз, миллионер Иси-

дор Штраусс, полковник Джон-Джейкоб Эстор, возвращавшийся с невестой из свадебного путешествия, известный журналист Уильям Стэд.

Стэд не погиб бы, если бы прислушался к собственным предостережениям. Ведь еще в 1892 году он написал рассказ, в котором изобразил свое видение — могучий корабль тонет в северных водах, сотни людей гибнут. Стэд был спиритуалистом; он предсказал собственную смерть.

Да, смерть была уже близка для многих пассажиров «Титаника».

В радиорубке радист Джон Филлипс без конца передавал в эфир — си-кью-ди — общепринятый в то время сигнал бедствия. Как раз недавно международная конвенция рекомендовала использовать вместо него сигнал СОС — и вот через какое-то время Филлипс решил сменить сигнал — и таким образом подал первый СОС в истории.

Полдюжины кораблей поспешили к месту бедствия. Но два ближайших к «Титанику» судна не слышали отчаянного зова. На борту неподвижного «Калифорниана» радист крепко спал. А в 60 милях поспешала на всех парах к югу «Карпатия» с радистом на капитанском мостике, вдали от своего приемника. Когда он вернулся в радиорубку, было почти половина первого. Он решил послать приветствие новому огромному лайнеру, находившемуся, как он знал, неподалеку. Не веря своим ушам, он услышал в ответ: «СОС. Напоролись на айсберг... спешите на помощь».

Правительственная комиссия запросила метеорологическую станцию в Брекнэлле, графство Беркшир, об официальном времени начала и окончания зимы. Комиссия ожидала ответа, который бы обозначил время с точностью до секунд. Вот какой ответ она получила: «Зима начинается, когда все листья с деревьев уже опали, и кончается, когда начинают набухать почки».

В два часа радист «Титаника» услышал приказ: «Покинуть судно. Спасайся кто может». Он оставил приказ без внимания и до последних мгновений продолжал выбивать СОС... СОС...

В одной из последних покинувших «Титаник» переполненных шлюпок стояла 24-летняя миссис Эмили Ричардс, направлявшаяся к своему мужу в США. У нее на руках был 10-месячный младенец Джордж. Позже она рассказывала: «Мы отплыли от лайнера. Море было покрыто обломками и телами. Некоторые попрыгали за борт и теперь взывали к помощи. Вода была ледяная. Мы хотели подобрать их, но наша шлюпка и без того уже была переполнена».

Шлюпки отплывали от обреченного лайнера, а спасшиеся пассажиры беспомощно смотрели назад, на картину, которая не приснится и в аду. «Титаник» лежал на гладкой, испещренной айсбергами поверхности моря, все еще сияя рядами огней. Чудовищная серая масса поразившего его айсберга громоздилась неподалеку.

Четыре трубы, возвышавшиеся на 85 метров над килем, чернели на фоне звездного неба. Они наклонились вперед под каким-то сумасшедшим углом. В два часа ночи «Титаник» начал скользить вниз, под воду. Оркестр все играл, и его музыка жутко разносилась по мертвенной поверхности моря. Но теперь уже это был не регтайм, а церковный гимн. Одни из спасшихся вспоминают, что это был старинный гимн «Осень», другие — «Ближе, мой Боже, к Тебе». Корабельные огни высвечивали сотни паукообразных фигур, цепляющихся за палубы и борта лайнера, в то время как над поверхностью воды показались винты. Один за другим люди срывались или сами прыгали вниз, к неминуемой леденящей смерти.

«Раздался долгий, рокочущий гул, как отдаленный гром, — рассказывала Эмили Ричардс. — Огни погасли, потом вспыхнули снова, и снова

погасли, уже насовсем. Корма поднималась, пока не встала почти вертикально. И тут «Титаник» плавно и быстро исчез из виду».

Спасательные шлюпки, набитые дрожащими людьми, дрейфовали до рассвета, когда подошедшая «Карпатия» подобрала 705 из них.

Большинство спасшихся были пассажирами первого и второго классов. При погрузке в шлюпки они пользовались приоритетом, и все их дети спаслись. Из детей, ехавших третьим и четвертым классами, спаслась только треть.

Офицеры на мостике «Калифорниана» время от времени следили за «Титаником» в бинокли. Они заметили, что он, как и их собственное судно, остановился среди льда. Вдали они видели мерцание огней. Снова пытались связаться с «Титаником» с помощью сигнальных огней, но не получили ответа и оставили свои попытки. Затем, в 12:45, они заметили ракеты, взлетающие в воздух над «Титаником». Этот фейерверк показался им крайне удивительным, но вникать в причины они не стали. В 2:20 матросы заметили, что огни «Титаника» исчезли. Они не предприняли ничего.

Следственные комиссии в Британии и Америке позже сурово осудили капитана Лорда за то, что он не воспринял должным образом ракетные сигналы, о которых ему докладывали. До самой своей смерти в 1962 году Лорд обжаловал эти решения.

Комиссии решили также, что капитан Смит совершил ошибку, когда не повернул на юг и не снизил скорость. Но сам его образ действий не подвергся осуждению, потому что в то время такова была существующая практика.

Британская комиссия, кроме того, сделала ряд важных рекомендаций: что число спасательных шлюпок должно определяться в зависимости от числа пассажиров, а не от тоннажа, что корабельное радио должно работать круглые сутки, и что

впредь любой капитан, на полной скорости идущий через ледяное поле, может быть обвинен в пренебрежительном отношении к служебным обязанностям.

Но тем, кто погиб, это уже помочь не могло.

Удивительно, но эта трагедия была предугадана, причем в жутких подробностях, не только в рассказе Уильяма Стэда, но и в романе, опубликованном за 14 лет до того.

Книга, написанная Морганом Робертсоном, рассказывает о том, как самый большой и роскошный лайнер из всех когда-либо построенных отплыл своим первым рейсом из Саутгемптона в Нью-Йорк... как он наткнулся на айсберг в Северной Атлантике... как его корпус был распорот ниже ватерлинии... как он затонул с чудовищными жертвами из-за недостатка спасательных шлюпок.

Этот корабль назывался «Титан».

Издательство «Ледиберд Букс» с удивлением получило заказ от Министерства обороны на серию книг для своего персонала о принципах работы компьютеров. Фирма написала в ответ, что книги эти рассчитаны на детей в возрасте от восьми лет и старше. Министерство обороны подтвердило заказ.

Кошмар воздушных зайцев

Никто не видел, как они подобрались к самолету. Двое молодых людей прятались за пандусом в аэропорту Гаваны и затем припустили бегом по раскаленной взлетной полосе, пока не укрылись в тени гигантского крыла авиалайнера Ди-Си-8. Самолет стоял в начале главной полосы, ожидая разрешения на взлет. Двое парней уцепились за колеса и вскарабкались по шасси вверх.

Там они примостились в колесном отсеке внутри крыла — там, куда убираются шасси при полете.

Прошло несколько минут — и вот Армандо Рамирец и Георге Бланко в воздухе. Самолет авиакомпании «Иберия» прогремел по взлетной дорожке и взмыл в голубое карибское небо, начав свой трансатлантический полет на Мадрид. Шасси убрались, и двое парней вжались в стенки отсека, чтобы не быть раздавленными ими. Люки закрылись, и все обратилось во тьму, ревущие моторы и свистящий ветер.

Впервые с тех пор, как они задумали побег от коммунистического режима Фиделя Кастро на Кубе, Рамирец и Бланко немного расслабились. Они покидали родину буквально без ничего — они опасались, что вещи могут замедлить их судьбоносный рывок по взлетной полосе в Гаване. Даже одеты они были легко — в тонких брюках и рубашках с коротким рукавом.

Аэропорт оставался позади, и Рамирец поплотней вжался в свой угол. Он уже понял, что путь предстоит долгий и холодный. Бланко обернул свое тело вокруг шасси, стараясь найти более удобное положение для своего первого полета. В конце концов он скорчился поверх колес.

В этот момент на приборном щите в кабине пилотов замигала красная лампочка. Что-то неладное с шасси. Они не встали на свое место. Первый пилот щелкнул переключателем, и шасси начали опускаться. Бланко был захвачен врасплох, когда колеса под ним дернулись и пошли вниз. Он не удержался, свалился с колеса и с криком, заглушаемым воем ветра, полетел вниз навстречу своей гибели.

Шасси снова убрались, и на этот раз красная лампочка на панели не замигала. Пилот успокоился. А для Рамиреца полет превращался в настоящий кошмар. Во-первых, он оказался бессилён помочь другу, и, во-вторых, самолет набирал

крейсерскую высоту в 10 000 метров, и холод в отсеке становился невыносим. Становилось все труднее дышать. Рамирец потерял сознание.

Во время полета испанского авиалайнера температура в отсеке шасси упала до минус сорока градусов по Цельсию, и разреженная атмосфера была почти лишена кислорода. Но молодой кубинец был человек крепкий. Когда самолет приземлился в Мадриде, он на короткое время пришел в сознание, и наземная команда в изумлении увидела, как он вывалился из отсека шасси прямо на дорожку.

Выйдя из госпиталя, Рамирец начал новую жизнь добровольного изгнанника.

Ученый, специалист по космическим исследованиям, д-р Хьюберт Страгхолд решил опровергнуть старое и ненаучное изречение: «Пилот задницей летает». Он впрыснул в ягодицы пилота новокаин, так что его зад напрочь онемел. Затем д-р Страгхолд, возглавлявший в 60-х годах американскую программу космической медицины, полетел на реактивном самолете в качестве пассажира.

Пилот делал мертвые петли, бочки и все мыслимые фигуры высшего пилотажа. Д-р Страгхолд, до того много летавший безо всяких неприятностей, вернулся на землю совершенно больным. Он провозгласил: «Задница для пилота — один из ценнейших инструментов управления полетом».

Держись, сейчас сядем!

Это был долгий и скучный полет для 20-летнего Харри Гриффитса из Торонто. Был декабрь 1942 года; бомбардировщик «Бостон», на котором он служил вторым пилотом, перегоняли с одной базы на другую. Теперь он летел на высоте 6300 метров над озером Сен-Луи в провинции

Квебек. На борту, кроме Гриффитса, находился один только американский пилот.

Как раз на этом участке пути Гриффитсу полагось проверить бомбовый отсек. Он протиснулся в тесное отделение и, не заметив, что люк закрыт неплотно, вывалился из самолета. При этом он успел ухватиться за одну створку и повис, держась изо всех сил и призывая на помощь.

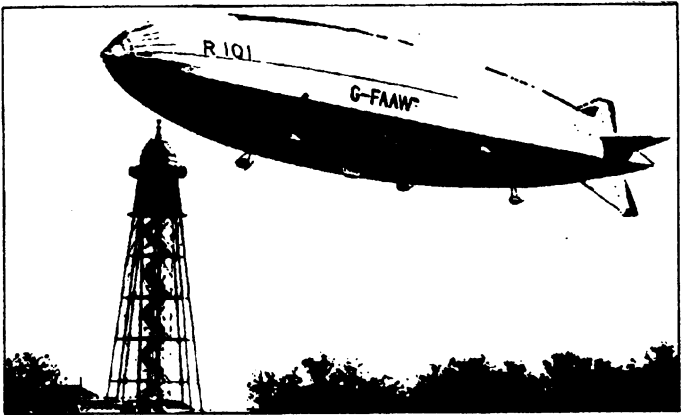
Первый пилот, 29-летний Сид Джироу из Миннесоты, услышал его крик, но не мог оставить управление, чтобы втащить его внутрь. Вместо этого он снизил самолет так, что тот почти касался поверхности замерзшего озера Сен-Луи при 160 километрах в час — минимальной скорости, на которую он только мог решиться без риска упасть вследствие срыва потока. Тогда Гриффитс отцепился, пролетел вниз 7 метров и прокатился 90 метров по гладкому льду и снегу.

Пилот же бомбардировщика полетел дальше, по радио вызвав спасательную команду. Но юного летуна обнаружила не она, а местный фермер. Гриффитс сидел на снегу, весь замерзший и потрясенный, но улыбающийся. Он отделался порезами и синяками.

Подобное же везение постигло и бортпроводника самолета «Дакота» авиакомпании «Истерн Эйрлайнз». Его выдуло из самолета, когда в 1949 году на высоте 800 метров над городом Талса, штат Оклахома, открылась дверь кабины. Пока его выносило ветром, его нога застряла между дверью и петлей.

Пилот совершил вынужденную посадку в Талсе. Скорая помощь, аэродромная команда и пассажиры поспешили к самолету, чтобы посмотреть, осталось ли что-нибудь от бортпроводника. Они нашли его лежащим на полосе, без сознания, но невредимого. Он потерял сознание, как только самолет приземлился.

Продавец автомобилей в Коннектикуте вывесил объявление, в котором была указана цена на машину в 1395 бананов, то есть 1395 долларов. Явилась женщина и предложила ему задаток — 25 бананов, а когда тот отказался, подала на него в суд за ложную рекламу. Она выиграла дело, привезла остальные 1370 бананов и уехала на купленной машине.

Адский пламень Р-101

Гордыня одного человека загубила воздушный корабль — мечту воздухоплавателей

Это было наиболее бессмысленное фиаско в истории воздухоплавания. Трагедия воздушного корабля Р-101 — это не просто история катастрофы, которая унесла 48 жизней. Это — невероятный каталог человеческой никчемности, некомпетентности, гордыни, тщеславия и политического интриганства.

Все началось с того, что инженерная и авиастроительная фирма «Викерс», наиболее опытная

из британских строителей воздушных судов, в 1923 году предложила правительству — у власти тогда стояла Консервативная партия — использовать для перевозки пассажиров в разные части империи гигантские дирижабли. Правительство сделает заказ, а «Викерс», естественно, будет строить.

Прежде чем решение могло быть принято, консерваторы пали, и в 1924 году, на волне обещаний о национализации и государственном контроле, к власти пришел первый Лейбористский парламент. В его планы не входило способствовать новому успеху крепкого капиталиста «Викерса». Тогда люди премьер-министра Рэмси Макдональда пришли к поистине поразительному решению. Они решили заказать не один, а два дирижабля с идентичными параметрами. Р-100 — капиталистический дирижабль и Р-101 — социалистический дирижабль. Один будет построен «Викерсом», другой — министерством авиации. И потом правительство будет решать, который из кораблей лучше.

Главным сметчиком капиталистической бригады был человек по имени Невил-Шют Норуэй, ныне более известный как романист Невил Шют. Спустя много лет после катастрофы он писал: «Много было разных споров, экспериментов, борьбы вокруг противостояния капитализма и государственной экономики, но затея с воздушными кораблями в Британии — самая из них удивительная».

В середине 20-х годов два дирижабля были спроектированы и постепенно принимали реальные очертания. Р-100 строился в протекающем ангаре времен Первой мировой войны в Хаудене, графство Йоркшир. Для выполнения большей части ручных работ была привлечена местная рабочая сила — и это столкнуло капиталистическую бригаду с неожиданной проблемой. Согласно Шюту,

местные женщины были «неряшливы как по внешнему виду, так и в своих привычках, и чрезвычайно невоздержанны на язык. В каждом темном уголке крутили направо».

Лейбористский министр авиации лорд Томсон Кардингтонский был ответственным за строительство Р-101, и именно в Кардингтоне, возле Бедфорда, и происходило строительство. Здесь проблемы были технического свойства. И когда они появлялись, их старались упрятать подальше.

Как это ни невероятно, но Министерство авиации решило, что бензиновый двигатель будет небезопасен для их корабля, и взамен решило применить дизельный. Кардингтонская конструкторская бригада была не согласна с этим решением, но ее не послушали. Так были заказаны восьмицилиндровые дизели — первоначально предназначавшиеся для тепловозов. Они весили вдвое больше бензиновых, настолько вибрировали и были гораздо менее эффективны.

Вообще на вес всяческого оборудования, встроенного в Р-101, обращали так мало внимания, что только когда корабль впервые надули, обнаружилось, что его подъемная сила вдвое меньше необходимой. Тогда бригада стала спешно снимать с дирижабля все лишнее оборудование, которое она с такой уверенностью в него напихала.

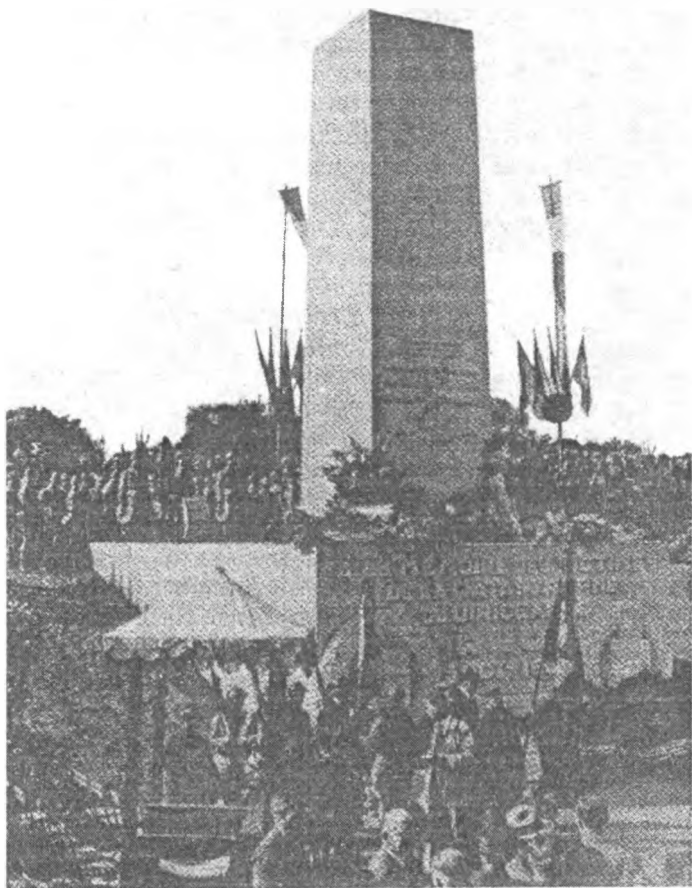
Результат оказался крайне плачевным. Дирижабль был неспособен держать баланс. Баллоны с водородом перекачивались в его недрах. Он опасно взбрыкивал во время полета. Наружная оболочка то и дело прорывалась, и на нее приходилось накладывать заплатки. Кили были прекрасной обтекаемой формы, но имели тенденцию стопориться. Газовые клапаны были так капризны, что постоянно протекали. Пропеллеры ломались при переключении на задний ход, и для обеспечения маневренности при посадке пришлось установить тяжелый двигатель заднего хода.

Подобные проблемы встречались — и преодолевались — и бригадой Векерса во главе с конструктором Барнсом Уоллисом, который прославился во время Второй мировой войны своими отскакивающими бомбами. Но соперничество между Уоллисом и главным проектировщиком Р-101 подполковником Виктором Ричмондом было настолько сильно, что за все пять лет строительства они ни разу не встретились и даже не написали друг другу, чтобы обсудить общие проблемы.

Р-101 был достроен первым. Множество высокопоставленных лиц съехались в Кардингтон; толпа дивилась на грациозные очертания огромного дирижабля, плавно покачивающегося на причальной башне. Это был самый большой в мире воздушный корабль — он достигал ста метров в длину и вмещал 140 000 кубометров водорода.

Р-100 уступал по красоте своему собрату, но имел одно весьма важное преимущество. Он мог летать — причем безопасно. Кардингтонская же бригада в порыве отчаяния разрежала свой корабль пополам, вставила в середину еще один газовый контейнер, соединила обе половинки вместе и снова подвесила его на причальную башню. За считанные минуты трепыхавшаяся на ветру обшивка разошлась, открыв 30-метровую прореху.

Общественность об этих затруднениях не оповестили, и 28 июня 1930 года Р-101, жертва раздутой популярности, вылетел в Хендон для участия в воздушном параде. Толпа затаила дыхание, увидев, как дирижабль вдруг сделал красивый нырок, а затем резко взмыл вверх. Все еще больше обомлели, когда корабль, и так летевший слишком низко, повторил маневр, на этот раз выйдя из пике всего лишь в 150 метрах над головами сотысячной толпы.

*Открытие памятника жертвам Р-101 в Алоне,
близ Бове*

Но зрители не знали, что это вовсе не было запланированным представлением и что обливающийся потом рулевой все это время боролся с рычагами управления, стараясь предотвратить катастрофу.

Не сообщили общественности и того, что при последующем обследовании Р-101 в его водородных баллонах обнаружилось более шестидесяти отверстий. Крайне огнеопасный газ вытекал откуда только можно.

Мужественный инспектор от Министерства авиации докладывал: «До тех пор, пока вся эта ситуация не будет взята под серьезный контроль и выправлена, я не могу рекомендовать продление существующего сертификата на право полетов или выдачу нового разрешения или сертификата».

Его отчет был оставлен начальством без внимания.

Теперь кардингтонская бригада вошла в раж. Они рассматривали все предприятие как битву между капитализмом и социализмом, битву, в которой социализм терпел поражение. Приближалась дата больших испытаний: Р-100 должен был перелететь в Канаду и обратно, Р-101 — в Индию и обратно. Кардингтонская бригада предложила отложить оба полета. Хауденская же, радуясь неудачам соперников, отказалась отложить полет Р-101.

29 июля 1930 года, семь лет спустя после того как Викерс предложил проект гигантского дирижабля, Р-100 вылетел в Канаду. Он совершил свой полет туда и обратно успешно и без излишнего шума.

Требуется повар высшей категории для директорской столовой. Хорошая зарплата плюс талоны на обед.

— «Таймс»

Приближался день запланированного полета Р-101 в Индию, и кардингтонская бригада все более тревожилась. Среди конструкторов возникли разногласия. Было решено рекомендовать Министерству авиации отложить это грандиозное рекламное шоу.

Вот тогда-то и соединились вместе, что привело к катастрофе, глупость и амбициозность министра авиации лорда Томсона. Во время строительства и испытаний Р-101 он вел закулисную борьбу, чтобы протолкнуть проект. До того как он стал социалистом, Томсон был армейским генералом; это был утонченный красавец мужчина, 55-летний холостяк, любимец дам и одновременно гордый, амбициозный и негибаемо упрямый человек.

Он желал лететь на Р-101 в Индию незамедлительно. Он хотел произвести неизгладимое впечатление, когда его корабль прибудет в Карачи. Он стремился стать вице-королем Индии и надеялся, что этот спектакль поможет ему добиться желанной цели.

Невил Шют писал: «Нам, беспомощно наблюдавшим со стороны, это решение лететь в Индию предстоящей осенью 1930 года на Р-101 представлялось типичным «бредом сивой кобылы в лунную ночь». О Томсоне он сказал: «Этот человек в первую очередь ответствен за организацию, которая привела к катастрофе. Под его руководством практически все принципы безопасности в воздухе были забыты.

Последнее совещание по полету состоялось в Министерстве авиации 2 октября. Томсон сказал, что хочет вылететь в Индию завтра. Его сотрудники запротестовали. Томсон настаивал. Наконец сошлись на вечере 4 октября.

Томсон говорил участникам совещания: «Вы ни в коем случае не должны допустить, чтобы мое

столь естественное нетерпение так или иначе повлияло на ваше решение». Но никто не верил в искренность этих предостережений. Ведь он уже послал всем связанным с проектом официальную директиву: «Я вынужден настаивать на том, чтобы все придерживались программы предстоящего полета в Индию, ибо я строю свои планы в соответствии с этим». Он также объявил: «P-101 безопасен, как дом, разве один шанс из миллиона».

К 4 октября испытательные полеты были еще далеки от завершения. P-101 не имел сертификата пригодности к эксплуатации в воздухе, так что Министерство авиации само себе выписало такое. Погодные испытания даже и не начинались. Корабль ни разу не летал с полной нагрузкой.

Майор Дж. Н. Скотт, бывший капитан P-100 в успешном перелете через Атлантический океан в Канаду и обратно, был назначен старшим команды P-101. Он слышал большинство предостережений относительно P-101. Скотт знал, что кораблю не хватает мощности и устойчивости. Но все же решил прогуляться.

Высокопоставленным пассажиром был вице-маршал авиации сэр Сэфтон Брэнкер, директор гражданской авиации, высокий человек с моноклем. Он ощущал глубокий скептицизм и открыто говорил об этом. Брэнкер видел отчеты об испытаниях P-101. Он знал, что, когда P-101 совершил пики в Хендоне, он, можно сказать, сломал себе хребет. Брэнкер знал также, что через прорехи, образованные в результате трения баллонов друг о друга и о внутреннюю поверхность, постоянно вытекает водород.

Томсон сказал ему: «Если вы боитесь лететь, не летите». Сэр Сэфтон полетел.

В 6:30 вечера 4 октября Томсон в сопровождении лакея ступил на борт P-101. На борту нахо-

дилось еще четыре пассажира и 48 членов экипажа. Стояла сырая, мерзкая погода. Протекающий дирижабль был уже сильно перегружен; пришлось сбросить четыре тонны балластовой воды, чтобы он смог подняться.

В 8 часов, пролетая над Лондоном, дирижабль принял по радио очередной прогноз погоды. Над севером Франции ожидалась встречный ветер до 40 метров в секунду, низкая облачность и проливной дождь. Майор Скотт имел все основания прислушаться к своим дурным предчувствиям и повернуть назад. Ведь Р-101 никогда не летал в иных условиях — только в хорошую погоду. Скотт обсудил прогноз погоды с Томсоном. И корабль продолжил свой путь...

В 2 часа ночи Р-101 пролетал над Бове в северной Франции. За семь с лишним часов он пролетел лишь 200 миль и теперь шел на опасно малой высоте, при этом его сильно раскачивало и трясло. Но в рулевой кабине, подвешенной под корпусом, вахта сменялась как положено.

Внутри необъятного корпуса спали прочие члены команды и пассажиры. Каюты были двухместные; они занимали собою верхнюю палубу со звукоизолирующей против шума моторов и рева ветра. На нижней палубе располагалась просторная гостиная — 20 метров в длину и 10 в ширину — с плетеными кушетками, креслами и столами и растениями в горшках, маскирующими несущие колонны. По периметру гостиной проходила прогулочная палуба с огромными иллюминаторами для обзора. На нижней палубе также располагался изысканно убранный ресторан, курительная, кухни и лестница, ведущая в рулевую кабину.

Около пяти минут третьего Р-101 внезапно нырнул носом. Главный бортинженер Генри Лич, в одиночестве сидевший в курительной, соскользнул с кушетки. Его стакан и сифон с сельтерской свалились со стола на пол.

Радист Артур Дизли проснулся. Он только недавно лег, отстучав домой, в Британию, следующее сообщение: «После отличного ужина наши высокопоставленные пассажиры, выкурив напоследок по сигаре, отправились отдохнуть от возбуждения, вызванного отлетом». Но сейчас, чувствовал Дизли, что-то было не в порядке.

Штурман в кабине управления заметил, что, хотя альтиметр показывает 330 метров над уровнем моря, корабль находится в зловещей близости от земли. Он не знал, что легкие на вид холмы в окрестностях Бове так высоки.

Бортинженеры Джон Винкс и Альберт Белл мирно болтали между собой на одном из мостиков. Когда корабль нырнул, оба с грохотом покатились вниз.

Такелажник Элф Черч после окончания своей смены направлялся в помещение команды, когда услышал крик офицера: «Сбросить аварийный балласт!» Черч бросился на свой пост и слил полтонны воды из носовой части.

P-101 выровнялся и заскрипел дальше против ветра и дождя. В курительной Лич поднял с пола стакан и сифон. Они не разбились. Он поставил их обратно на стол и снова уютно примостился на кушетке.

В Бове часы на городской башне только что пробили два; несколько горожан высунулись из окон, наблюдая странный воздушный корабль, проплывавший мимо. Он пролетел над центром

«Перекресток номер шесть находится все еще в стадии проектирования», — сказал пресс-секретарь Департамента окружающей среды. Когда его спросили, где будет этот перекресток, он ответил: «Я не вполне уверен, но думается, что между перекрестками номер пять и номер семь».

— «Манчестер Ивнинг Ньюс»

города на высоте около 200 метров. Раскачиваясь и ныряя носом, он скрылся за лесом.

На опушке леса увязал в грязи 56-летний Альфред Рубай в надежде отловить пару кроликов на воскресный обед своему семейству. Он ковылял по размокшей земле, то и дело останавливаясь, чтобы поставить капкан.

Рубай услышал над головой рев моторов. Он посмотрел вверх — и бросился бежать под защиту деревьев. Оттуда он — и только он один — наблюдал от начала до конца катастрофу, которая потрясла мир.

P-101 летел прямо и ровно, но очень низко. Вдруг нос корабля снова резко нырнул вниз. На борту зазвенели сигналы тревоги. Рулевой Аутон сражался с рычагами управления. Рули высоты не отвечали. Нос корабля, где-то ближе к огромным буквам P-101, оголился. Ненадежная обшивка разошлась. Порывистый ветер врывался внутрь, водород вытекал наружу.

Альфред Рубай позже рассказывал: «Дирижабль начал спускаться. Он медленно двигался вперед с наклоненным к земле носом».

Старший офицер, капитан-лейтенант Эйзерстоун, всматривался сквозь иллюминатор кабины управления в приближающуюся землю. Он понял, что корабль обречен, и приказал старшему рулевому Ханту немедленно оповестить всех находившихся внутри корпуса о том, что дирижабль вот-вот рухнет.

Радист Дизли слышал, как Хант кричит: «Падаем, ребята!» Дизли сбросил ноги с койки. Лич соскочил с кушетки в курительной. В моторных гондолах, подвешенных под корпусом, в ужасе смотрели на приближающуюся землю механики Кук, Белл, Бинкс и Сейвори.

Рубай рассказывал: «Когда дирижабль уже приближался к земле, сильный порыв ветра резко бросил его вниз».

P-101 шлепнулся, как лепешка, на мокрую землю не далее чем в сотне метров от охотника. Несколько мгновений слышался лишь свист вытекающего газа. Потом раздался взрыв.

Ослепительная вспышка озарила небо. Последовали один за другим еще два взрыва, и невысказанный адский пламень охватил некогда величественный воздушный корабль.

Механик Виктор Сейвори, ослепленный пламенем, врывающимся в открытую дверь его гондолы, выскочил в проем, приземлился на мягкую почву и помчался прочь.

Его коллега Альберт Кук попытался было выбраться через дверь своей гондолы, но она оказалась заблокирована свисавшей с корпуса полыхавшей пластмассовой балкой.

Он рассказывал, что лег на пол и сдался на волю случая. Но только на мгновение. Затем он поднялся, голыми руками оттащил балку, жестоко опалившись при этом, и кубарем выкатился в кустарник.

Механики Бинкс и Белл решили, что все пропало, когда их гондолу охватило пламя. И тут произошло чудо: прямо над ними лопнул балластовый водяной бак. Вода, обрушившаяся на гондолу, загасила пламя, и они убежали.

Лич все еще находился в курительной. Он встал с кушетки — и тут же на нее обрушился металлический потолок. Он распластался на полу, потом прополз по-пластунски к образовавшейся в стене прорехе. Затем выпрыгнул прямо сквозь оболочку огня.

Лич оказался снаружи и был невредим. Но тут он услышал крик Дизли; тот метался внутри объятых пламенем корпуса, царапая стену ногтями и даже стараясь зубами прокусить дыру. Лич рванулся было ему на помощь, но тут в корпусе открылась огненная дыра, и Дизли выбросился

через нее. Лич и Дизли вместе побежали по поляне прочь.

Сейвори, Кук, Бинкс, Белл, Лич и Дизли. Из 54 человек на борту Р-101 только эти и спаслись.

Охотник Рубай рассказывал: «Я слышал доносившиеся изнутри крики людей, звавших на помощь. Я был в сотне метров, и даже там жар был нестерпимый. Изо всех сил я бежал прочь от этого места».

Но для гибнущих жертв корабля, созданного упрямой гордыней, для человека, который был самым амбициозным из них, надежды на спасение из алчного пламени не было никакой.

Чиновники ирландской железной дороги совершили ошибку, когда поспешили послать отписку темпераментному драматургу Брендану Биану в ответ на его просьбу вернуть деньги за сданный билет. В отсутствие начальника они подписали свое письмо «За Н. Х. Брайанта». Биан ответил так: «Уважаемый «За Н. Х. Брайанта»! Если вы не хотите вернуть мне мои 12 монет, так и скажите. У меня есть дела поважней, чем отвечать на ваши дурацкие письма. Обычно я получаю больше 12 монет за написание меньшего числа слов, чем здесь. За Брендана Биана — Брендан Биан».

Сага о боевых подлодках

Во время Первой мировой войны Британия решила построить новый класс гигантских подводных лодок — что-то вроде подводных боевых кораблей, которые бы обеспечили союзникам господство как на воде, так и под водой. Они были названы лодками серии К.

Первые две флотилии К-лодок были готовы к действиям к концу 1917 г. Но во время испытаний выяснилось, что эти стометровые морские чудовища на паровом ходу очень маломаневренны

на поверхности, медленны и неуклюжи во время погружения, а после погружения их очень трудно снова поднять на поверхность. Вот их плачевный послужной список.

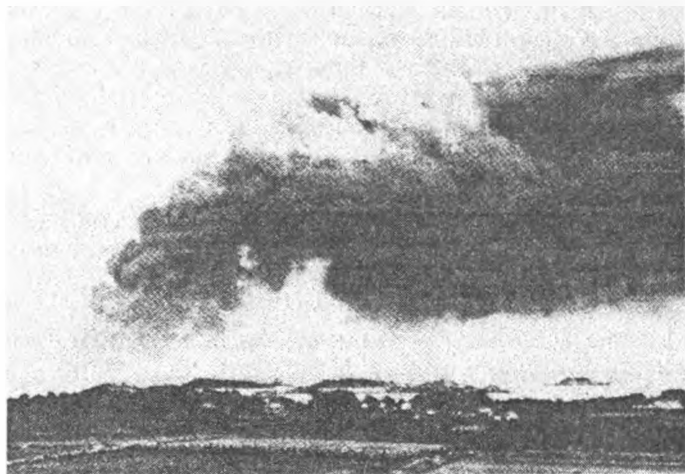
На К-2 во время первого же испытания возник пожар. К-3, тоже при первом же испытании, необъяснимым образом села на дно, причем с принцем Уэльским — впоследствии королем Георгом VI — на борту. В конце концов лодку подняли, и ее блестящий пассажир был спасен.

Позже, на учениях, К-6 протаранила К-3, и та затонула. К-4 села на мель. К-5 затонула, и ее экипаж погиб. К-6 застряла на морском дне. К-7 во время маневров налетела на К-17 и навсегда вышла из строя.

На К-14 образовалась течь еще до выхода из порта на первые испытания. Позже, на учениях в Северном море, на нее налетела и потопила К-22. На тех же учениях К-17 потеряла управление и, столкнувшись как с крейсером сопровождения, так и с К-7, затонула. Наконец, К-22 оказалась безнадежно повреждена после столкновения с другим крейсером.

Программа К-лодок была закрыта в 1918 году; к этому времени она унесла 250 британских жизней и ни одной немецкой.

Некий бизнесмен, по горло сытый вонью, распространявшейся от фабрики по обработке колбасных кишок, расположенной близ его дома в Уэлвин-Гарден-Сити, графство Хартфордшир, купил эту фабрику. Местные власти, однако, заявили, что фабрику можно использовать только для тех производств, что обозначены в ее первоначальном уставе. Кроме обработки кишок, в списке значилось: варка крови, разведение личинок, изготовление клея и перегноя.

Катастрофа «Торри Каньона»

**Крупнейшее в мире нефтяное загрязнение
по вине капитана**

Субботним утром 18 марта 1967 года капитан Патренье Руджиати спал в своей каюте, когда с капитанского мостика пришло сообщение: Бишопская скала в 25 милях прямо по курсу. Время было предрассветное, и этот скалистый ориентир к западу от островов Силли еще не был виден. Его отметила радарная установка.

На мостике находился старший офицер Сильвано Бонфилья, командовавший кораблем и его итальянским экипажем в отсутствие капитана Руджиати, который ушел на отдых в 2 часа пополудни. Всю ночь корабль на автопилоте шел на север, по направлению к Англии. Курс, по расчетам, проходил западнее Бишопской скалы. Но

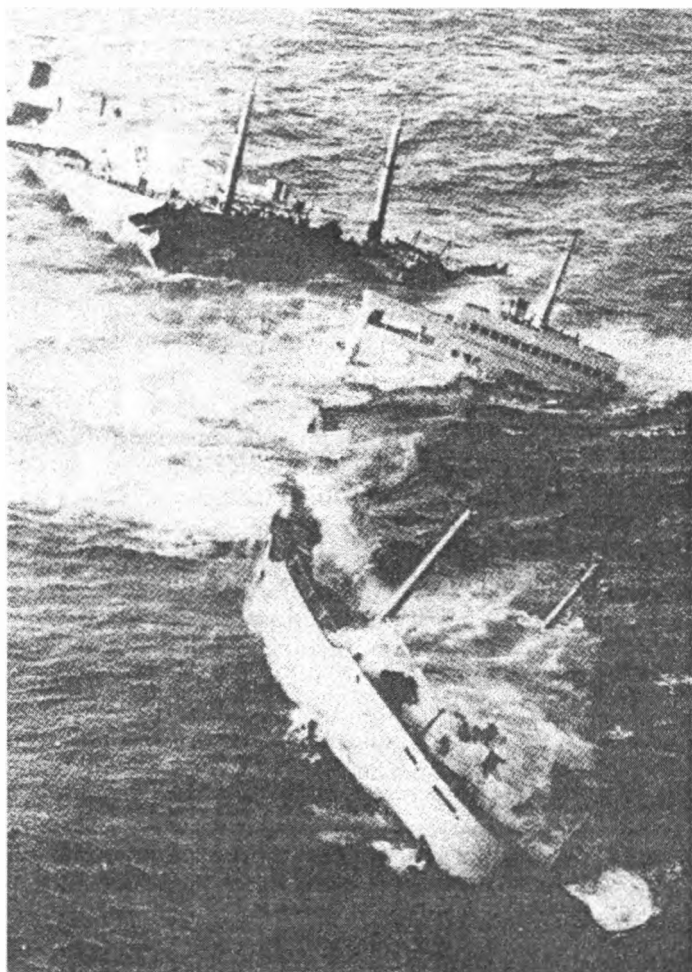
когда в 6:30 утра старший офицер Бонфилья проверил местоположение судна, оказалось, что оно сбилось с курса. Оно шло не западнее, а восточнее Силли. Нос корабля был направлен точно в предательский 20-мильной ширины пролив, отделяющий острова от Лендс-Энда, графство Корнуолл.

В хорошую погоду почти любой корабль смог бы пройти по этому узкому проходу без всяких проблем. Но не этот нефтеналивной танкер, который вез 120 000 тонн сырой нефти из Кувейта в Милфорд-Хейвен, Южный Уэльс. Длинной в 300 метров и посадкой в 17, это был один из крупнейших кораблей в мире — «Торри Каньон».

Обнаружив сбой, Бонфилья немедленно отключил автопилот и стал поворачивать в сторону Бишопской скалы. Он намеревался вести корабль к скале в течение часа, затем спокойно обогнуть ее.

Завершив маневр, он позвонил капитану и доложил обстановку. К его немалому удивлению, капитан Руджиати отменил его решение. Не поднимаясь на мостик, он приказал восстановить прежний курс, через пролив. Бонфилья подчинился и затем снова поставил корабль на автопилот.

Через полчаса Руджиати оделся и поднялся на мостик. Поговорив с другим офицером, Бонфилья сдал дежурство. В 8 часов корабль находился в 14 милях от пролива; капитан еще раз подправил курс с тем, чтобы пройти в шести милях от островов Силли. Он вполне осознавал опасность, крившуюся в его действиях. Ведь как раз посредине пролива между островами Силли и Лэндс-Эндом лежат Семь камней — группа скал, служивших могилой сотням кораблей на протяжении веков. Обычно Семь камней видны, но на высшей точке прилива уходят под воду. Утром 18 марта 1967 года погода стояла ясная, видимость была

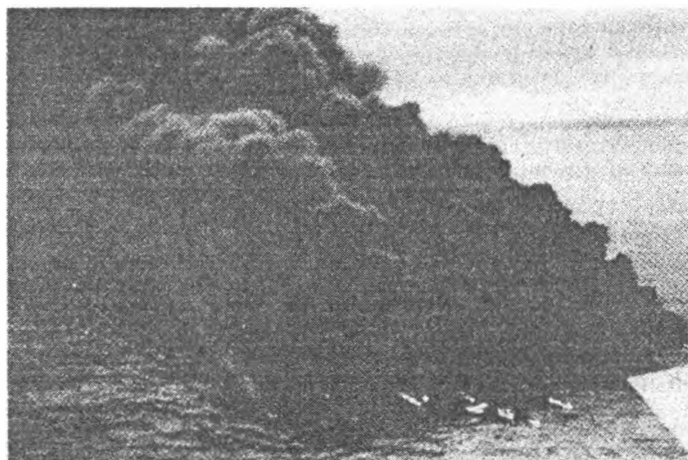
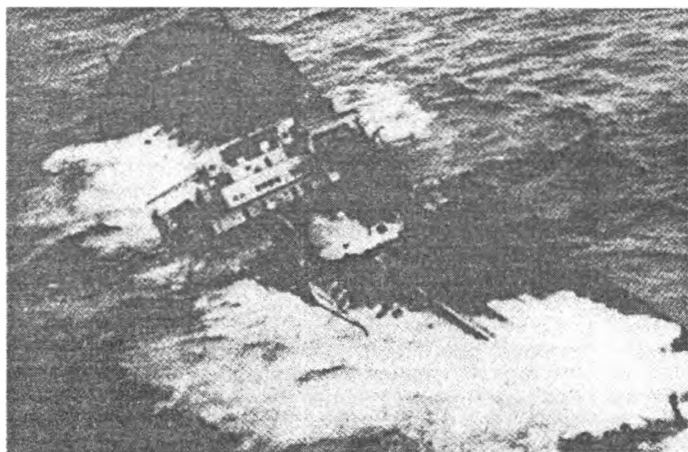
хорошая, море спокойное и прилив в высшей точке. Будь капитан Руджиати всего лишь на две мили в сторону от курса, он бы спокойно проскочил скалы.

В самом начале девятого команда плавучего маяка, охраняющего Семь камней, увидела «Торри Каньон», направляющийся прямо на полуторакилометровую гряду камней. На маяке выбросили предупредительный флаг и пустили ракеты. Никакого ответа с танкера не последовало.

Капитан Руджиати мог понимать или не понимать, что он движется прямо на скалы. Его план был дать лево руля по вхождении в пролив, и так он и сделал. Стоя на мостике, он снял танкер с автопилота, вырулил судно носом на север и снова включил автопилот. Дальше поворачивать к западу ему помешали два рыболовных судна, оказавшиеся впереди.

«Торри Каньон» полным ходом, на 16 узлах, шел на скалы. В последнюю минуту Руджиати понял, что катастрофа уже уставилась ему прямо в лицо. Он приказал рулевому дать лево руля до отказа. Рулевой завертел штурвал — но безрезультатно. Он позвал капитана, и Руджиати сообразил, что руль не подчиняется штурвалу потому, что управляется автопилотом. Руджиати переключился на ручное управление, и руль начал поворачиваться. Но жизненно важные секунды были уже упущены. В 8:50 «Торри Каньон» наткнулся на скрытый под водою Поллард-Рок, первый из Семи камней, и намертво застрял.

На мгновение Руджиати потерял дар речи. Он понял, что привел свой гигантский танкер — маломаневренный даже и в лучшие времена — на максимальной скорости и без руля прямо на группу скал, нанесенную на все карты. Затем капитан угрюмо потребовал доклада о полученных повреждениях. То, что он узнал, было хуже самых

его страшных фантазий. Он понял, что допустил промах — причем с катастрофическими последствиями.

Но худшее было еще впереди.

9:00. У «Торри Каньона» пробоина на половину длины корпуса. Из всех 23 наполненных танков выливается в море нефть — по 6000 тонн в час. Руджиати приказывает выкачивать нефть, надеясь, что облегченный таким образом танкер окажется на плаву. Включаются помпы, и дополнительные тысячи тонн нефти выливаются в море.

11:00. Вертолет Королевского военно-морского флота висит над «Торри Каньоном». Экипажу вертолета немедленно становится понятно, что это разлив нефти беспрецедентного в мировой практике масштаба.

12:00. К месту происшествия прибывает голландский спасательный буксир «Утрехт». Специалисты-спасатели переходят на борт «Торри Каньона»; по их оценкам, танкер сидит на грунте тремя четвертями длины своего корпуса.

15:00. К месту происшествия прибывают еще три буксира и два корабля Королевского военно-морского флота. Военные моряки начинают распылять детергентные вещества по краям все расплывающегося нефтяного пятна. Тем временем в Лондоне высшие чины Министерства обороны вызываются в Плимут для организации чрезвычайного штаба по борьбе с нефтяным пятном, расплывающимся по направлению к пляжам Вест-Кантри.

21:00. С 9 часов в море выброшено от 30 до 40 тысяч тонн сырой нефти. Помпы остановились, так как водой затоплены паровые котлы танкера.

19 марта. Все больше судов Королевского военно-морского флота окружают «Торри Каньон», разливая детергентные вещества по краям все расплывающегося нефтяного пятна.

20 марта. Начальник спасательной службы Королевского военно-морского флота прибывает на борт в сопровождении представителей американского судовладельца — нефтяной компании «Юнион Ойл» из Лос-Анджелеса. Спасатели полагают, что есть надежда спасти судно, если не ухудшится погода и танкер не сломается пополам.

21 марта. В кормовых надстройках танкера происходит взрыв. Гибнет командир голландской спасательной команды. Существует опасность новых взрывов, но работы продолжаются. К этому времени вся команда «Торри Каньона», за исключением капитана Руджиати и трех офицеров, вывезена на спасательном судне с одного из островов Силли — острова Святой Марии.

22 марта. Премьер-министр Гарольд Вильсон, у которого дача на островах Силли, приказывает собрать чрезвычайное совещание правительственных экспертов и ученых, чтобы выявить все возможные способы спасения береговой линии, ее пляжей, фауны и флоры от дрейфующей нефтяной массы. Перспективы мрачные. Поднялось волнение на море, теперь уже стало трудно и опасно маневрировать спасательными судами вблизи «Торри Каньона».

23 марта. Ветер, как и в момент крушения, северо-западный, усиливается до 20 узлов. Детергентные вещества разливаются уже 24 судами. Делаются последние приготовления к поднятию «Торри Каньона» во время высокого весеннего прилива 26 и 27 марта.

24 марта. Ветер меняется на юго-западный; огромное нефтяное пятно гонит прямо к берегу Корнуолла. С момента крушения в море вылито, по оценкам, 50 000 тонн нефти. Еще 70 000 тонн остается в танкере.

25 марта. Нефть достигает берега — густая,

черная, липкая. Слой за слоем нарастает она на пляжах, парапетах гаваней, скалах, корпусах прогулочных лодок. Вместе с нефтью приходят и другие горестные результаты крушения — тысячи почерневших птиц, уже мертвых или еще умирающих. В шестнадцати милях от береговой полосы три буксира прилаживают тросы к «Торри Каньону», чтобы попробовать стянуть его с мели. В танки закачивают воздух, чтобы увеличить плавучесть. Но тягачам удается лишь повернуть танкер градусов на восемь.

26 марта. Воскресенье, первый день высокого весеннего прилива. Спасатели на чем свет стоит клянут поднявшийся шторм, но после полудня ветер несколько утихает, и четыре буксира напрягаются изо всех сил, стараясь стянуть танкер со скал. С треском рвется и угрожающе взвизывает, как кнут, главный трос, соединяющий два буксира с танкером. Несколько минут спустя танкер ломает свой хребет о скалы... и еще 50 000 тонн нефти выливается в море. Все попытки спасти судно приходится оставить. Катастрофа завершена.

27 марта. Корнуольская береговая линия от Лендс-Энда до Ньюкуэя черна от нефти. И это только начало. Огромные нефтяные пятна движутся к английским берегам и столь же обширные — к французским. Положение усугубляется тем обстоятельством, что нефть дрейфует к берегам на волне самого высокого за 50 лет весеннего прилива.

28 марта. Погода ухудшается. Предпринимается попытка поджечь разлившуюся нефть. Попытка не удается. Капитан Руджиати с остатками экипажа и спасательной командой решают покинуть судно. Разбушевавшееся море продолжает размывать покореженный корпус танкера. Из Министерства обороны в Лондоне поступает приказ:

РАЗБОМБИТЬ «ТОРРИ КАНЬОН».

В течение последующих трех дней истребители-бомбардировщики типа «пират» Королевского военно-морского флота забрасывают бомбами разломанный на три части танкер. Пилоты должны были делать свое дело с большой точностью. Сначала надо было 500-килограммовыми бомбами разбить палубы, а затем поджечь остатки нефти в трюмах.

Военно-морские летчики хорошо справились со своей задачей. После первых четырех попаданий поднявшиеся пламя и дым сделали затруднительным попадание бомб с 800-метровой высоты в остатки кораблекрушения, и все же из сорока сброшенных бомб 30 достигли цели. Чтобы не дать пламени угаснуть, истребители типа «охотник» Королевского военно-морского флота летали над пожаром и сливали в адский пламень горючее из расположенных в их крыльях топливных баков.

На следующий день было замечено, что нефть все еще выливается из обломков танкера, так что «пираты» и «охотники» вернулись, чтобы сбросить ракеты, напалм и бомбы высокой взрывной мощности. Бомбардировки продолжались и на третий день, но новых воспламенений уже не наблюдалось — вся оставшаяся нефть выгорела дотла.

Но в море и на берегах оставалось еще очень много нефти. 6 апреля нефть из «Торри Каньона» достигла Нормандских островов. 7 апреля она дошла до Бретани и на протяжении шестидесяти миль покрыла слоем в тридцать сантиметров французский берег. Целая армия рабочих удалила 5000 тонн нефти. Лишь в июне — три месяца спустя после катастрофы — последние пятна были затоплены Французским военно-морским флотом в Бискайском заливе с помощью детергентных веществ.

Пожарный-доброволец Кристофер Доусон из Тонтон, графство Сомерсет, при тушении пожара надышался парами скипидара и парафина. Когда он ехал домой в своей машине, его остановила полиция и предложила подышать в трубку. Анализатор алкоголя дал положительный результат, и Доусона оштрафовали на 100 фунтов стерлингов.

Тем временем следственная комиссия в Либереи, где был приписан танкер, пришла к следующим заключениям:

«Командир корабля один ответственен за этот несчастный случай. Это было его решение — пройти к востоку от островов Силли. Это было его решение — пройти между островами Силли и Семью камнями. Он принял эти решения, не посоветовавшись с офицерами и не оповестив их о своих намерениях. Комиссия заключает, что командир не придерживался здравого смысла и действовал не в соответствии с установленной мореходной практикой. Невозможно также считать, что он предпринял в данных обстоятельствах адекватные действия.

Комиссия заключает, что решение командира пройти к востоку от островов Силли, а не к западу, как планировалось вначале, было неразумным. Учитывая то обстоятельство, что командир обладал весьма ограниченным опытом плавания в водах к востоку от островов и что «Торри Каньон» был чрезвычайно большим и тяжело нагруженным танкером, это решение подвергло судно необоснованному риску, которого легко было бы избежать».

Следственная комиссия высказала порицание капитану Руджиати за то, что, узнав о том, что судно сбилось с курса, он не поднялся сразу на капитанский мостик, а также за то, что он упустил время и не сбавил скорость до самого столкновения и за то, что позволил вести свое судно на автопилоте на подходе к островам Силли.

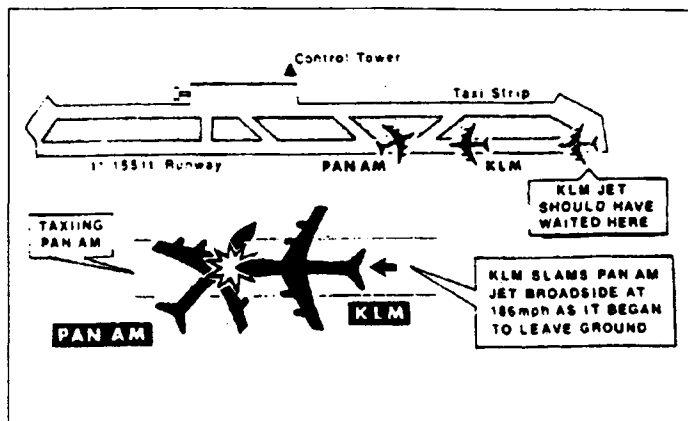
Комиссия, наконец, заявила: «Это — происшествие в высшей степени серьезно. Не говоря уже о потере отличного судна и его груза, нефтяное загрязнение причинило большие трудности и повреждения. Это была одна из страшнейших катастроф в истории мореходства. Причиной послужила халатность командира, и мы считаем, что это была крайняя степень халатности. Командир, которому поручено управлять одним из крупнейших судов в мире, обязан проявлять осторожность и предусмотрительность особо высокого уровня, отвечающие столь высокому уровню ответственности. В данном случае командир решительно не отвечал этим стандартам. Поэтому мы рекомендуем лишить командира «Торри Каньона» его капитанской лицензии».

Руджиати, совершенно разбитый, вернулся домой в Геную и там слег в больницу с серьезным плевритом и в глубокой депрессии. Он никого не желал видеть, кроме жены и двух сыновей. Но после того как стало известно, как он страдает, к нему начали потоком приходиться письма — до двухсот в день. Это были сочувственные послания из Британии.

В конце концов Руджиати согласился рассказать о катастрофе. Друзья были потрясены, увидев его. Это был разбитый человек, сгорбившийся, седой, измученный, небритый и трясущийся. Он сказал: «Эти письма из Британии чуть-чуть оживили во мне веру в себя. Я виноват в том, что случилось, и кошмары больной совести мучают меня непрерывно.

Невыносимее всего знать, что я спас бы корабль, будь у меня лишние 30 секунд для маневра. Когда судно уже было рядом с камнем, я хотел отвернуть руль. Но он был на автопилоте и не слушался. Ничего нельзя было сделать.

Мне бы только лишние 30 секунд!»

Надписи на плане слева направо сверху вниз:

Контрольная башня

Рулевая полоса

(нрзб.) взлетная полоса. ... Пан Ам ... КЛМ

Самолет КЛМ должен был ждать здесь

Выруливающий Пан Ам

КЛМ врзается в бок самолета Пан Ам на скорости 306 км/ч в момент отрыва от земли

Крупнейшее в мире крушение самолетов

Два гигантских реактивных лайнера столкнулись, оборвав 582 жизни

Это было так ужасно, что страшнее трудно себе представить — столкнулись два гигантских лайнера, наполненных пассажирами. Это случилось 27 марта 1977 года на курортном острове Тенерифе в составе испанских Канарских островов в Атлантическом океане. Погибли 582 человека.

Крушение произошло в воскресенье — самый напряженный день в аэропорту Санта-Крус. Обычно до 180 самолетов поднимаются и садятся со своим драгоценным грузом — большинство пасса-

жиров — туристы. То воскресенье было туманным — ничего необычного для Тенерифе, где облака цепляются за потухший вулкан Пико-де-Тейде. Кроме того, в тот день в Санта-Крус было много суеты и много дополнительных полетов. В одном из магазинов в аэропорту Лас-Пальмас на близлежащем острове Гран-Канария взорвалась бомба, заложенная террористами из освободительного движения Канарских островов, и все рейсы переправлялись с Лас-Пальмас на Санта-Крус. Среди них было два суперлайнера «Боинг-747» — голландской авиакомпании КЛМ, рейс 4805 из Амстердама, и американской авиакомпании Пан Ам, рейс 1736 из Лос-Анджелеса — Нью-Йорка.

Уже в середине дня аэропорт Санта-Крус был переполнен, даже если судить по его сумасшедшим стандартам. Одиннадцать самолетов стояли на земле в ожидании взлета. С небывалым потоком пытались справиться три авиадиспетчера в контрольной башне, расположенной за зданиями авиавокзалов. Их больше всего заботили туман, сгушавшийся с каждой минутой, и огни на центральной взлетной полосе, которые не работали.

Была еще одна проблема: из трех радиочастот, на которых работал аэропорт, две были незадействованы, и всем ожидающим пилотам приходилось пробиваться к диспетчерам сквозь общий поток переговоров на одной частоте. Одним словом, все было готово к катастрофе.

Триста семьдесят американских пассажиров на борту Пан Ам-1736 начали проявлять беспокойство. Они заплатили по 2000 долларов за круиз, начинавшийся в Лас-Пальмас. Теплоход уже ожидал их, когда пришло сообщение о взрыве, и их самолет посадили в Санта-Крус. Отдыхающие в нетерпении сидели в самолете вот уже два часа, не имея возможности сойти — в аэропорту не хватало трапов.

229 голландских пассажиров на борту КЛМ-

4805 тоже беспокоились. Они тоже летели в Лас-Пальмас, и их тоже посадили в Санта-Круссе.

Пилот КЛМ капитан Яаап ван Зантен был в некотором роде знаменитостью. Его красивое лицо появлялось в рекламах авиакомпании, в которых подчеркивалось мастерство ее сотрудников и высокие показатели безопасности ее полетов. Ван Зантен был, безусловно, опытный пилот; он служил в КЛМ уже 27 лет и входил в тройку ее старейших пилотов. И как раз в силу своей опытности он решил, что не станет стоять в обещавшей быть длинной очереди на заправку в Лас-Пальмаса, когда ему и всем другим наконец разрешат туда лететь, а закажет заправку прямо здесь и наполнит баки нужным ему количеством топлива — топлива, которому суждено было обратиться все его воздушное судно в пепел...

Его коллега на Пан Ам, 56-летний капитан Виктор Граббс, был ветераном Второй мировой войны. Не имея возможности вырваться вокруг заправляемого голландского самолета, чтобы стать впереди него в очередь на взлет, он, чтобы помочь пассажирам скоротать время, пригласил их группами осмотреть его кабину.

Тем временем видимость упала до 500 метров — не много, но в пределах дозволенного для взлета. Но туман быстро сгущался, и поскольку никому не хотелось застрять на ночь в Санта-Круссе, экипажам обоих суперлайнеров не терпелось получить разрешение на вылет в Лас-Пальмас.

Крупная фирма по торговле водкой решила отказаться от рекламного текста, в котором говорилось: «Я думал, что «Кама Сутра» — это индийский ресторан, пока не открыл для себя водку «Смирнофф». Один из руководителей фирмы сказал, что они провели исследование и оказалось, что 60 процентов опрошенных действительно считают, что «Кама Сутра» — это индийский ресторан.

Главная взлетная полоса в Санта-Крусе имеет длину три километра и расположена на высоте 700 метров над уровнем моря. Она направлена с востока на запад. Параллельно ей тянется вторая полоса, которую используют для выруливания к зданиям аэровокзалов. Эти две полосы соединены на обоих концах и, кроме того, связаны между собой по всей длине четырьмя боковыми дорожками.

Без нескольких минут в пять вечера ван Зантен и Граббс испустили вздох облегчения — из контрольной башни поступило указание готовить самолеты к взлету. Из-за большой загроможденности рулевой полосы обоим самолетам было велено занять главную взлетную. Лайнеры КЛМ и Пан Ам прибыли к восточному концу взлетной полосы одновременно. С контрольной башни им приказали вырuler на запад к взлетной точке на дальнем конце главной взлетной полосы. Так они и сделали, причем самолет КЛМ оказался впереди.

Эти маневры протекали преимущественно вне поля зрения трех диспетчеров на контрольной башне. Клубящийся морской туман обволакивал аэропорт, а поскольку в Санта-Крусе не было радарной установки, диспетчеры не могли следить за медленными передвижениями самолетов на земле. Им приходилось полагаться на единственный, и без того загроможденный, радиоканал.

Контрольная башня передала на КЛМ-4805: «Продолжайте движение до конца полосы и там разворачивайтесь». Могучий корабль капитана ван Зантена медленно пополз по длинной полосе.

Тогда и капитан Граббс получил указание с контрольной башни — продвинуться вперед и освободить взлетную полосу, вырuler на левую боковую дорожку.

Третий поворот налево с главной взлетной полосы в аэропорту Санта-Крус называется боковой дорожкой С-3. Чтобы свернуть на нее, нужно

сделать поворот на 130 градусов, и ведет она прямо к зданиям аэровокзалов. Это был бы медленный и неудобный для суперлайнера Пан Ам маневр. Четвертый поворот с полосы — боковая дорожка С-4 — идет по кругу и приводит к концу взлетной полосы, где как раз сейчас разворачивается готовящийся к взлету гигант КЛМ.

Капитан ван Зантен завершил свой маневр и направил нос своего корабля в темнеющий туман, висящий над тремя километрами главной взлетной полосы впереди него и над кораблем Пан Ам, который, невидимый в тумане, продолжал ползти навстречу ему.

Самолет Пан Ам пропустил поворот на дорожку С-3 и направлялся к дорожке С-4. В это время второй пилот капитана ван Зантена радировал на контрольную башню: «КЛМ-4805 к взлету готов. Ждем разрешения».

Ответ с башни: «Хорошо. Ждите. Я вас вызову».

Затем с башни запросили самолет Пан Ам, освободил ли он полосу. Услышав в ответ «нет», они попросили второго пилота Пан Ам немедленно дать знать, как только они сойдут с полосы. Но прошло лишь несколько мгновений, и лайнер КЛМ начал разбег.

Суперлайнер весит 240 тонн, имеет размах крыльев 65 метров и длину 77 метров, а его «хвостовое оперение» достигает высоты семиэтажного дома. В 5 часов 7 минут вечера в то роковое воскресенье два таких гиганта двигались навстречу друг другу — один медленно полз, другой шел со скоростью 240 км/ч.

Второй пилот Пан Ам Роберт Брэгг первым из экипажа заметил приближение голландского гиганта. Он рассказывал: «Сквозь туман я увидел впереди огни. Я сначала подумал, что это КЛМ стоит в конце полосы. Но потом я понял, что огни приближаются».

Брэгг закричал: «Прочь с полосы, прочь!» Капи-

тан Граббс закричал: «Мы на полосе! Мы на полосе!» Граббс резко повернул свой самолет на 30 градусов, стараясь сойти с дороги надвигающегося лайнера. Но было поздно. Самолет КЛМ двигался слишком быстро. Он не мог ни остановиться, ни свернуть. Он миновал точку, после которой возврата нет.

В последнюю минуту капитан ван Зантен поднял нос своего корабля. На взлетной полосе осталась канава, прорытая хвостом голландского самолета, когда командир старался заставить его перепрыгнуть через самолет Пан Ам. Его усилия оказались тщетны. Через две секунды после взлета голландский гигант врезался в американский на скорости около 265 км/ч. Его нос ударился в верхнюю часть другого самолета и снес крышу пилотской кабины и расположенного на верхнем уровне отсека первого класса. Затем в американский самолет врезались огромные гондолы двигателей, подвешенные под крыльями. Правый двигатель пропорол задний отсек, мгновенно убив почти всех находившихся в нем пассажиров.

«Боинг» КЛМ продолжал свой ужасный полет над самолетом Пан Ам и далее над взлетной полосой, взрываясь и разлетаясь на тысячи обломков. Из пассажиров голландского самолета не спасся ни один.

Специалисты по рекламе считают, что для успеха нового автомобиля хорошо представить его — уже полдела.

Но это не всегда хорошо удается...

«Форд» представлял новую роскошную модель в Мексике.

После долгих поисков имени они назвали машину Кальенте. Очень скоро, однако, название сменили на менее романтическое С-22: продавцы подсказали, что на мексиканском наречии «кальенте» означает «проститутка».

Не более успешной была и компания «Дженерал Моторс», когда она представляла в Мексике свою машину «шевроле-нова». Торговля была вялой — как и название машины. «Но-ва» в Мексике означает «не пойдет».

Из числа бывших на борту американского лайнера выжили те, кто находились на передних местах и на левой, дальней от удара, стороне самолета. Левая сторона была частично разрушена, и их либо выбросило наружу, либо они сами выбрались через проем.

Несколько долгих секунд, пока происходила катастрофа, на контрольной башне ничего о ней не знали. Какой-то испанский авиалайнер, летевший над Тенерифе, запросил по радио разрешения на посадку. С башни ответили: «Тишина на частоте! Я пытаюсь связаться с КЛМ». Но КЛМ больше не существовал.

Внезапный порыв ветра прочистил окно в тумане, и тогда с контрольной башни на мгновение открылось страшное зрелище пылающего гиганта. Через несколько секунд образовалось другое окно, и диспетчеры увидели то, что оставалось от другого «боинга».

Радиоканал наполнился беспорядочными головами. «Суперлайнер горит». — «Нет, их там два». «Есть связь с Пан Ам—1736?» — «Контроль, вы видите пожар на полосе?» — «Пожарных! Пожарных!»

Небольшая аварийная команда, дежурившая в аэропорту, очень скоро прибыла на место. Но что они могли сделать? Лайнер КЛМ представлял собой невиданную свалку разбросанных обломков, лайнер Пан Ам — полыхающую массу. Кто мог спастись, спасся в первые пару минут.

Интендант Пан Ам, 35-летняя Дороти Келли из штата Нью-Гэмпшир, проявила себя истинной героиней. Вот что она вспоминала о катастрофе: «Раздался грохот, все полетело вокруг. Все стало неузнаваемым — покореженный металл, мелкие обломки. Потом несколько поутихло, и я увидела над собой небо, хотя понимала, что нахожусь все еще в самолете — в том, что было раньше самолетом. Поначалу я не видела людей. Позади раз-

дались взрывы, и я поняла, что выбраться можно только через верх. Я начала карабкаться, и тут пол стал проваливаться».

Миссис Келли спрыгнула вниз и отскочила метров на семь, на сравнительно безопасное расстояние. Затем она обернулась к пылающему искореженному самолету. Раздалась серия взрывов, изнутри слышались крики людей — и она побежала обратно к самолету.

«Я увидела капитана, стоящего неподвижно на коленях. Мне показалось, что у него переломаны ноги. Вокруг были и другие люди со сломанными конечностями. Я обхватила капитана под руки и потащила, и все уговаривала идти поскорее. Я боялась, что фюзеляж обрушится прямо на нас. Раздался страшный взрыв. Я сказала: «Надо спешить, скорее!» Я тянула, толкала и наконец опустила его на полосу».

Миссис Келли спасла капитану Граббсу жизнь. Взрывы продолжали разрывать лайнер, а она металась взад и вперед, оттаскивая контуженных пассажиров прочь от самолета, пока не убедилась, что спасти больше некого. Позже миссис Келли, с исцарапанным лицом, с синяками под глазами, с одной рукой в гипсе, сказала: «Я себя чувствую так, как будто только что выдержала 20 раундов с Мохаммедом Али». Впоследствии ее наградили медалью за отвагу.

Один из пассажиров Пан Ам, 37-летний калифорниец Дим Найк, находился в салоне первого класса, когда разверзся ад — прямо как в кино.

Вот рассказ Найка: «Я сидел рядом с моей женой Элзи, когда вдруг произошел взрыв. Пламя охватило весь самолет. Я схватил Элзи и стал выбираться с ней наружу, но тут провалился потолок и прямо на нас стали падать люди из верхнего салона. Обломок потолка упал на мою жену. Новым взрывом меня выбросило на полосу. Я побежал к самолету, чтобы спасти Элзи, и тут

увидел выпавшее из него тело. Это была моя жена.

Британец Джон Купер, 53-летний механик, служащий Пан Ам, летел в качестве пассажира, но при столкновении с лайнером КЛМ находился в кабине экипажа. Его выбросило из самолета, и он отделался царапинами. Он рассказывал: «Это был страшный удар. Не хочется вспоминать. Люди дико кричали — женщины, дети, объятые пламенем. У меня постоянно в ушах стоит этот крик».

35-летний калифорниец Джон Амадор вспоминал: «Я выглянул в иллюминатор и увидел самолет, мчащийся прямо на меня. Я упал на пол, и когда взглянул вверх, наш самолет был разломан на три части. Я боялся, что буду заживо изжарен». Но он выпрыгнул и спасся.

То же сделала и миссис Тери Браско из штата Орегон. Она рассказывала: «Голландский лайнер сбил крылом крышу нашего самолета. Все кричали. Мой муж Роланд вытолкнул меня через проеху в бок самолета, и затем мы вытащили его мать. Моя свекровь была вся в огне. Мы потащили ее по полю, стараясь сбить пламя».

Сразу после удара некоторые пассажиры так и оставались пристегнутыми к своим креслам. Они выглядели онемевшими и даже не старались спастись. Взрывы, воспламенившие самолет, произошли несколько позже. Из 370 пассажиров и 16 членов экипажа лайнера Пан Ам в первые же минуты погибло более 300 человек, и более 60 получили серьезные повреждения.

На американском лайнере, по крайней мере, кто-то спасся. На голландском же были уничтожены все 229 пассажиров и 15 членов экипажа. В их числе была некая дама из Голландии, которая в Амстердаме сообщила мужу, что едет отдыхать к друзьям в Испанию. Вместо этого она полетела

навстречу своей смерти — с лучшим другом своего мужа.

И еще один трагический обман вышел на свет после крушения. Голландский бизнесмен сказал жене, что летит на совещание в Швейцарию. Вместо этого он полетел рейсом КЛМ-4805 на Лас-Пальмас, чтобы втайне провести каникулы с хорошенькой соседкой. Перед отъездом он написал жене открытку и попросил приятеля отправить ее из Цюриха. Открытка, полная нежных приветствий, была доставлена через два дня после его смерти.

Ну а человек, который запустил в действие ужасную цепочку событий 27 марта 1977 года? Антонио Кубилло, лидер сепаратистского движения Канарских островов, человек, по чьему приказу была заложена бомба, бежавший в Алжир, сказал: «Испанцы не хотели, чтобы туристы видели разрушения в Лас-Пальмаса. Это их вина, что самолеты столкнулись. Я не считаю, что 582 смерти лежат на моей совести».

Зрители старались испортить пьесу, но актеры преуспели.

— *Заголовок в «Сандерленд Эко»*

Спасшийся при кораблекрушении жертвует собой — понапрасну

Крохотный спасательный плот был не более чем точечкой на необъятной поверхности Тихого океана. На нем находились 48-летний Вилл Куинлан и его 18-летний племянник Дэвид Люкас. Дэвид сохранял надежду на то, что их скоро обнаружит проходящее судно, но его дядя был подавлен и угрюм. В том, что они попали в эту переделку, он обвинял себя.

Куинлан, женатый человек, отец двоих детей, отправился с племянником путешествовать за 4000 миль из Сан-Диего, штат Калифорния, на Галапагосские острова. Но уже через 1000 миль их 13-метровая яхта попала в ураган. Гигантская волна подхватила ее и опрокинула, оба путешественника оказались под ней. Им удалось выбраться на поверхность и отдохнуть, потом Куинлан стал нырять, чтобы отвязать от палубы спасательный плот. Через час это ему удалось.

Следующей задачей было достать из каюты пресную воду и продовольствие. Куинлан снова нырял под яхту, а Люкас держал конец веревки, обвязанной вокруг него. И вдруг молодой человек увидел черный плавник, разрезавший воду. Кровь из пореза на ноге Куинлана привлекла акулу.

Люкас потянул за веревку и вытащил дядю на плот. Плот понесло прочь от яхты, а акула все кружила вокруг них. Спасенные поняли, что им придется обходиться тем скудным запасом, что они успели перенести на плот.

Шторм утих, и жаркое летнее солнце — стоял июль 1978 года — опаляло маленький плот. Он находился вне главных морских путей, и пять дней они дрейфовали, не встретив ни одного судна.

Куинлан проверил запасы: оставалась одна банка воды и две банки пищи. Он тихо сказал племяннику: «Бог знает, когда нас кто-нибудь обнаружит. Одному человеку этих запасов хватит на две недели. Тебе только 18. У тебя вся жизнь впереди».

С этими словами Куинлан соскользнул с плота.

Люкас схватил дядю и хотел втащить его обратно на плот, но тот был сильнее; он высвободился и ровными гребками поплыл прочь от плота. Он ни разу не оглянулся.

«Я кричал ему, звал вернуться, — рассказывал потом Люкас. — Я кричал, но он даже не оглянулся. Я не знал, что делать. Я не умею плавать; мне оставалось только смотреть, как он удаляется. Я увидел акул и понял, что можно считать его погибшим. Я уверен, что никогда не встречу больше такого храбреца, каким был мой дядя».

Но героизм Куинлана оказался напрасным. Буквально на следующий день мексиканское рыболовное судно подхватило Люкаса. Он не успел даже притронуться к своим запасам.

Когда его высадили на берег, Люкас отправился в Аркату, штат Калифорния, в дом жены своего дяди Вики. Он передал ей все, что осталось после Куинлана — золотое кольцо и консервную банку, на которой было нацарапано: «Я люблю тебя. Прости».

Над всей Испанией дождь... из водородных бомб

**Крушение бомбардировщика грозило
ядерной катастрофой**

В 10:20 утра 16 января 1966 года гигантский бомбардировщик Военно-воздушных сил США Б-52 готовился к заправке в воздухе над Средиземноморским побережьем Испании. На его борту находился груз — четыре полуторамегатонные водородные бомбы. Б-52 кружил над восточным Средиземноморьем уже 12 часов. Теперь он собирался пополнить запас топлива из воздушного танкера перед тем, как вернуться в Соединенные Штаты.

Капитан занял исходную позицию в 30 километрах позади танкера на высоте 10 000 метров.

Американские солдаты и испанские полицейские охраняют обломки крушения бомбардировщика и танкера

Это была долгая и скучная работа, как и каждый из 100 полетов, совершаемых ежедневно по приказу командования Стратегических военно-воздушных сил США вдоль границ «железного занавеса».

На борту танкера К-135 майор Эмила Чапла держал устойчивый курс, наблюдая за бомбардировщиком, который занимал исходную позицию сзади. Незадолго до этого Чапла взлетел с американской военно-воздушной базы близ Севильи с восемью тысячами литров авиационного горючего на борту. Это была рутинная, повседневная работа.

Б-52 приближался, неся наготове наконечник шланга, чтобы вставить его в распределительный раструб, свисавший с днища танкера. Чапла наблюдал. Ему показалось, что Б-52 приближается слишком быстро и летит слишком высоко. Он послал предупреждение по радио, но не успел закончить фразу, как два гигантских самолета столкнулись. Б-52, оказавшись под танкером, ударился об его днище.

Майор Чапла изо всех сил боролся с рычагами, стремясь довести свой сильно поврежденный,

горящий самолет до базы. Капитан же Б-52 знал, что его самолет обречен. Корпус и кабина были смяты, и самолет начал разваливаться. Капитан и два члена экипажа успели катапультироваться как раз перед страшным взрывом, после которого гигантский бомбардировщик завертелся, падая на землю и разбрасывая по пути тысячи осколков.

Среди обломков, дождем посыпавшихся на Испанию в то зимнее утро, были четыре водородные бомбы семиметровой длины.

Бомбы упали вблизи деревни Паломарес. Ни одна из них не взорвалась. Это было невозможно, если их предварительно не активировали на борту Б-52. Но существовала опасность того, что их обшивка могла быть повреждена при взрыве; никто в точности не знал, какое воздействие может оказать на ничего не подозревавших жителей Паломареса утечка радиоактивного плутония и урана.

Сразу же после крушения была создана военная аварийная группа; она прилетела из Соединенных Штатов в Испанию. Тем временем американские военные советники в Испании оповестили мадридские власти, и в Паломарес стали стекаться высшие военные и политические чины.

В прессе было сделано смелое заявление о том, что произошло крушение американского самолета, но жертв среди гражданского населения нет. О ядерном оружии не упоминалось. Крестьяне Паломареса не подозревали об окружающей их опасности. Но когда прибыла американская аварийная команда и местность была оцеплена с беспрецедентной строгостью, журналисты начали докапываться до истины. Они выяснили, что обрушившийся самолет — военный бомбардировщик Б-52. Они догадались, что он нес ядерные бомбы и что

эти бомбы теперь разбросаны по сельской местности Испании.

По кусочкам собирали журналисты правду о катастрофе, хотя их и не допускали на место. Огромные заголовки поведали миру о том, что происходит в Паломаресе. Но в самой деревне жителям не сказали ничего. Им только запретили собирать урожай и велели оставаться в деревне. Но, видя скопление войск и роящиеся над их землями поисковые самолеты, 2500 жителей Паломареса испытывали все растущее беспокойство.

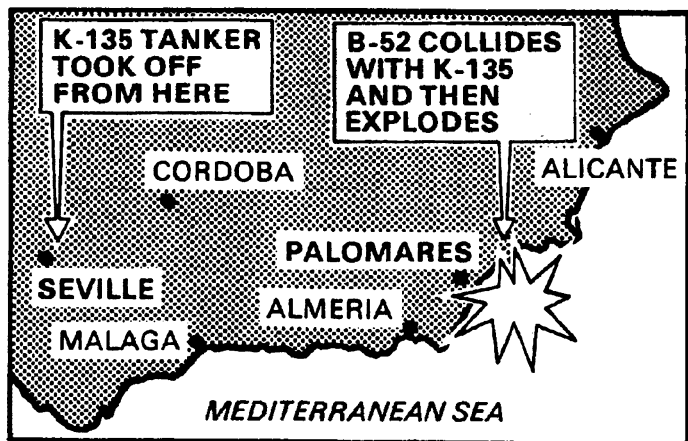
Знай они, в какой опасности находятся, они бы еще больше паниковали. Ведь у трех бомб, упавших близ их деревни, оказались распоротыми корпуса, и плутон и уран начали заражать атмосферу. Легкий бриз, дувший в тот день, разносил по пыльной испанской сельской местности невидимый яд.

Первую бомбу обнаружили с поисковых самолетов в открытом поле. Взрыв детонатора оставил после себя воронку, и разбитый корпус был частично зарыт в землю. Утечка оказалась невелика. Другую разбитую бомбу нашли среди холмов в трех милях от Паломареса.

Третью бомбу обнаружил крестьянин вблизи своего дома на окраине Паломареса. Она лежала в воронке, и из нее шел дым. И не только дым, но и — хотя жители деревни об этом не знали — радиоактивная пыль. Озадаченный испанец разглядывал поврежденную бомбу, постоял на ней, пнул ногой. Он пошел искать кого-нибудь, кто бы мог знать, что это за таинственный предмет, и прошло несколько часов, прежде чем слух о найденной бомбе дошел до американцев.

Итак, три бомбы найдены... где же четвертая?

Ответ дал рыбак Симо Ортс. Он был в море, когда на 10-километровой высоте над его головой

Надпись на схеме слева направо сверху вниз:

Отсюда поднялся танкер К-135

Б-52 сталкивается с К-135 и затем взрывается

Географические названия:

Кордова... Аликанте... Паломарес... Севилья... Алмерия...

Малага... Средиземное море

случилось столкновение. Несколько минут спустя он увидел длинный металлический предмет, медленно спускающийся с неба под двумя парашютами. Он упал в море в нескольких метрах от его лодки и быстро пошел ко дну. Ортс покружился около этого места, но от таинственного предмета не осталось и следа. Он еще порыбачил и затем направил свой парус к берегу. Придя к пристани, он рассказал о странном случае своим друзьям. Они решили сообщить в полицию. Но благодаря покрову секретности, брошенному американцами на то, что они назвали операцией «Сломанная стрела», даже испанская полиция не знала в точности, что происходит.

Наконец американцы услышали историю рыбака; они послали своих экспертов, чтобы найти и допросить озадаченного Ортса. Его описание было

похоже на правду. Бомба упала в море, спустившись на парашюте, предназначенном для подвешивания ее над районом цели. Второй парашют был запасным. Ортс на своей лодке повез команду в море, чтобы показать место, где упала бомба. Трудность, однако, состояла в том, как в точности найти это самое место в Средиземном море. Все, что удалось установить, — это что бомба должна быть где-то в пределах зоны в 25 квадратных километров, в шести милях от берега, на неровном морском дне, уходящем в глубину от 30 до 1600 метров. Где-то там должна была лежать четвертая бомба.

Была создана морская поисковая группа в составе 20 судов, 2000 матросов и 125 водолазов. Имелись также батискаф и две миниатюрные подводные лодки. Команде была поставлена задача — найти бомбу во что бы то ни стало, пока ее не скрыли из виду ил и дрейфующие пески на морском дне.

Если бомбу не найти, то ее защитная система со временем может проржаветь, что вызовет или заражение Средиземного моря содержащимися в ней радиоактивными веществами, или даже взрыв, который создаст смертоносное ядерное облако над побережьем Испании. Существовала также опасность того, что если бомбу оставить где она есть, ее могут найти русские и раскрыть ее секреты. Бомбу НЕОБХОДИМО было найти.

И ее нашли. Через два месяца после крушения, 15 марта, экипаж мини-подлодки «Алвин» заметил углубление в иле на глубине 800 метров. Они исследовали его поближе, затем всплыли на поверхность — и, к своему ужасу, не смогли снова его обнаружить. На следующий день они снова напали на след и нашли лежащий на морском дне парашют. Они проследовали по стропам парашюта и там, на узком уступе на краю 170-метрового обрыва, лежала бомба.

Понадобилось три недели, чтобы подцепить бомбу, не сбросив ее с уступа. И вот 7 апреля 1966 года после нескольких чуть не закончившихся катастрофой попыток неповрежденная бомба была поднята на поверхность. Теперь жители Паломареса были избавлены от опасности радиоактивного заражения; завершались переговоры о размерах компенсации за потерянный урожай.

Ядерную трагедию невообразимых масштабов удалось предотвратить.

Быстрозамороженное мясо: парная шотландская говядина из Уэльса.

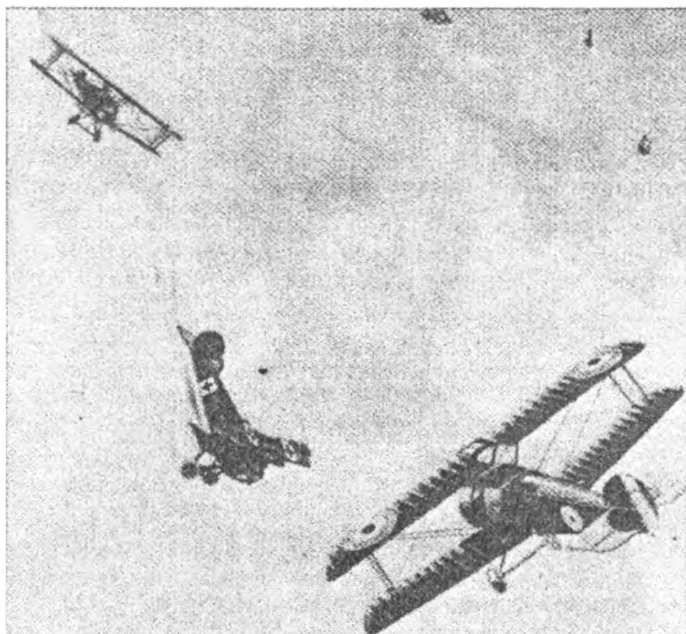
— «Глазго Геральд»

Смерть Красного Барона

Немецкий летчик-ас испытал судьбу — и полетел навстречу смерти

Во время Первой мировой войны, когда шла жестокая борьба за господство в воздухе и средняя продолжительность жизни пилота составляла всего три недели, молодые летчики охотно окружали себя всяческими амулетами и суевериями. Среди германских летчиков с их машинами, сделанными из веревок и парусины, одна примета считалась важнее прочих: перед заданием нельзя фотографироваться. Только после возвращения позволяли они камере запечатлеть победителя.

Утром 21 апреля 1918 года барон Манфред фон Рихтхофен, непревзойденный ас всех времен и народов, посмеялся над этим предрассудком. На пороге ангара, где стоял его ярко-красный «фоккер», он задержался, чтобы приласкать щенка и

улыбнуться в объектив камеры, которую направлял на него приезжий фотограф.

Барон фон Рихтхофен мог себе позволить смеяться над суевериями. Ведь в свои 25 лет он уже был самым знаменитым в мире летчиком. Он считался самым неуязвимым. Как раз накануне он сбил свой восьмидесятый аэроплан. Это был национальный герой, известный под прозвищами Красный рыцарь Германии и Красный Барон — благодаря своему «летучему цирку» (так англичане называют самолетный строй) кроваво-красных самолетов, который он ежедневно выводил в небо над Францией и Бельгией, сея гибель среди британских, французских, австралийских и канадских аэропланов.

В то утро, в 10:15, фон Рихтхофен взобрался

в кабину своего «фоккера» под звуки оркестра, игравшего в его честь. С дюжиной других самолетов он поднялся с аэродрома в Каппи и взял курс на селение Сайи-ле-Сек в долине Сомм, где был назначен сбор.

Примерно в то же время, когда фон Рихтхофен трясся по бугристой взлетной полосе, в 40 километрах от него, в Бетрангле, к взлету готовился другой пилот. Это был Рой Браун, 24-летний канадец на машине марки «сопуит-кемел» в составе 209-й эскадрильи только что сформированного Королевского военно-воздушного флота. Браун, доброволец из Торонто, был совсем не похож на колоритного Красного Барона, с которым ему вскоре предстояло встретиться в воздушном бою. Скромный и вечно смущающийся, он официально имел на счету 12 германских трофеев — несомненно, много меньше, чем на самом деле, потому что он далеко не всегда удосуживался докладывать о своих победах. Браун недавно получил капитанский чин и орден. Он совершал по два долгих и опасных вылета в день, без выходных, и поддерживал свой усталый организм периодическими впрыскиваниями коньяка и молока.

Браун был наслышан о бароне фон Рихтхофене и научился уважать пилотов его удивительного «летучего цирка». Фон Рихтхофен же, со своей стороны, никогда не слышал о капитане Брауне, который теперь, в 11:15, летел на три тысячи метров выше него над Сайи-ле-Сек в составе строя из 15 самолетов Королевского ВВФ.

Внизу, под собой, Браун увидел, как могучий «цирк» атакует два медленных разведывательных самолета РЕ-8 и как те извиваются, крутятся и вертятся, стараясь уйти. Браун бросил свой «кемел» резко вниз, и, как было условлено, семь его коллег последовали за ним. Больше чем восемью

самолетами их потрепанная в боях эскадрилья рисковать не решалась. Пикируя вниз, к завязывавшемуся на высоте 1000 метров воздушному бою, летчики понимали, что немцы намного превосходят их численностью и что даже из их восьмерки один был практически не в счет. Это был австралиец лейтенант Уильям Мэй, только что прибывший во Францию; ему было приказано держаться на краю воздушного боя, пока он не наберется опыта. Мэй кружился над схваткой, наблюдая, как семь других ввязываются в бой с немецкими самолетами; незадачливым же PE-8 удалось при этом скрыться в облаках.

Несмотря на численное превосходство немцев, летчики Королевского ВВФ на удивление преуспевали. Буквально за несколько минут они сбили четыре германских самолета, причем один из них сбил новичок Мэй. Но не успел Мэй послать своего противника к земле, как сам барон фон Рихтхофен взял его на линию прицела. Фоккеровский спаренный пулемет системы Шпандау пропорол фюзеляж машины Мэя. Сам австралиец получил лишь легкое ранение, но, тем не менее, оказался в крайне неприятной ситуации. Как ни старался, он не мог сбросить Красного Барона со своего хвоста. Он крутился и изворачивался, но был слишком неопытен, а германский ас слишком искусен.

Скрещивать шпаги с великими умами своего времени может оказаться себе дороже. В царствование короля Георга один из членов парламента с негодованием прервал свою речь в палате общин и сказал: «Премьер-министр спит». Лорд Норт открыл один глаз и сказал: «Господи, если бы!»

Леди Астор однажды сказала сэру Уинстону Черчиллю: «Если бы я была вашей женой, я бы подсыпала яду в ваш кофе». Черчилль ответил: «Если бы я был вашим мужем, я бы его выпил».

Браун заметил, что происходит, и вышел из схватки. Мэй уже совершенно откровенно удирал, его самолет летел низко к земле, а самолет барона — лишь в 25 метрах позади него. Используя преимущество высоты, Браун соскользнул вниз и стал в линию за немцем. Австралиец стрелял, но барон фон Рихтхофен упорно продолжал преследование.

Он так сосредоточился на своей жертве, что, несмотря на свои восемьдесят побед в воздушных схватках, забыл правило номер один войны в воздухе: всегда смотри назад. А позади, прямо на его хвосте, примостился Браун с большим пальцем на гашетке своего пулемета системы «викерс». Он поймал Красного Барона на линию огня и выпустил длинную очередь; аккуратная чередой пуль прошла фюзеляж «фоккера» от хвоста до кабины.

«Фоккер» нырнул носом и заскользил вниз. Он уткнулся в землю, аккуратно кувыркнулся и замер вблизи британской линии обороны в окрестностях Сайи-ле-Сек. Британский солдат заглянул в кабину: там сидел прямой, как гвоздь, мертвый барон Манфред фон Рихтхофен. Один из офицеров сделал моментальный снимок этой сцены, который на следующий день забросили за германскую линию.

А в это время на аэродроме в Каппи немецкий фотограф смотрел в небо, ожидая возвращения «летучего цирка», чтобы во второй раз за этот день заснять неизменного победителя, Красного Барона.

В 1938 году летчик Дуглас Корриган вылетел из Нью-Йорка в густом тумане, намереваясь лететь на запад, в Калифорнию. К сожалению, он потерял ориентацию и полетел на восток. Через 28 часов он приземлился в Ирландии, завоевав себе этим кличку «Корриган-не-туда».

Бунтовщики уплыли навстречу гибели

Три новичка в команде парусника «Лестер Касл» пришлось на нем не ко двору. Они поступили на это британское грузовое судно в Сан-Франциско, причем никому не известно, был ли это их свободный выбор. Шел 1902 год, и хотя отряды насильственных вербовщиков больше не сновали по улицам главных портовых городов мира, существовали другие, окольные методы набора команд для долгих и опасных морских путешествий — например, напоить человека до полусмерти и препроводить его на корабль непосредственно перед отплытием.

Нельзя сказать, чтобы капитан Джон Питти, командир «Лестер Касл», лично имел какое-либо отношение к такого рода мошенничествам. Суровый шотландец предоставлял своему старшему помощнику заниматься такими делами. Питти знал одно: в этом плавании обратно в Лондон на борту появились три новых члена команды, и довольно об этом. Это были Джеймс Тернер из Орегона, Джек Хоббс из Иллинойса и Эрнст Сиерс из Айдахо — все трое обычные матросы, уже ходившие океанскими путями.

Трое американцев держались особняком. Но они задавали множество вопросов относительно маршрута корабля. И после того как 12 августа им сказали, что корабль проходит севернее островов Питкэрн посреди Тихого океана, стало ясно, почему они так много спрашивали.

Тернер, Хоббс и Сиерс решили дезертировать. Из нескольких связанных вместе досок они соорудили грубый плот и спрятали его в трюме. Около полуночи они приступили к исполнению своего плана.

Сиерс постучал в каюту капитана Питти и

попросил его незамедлительно подняться в кают-компанию, чтобы оказать помощь одному из членов команды, получившему на палубе телесные повреждения. Питти пошел вслед за Сиерсом и, входя в кают-компанию, наткнулся на вооруженного револьвером Хоббса. Шотландец бросился было на него, но Сиерс ударил его доской по голове. Хоббс выпустил в лежащего на полу Питти четыре пули.

На вахте в ту ночь стоял только один человек, тоже шотландец, молодой второй помощник Иан Никсон. Услышав выстрелы, он рванулся в кают-компанию и, получив пулю в сердце, упал замертво в дверном проеме.

Капитан, однако, был еще жив. Одна из пуль прошла в нескольких сантиметрах от его сердца, другие попали в руку и в плечо. Вся команда была уже на ногах; кто-то перевязывал капитану раны, другие бросились на палубу в поисках нападавших.

Но было поздно. Сиерс, Хоббс и их приятель Тернер на своем самодельном плоту уплывали во тьму Тихого океана.

Бунтовщики взяли с собой запас продовольствия и воды только на несколько дней. Они совершенно очевидно направлялись к островам Питкэрн — другой земли поблизости просто не было.

Никто не верил семейству Саббай из французского города Шербурга, когда они утверждали, что их часы заколдованы. Старинные напольные часы вместо двенадцати иногда били тринадцать раз, и каждый раз это несчастливое число сопровождалось каким-нибудь происшествием. Когда отец семейства впервые услышал тринадцать ударов, он упал с лестницы. В другой раз его жена ошпарилась кипятком и ее, как прежде ее мужа, пришлось отвезить в больницу. Недоверчивый родственник, желая опровергнуть слухи, переехал к ним. При тринадцатом ударе в полночь на его голову свалилась тяжелая люстра, и его тоже отправили в больницу.

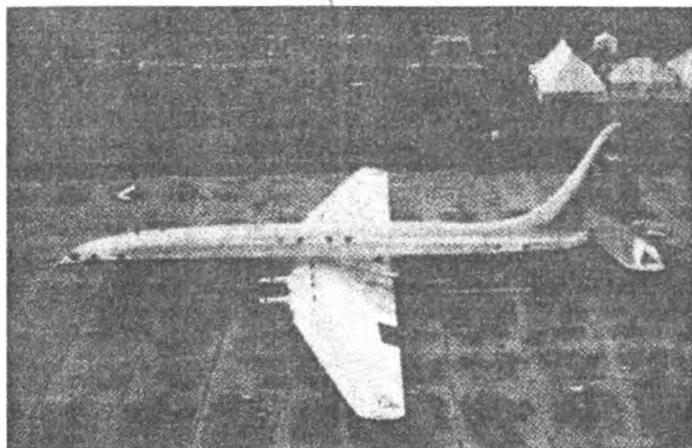
Сердитая тройка надеялась, что дувший в то время легкий бриз медленно, но верно пригонит их к островам. Но из этого ничего не вышло. Ведь когда другие члены команды сказали им, что «Лестер Касл» проходит острова, они были правы только частично. Никто на борту, за исключением капитана, старшего и второго помощников, не знал, что из-за слишком слабого ветра они оказались в 300 милях к северу от островов.

Троих бунтовщиков поглотил безбрежный Тихий океан. Их больше никто никогда не видел.

Воздушный гигант стоимостью в 12 миллионов фунтов стерлингов сдан в металлолом

В 1942 году авиационные заводы Британии штамповали бомбардировщики с такой скоростью, с какой только справлялись сборочные цеха. Но несмотря на трудности военного времени, находились еще разнообразные мечтатели. Похоже, большинство из них скопилось в Уайтхолле, правительственном квартале Лондона, где комиссия во главе с пионером авиации лордом Брабазоном определяла будущее британской авиационной промышленности.

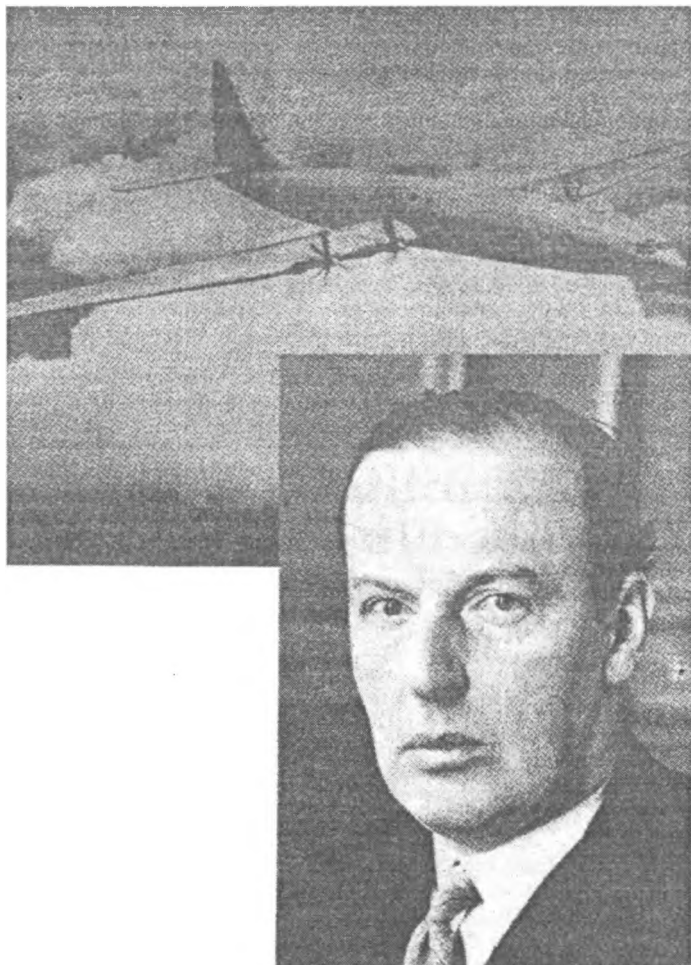
Эти мудрые мужи решили, что следует начать строительство авиалайнера, который мог бы пролетать полпути вокруг света и перевозил бы пассажиров из Лондона в Нью-Йорк без посадки. Строительство его обойдется весьма недешево, а во время войны лишних денег не бывает. Понадобится драгоценное место на заводе, и такового тоже в избытке не находилось. И несмотря ни на что, в марте 1943 года в парламенте было принято решение о строительстве двух двойников гиган-

тского самолета, названного «Бристоль-Брабазон». Он должен стать самолетом престижа, самолетом века. Поэтому деньги — не проблема.

Авиастроителей в Филтоне, близ Бристоля, не надо было уговаривать. Они спроектировали самолет, который должен был стать крупнейшим в мире — 70 тонн порожний и 140 тонн грузовой, с размахом крыльев в 77 метров, высотой в 22 метра, с двигателями, развивающими мощность в 20 000 лошадиных сил.

Для строительства двух самолетов соорудили специальный ангар. Взлетную полосу в Филтоне удлиненили, разрушив большую часть поселка и положив бетон поверх недавно построенной главной дороги. С доходящей до смешного расточительностью построили макет самолета в натуральную величину, со всеми деталями, вплоть до мыльниц в дамском туалете. Пассажиры? О, их помещалось около 75, и для них предусматривались спальные места, бары и прогулочные площадки — и это в то время как американцы уже строили 150-местный самолет.

*Вверху: «Бристоль-Брабазон»
в первом испытательном полете.
Справа: лорд Брабазон*

В конце 1949 года, через семь лет после доклада лорда Брабазона, первый «Бристоль-Брабазон» совершал свой первый полет в Филтоне под наблюдением прессы со всего мира. Полет прошел успешно. Но шесть месяцев спустя обнаружилось, что у воздушного гиганта развилась усталость металла. В нем появились трещины. Ему оставалось находиться в эксплуатации всего два года.

В сентябре 1952 года в палате общин сообщили, что проект «Бристоль-Брабазон» отменяется. Общая стоимость проекта — двенадцать с половиной миллионов фунтов стерлингов. Построен только один самолет. Крупнейший в мире авиалайнер продали на металлолом за десять тысяч фунтов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Жертвы и мошенники

На каждого человека с деньгами
найдется тот, кто стремится
его от них избавить.

На каждого человека с доверчивой
душой найдется тот, кто готов
поучить его житейской мудрости.
Когда легковверный обнаруживает,
что совершил оплошность, обычно
бывает уже поздно.

На этих страницах вы встретитесь
с людьми, дорого заплатившими
за одну маленькую ошибку.

Большое железнодорожное ограбление

О том, как идеально организованное преступление обернулось крупнейшим проколом

Это произошло в самом сердце Англии в разгар лета. Время действия — 3 августа 1963 года, место действия — мост Брайдгоу на Сиерс-Кроссинг в графстве Букингемшир, арена преступления, которое захватило воображение всего мира и осталось в истории под названием Большого железнодорожного ограбления.

В начале четвертого утра 15 человек погрузили в грузовик 120 почтовых мешков после ограбления ночного почтового поезда Глазго—Лондон. В мешках содержалось 2,5 миллиона фунтов стерлингов.

Большое железнодорожное ограбление было почти идеально организованным преступлением. Но только почти. Из-за грандиозной оплошности оно обернулось для тех, кто его совершил, настоящей катастрофой, в результате которой они перешли из разряда мошенников в разряд отъявленных в мире преступников.

Замысел ограбления родился в январе 1963 года. Все началось со встречи между клерком одной лондонской адвокатской конторы и Гордоном Гуди, одним из ведущих специалистов криминальной фирмы в южном Лондоне. Местом встре-

чи — какова дерзость! — был известнейший в стране суд Олд Бэйли. Там упомянутый клерк хвастливо поведал Гуди, что один его знакомый располагает информацией о местонахождении крупной суммы денег, которую можно было бы украсть.

Гуди заинтересовался. Он позвонил своему другу, Рональду Эдвардсу по кличке Взломщик. Несколько дней секретных совещаний и контактов по цепочке — и вот вырисовался невероятный план.

Согласно полученной информации, каждую ночь старые купюры из всех банков Шотландии отправляли в Лондон на уничтожение. Деньги всегда перевозили в так называемом вагоне для дорогостоящих посылок в составе ночного почтового поезда, следовавшего из Глазго в Юстон. В этом вагоне, всегда прицепляемом вторым от головы поезда, обычно находились пятеро почтовых чиновников. Во всех вагонах, следующих за этим, ехали десятки сортировщиков почты. Но в первом вагоне от локомотива ехали только посылки. Людей в нем не было. Суммы денег, перевозимых в вагоне для дорогостоящих посылок, варьировались день ото дня, но они всегда бывали особенно крупными после банковских каникул. Так, 6 августа сумма достигала четырех миллионов фунтов стерлингов. Вопрос состоял теперь в том, как именно ограбить этот поезд.

Гуди и Эдвардс понимали, что, как бы ни сложились планы, с такой работой вдвоем не справиться. Весной 1963 года в банду набирались крепкие профессионалы мира. В нее вошли даже члены конкурирующей преступной фирмы, орудовавшей тогда в Лондоне.

Это было колоритное собрание мошенников. Вот главные из них: Гуди, крепкий 32-летний холостяк с особыми пристрастиями в одежде и выборе девочек; Эдвардс, 30 лет, толстый симпа-

тичный владелец клуба, человек, всецело преданный своему семейству; Брюс Рейнолдс, тоже 30 лет, женат, любитель красиво пожить; Чарли Уилсон, 32 года, изобретательный преступник, друг Рейнолдса; Джимми Уайт, 42 года, тихий, бывший парашютист-десантник; Боб Уэлч, 34 года, владелец клуба в западном Лондоне, один из заправил второй фирмы; его друг Томми Уисби, 32 года, букмекер; Джим Хасси, 30 лет, управляющий рестораном в лондонском Сохо.

В банду были приглашены также три специалиста-профессионала: шофер Рой Джеймс, 23 года, серебряных дел мастер и автогонщик, победитель в нескольких крупных соревнованиях; Роджер Кордри, 38 лет, торговец цветами, умевший управлять железнодорожными сигналами; плюс бывший машинист. В последний момент позвали также одного мелкого воришку, обойщика по профессии, у которого была чарующая улыбка, хорошенькая жена и страсть к роскошной жизни, которую он никак не мог удовлетворить. Его звали Рональд Биггс.

По мосту Брайдгоу проходит главная шотландская железнодорожная ветка; это мост над проселочной дорогой, вьющейся среди фермерских участков Букингемшира. Там банда и решила ограбить поезд. Ко 2 августа все собрались в большом одиноко стоящем доме на ферме Лэдерслейд, в 40 километрах от моста. Они были одеты по-военному: сочли, что это будет для них хорошим прикрытием — выглядеть как солдаты на ночных учениях. Для завершения картины: у них было два джипа типа «лендровер» и грузовик, выкрашенные в зеленый маскировочный армейский цвет.

Около полуночи эти разношерстные солдаты фортуны выступили колонной с фермы и поехали к мосту Брайдгоу, чтобы устроить там свою блестящую засаду. Они были вооружены ломami, свинцовыми дубинками и топором для взламывания

двери вагона. Кордри, крупный специалист по сигнальному оборудованию, устроил так, чтобы зажглись два предупредительных сигнала — один в нескольких сотнях метров впереди и другой прямо перед мостом. Первый предупредительный сигнал, расположенный на обочине полотна, заставит машиниста затормозить. Второй, подвешенный на сигнальном мостике над полотном, принудит поезд остановиться. Бандиты также обрезали провода аварийных телефонов вдоль полотна, а также телефонные линии, идущие к близлежащим фермам и коттеджам. И принялись ждать.

По расписанию поезд появляется у моста в три часа ночи. Банда выверила время в своих многочисленных ночных тренировках. Третьего апреля поезд шел точно по расписанию. Высланный вперед наблюдатель оповестил всю остальную банду по радиопереговорному устройству, и она заняла позиции на насыпи вдоль полотна.

Машинист Джек Миллз выглянул в окно, ожидая увидеть привычный зеленый сигнал. Но увидел красный. Он нажал на тормоза и замедлил ход могучего дизеля. Показался светофор, подвешенный над путями. Он тоже горел красным. Миллз остановил поезд точно под ним и попросил своего помощника Дэвида Уитби позвонить по аварийному телефону у сигнального мостика и выяснить, в чем дело.

Уитби скрылся в темноте. Миллз услышал, как он обратился к кому-то: «В чем дело, приятель?» Дальше — тишина. Уитби встретил идущего по полотну взломщика Эдвардса, задал ему свой невинный вопрос — и оказался сброшенным с насыпи и прижатым к земле кучкой самых отборных головорезов, каких он когда-либо встречал.

А в кабине тепловоза машиниста Миллза атаковали сразу с двух сторон. Ногой он столкнул

одного влезавшего на тепловоз, но на него навалились сзади и оглушили двумя ударами по голове. Кровь потекла по его лицу; последнее, что он запомнил, — это как его и Уитби сковывали одной парой наручников.

Итак, банда захватила поезд, но еще не добралась до денег. Следующий шаг был — отцепить тепловоз вместе с двумя первыми вагонами и отогнать от сигнального мостика к мосту, где предстояло выгрузить груз.

Затем самые отъявленные громилы из банды занялись вагоном для дорогостоящих посылок. В ход пошли топор, лом и дубинки; ими высадили окна и дверь, и пять окаменевших почтовых работников оказались лицом к лицу с чем-то напоминающим передовой отряд наступающей армии. Их заставили лечь на пол, пока банда вытаскивала почтовые мешки через разбитую дверь вагона и передавала по цепочке вниз по насыпи и в кузов грузовика.

После этого усталые, но довольные гангстеры поехали своей военной колонной обратно на ферму Лэдерслейд. Операция прошла почти точно в соответствии с планом, если не считать удара по голове машинисту Миллзу. Но это «почти» оказалось потом очень весомым, ибо совершенное над машинистом насилие сыграло большую роль в суде над бандитами, а его смерть, последовавшая несколькими годами позже, повлекла за собой иск со стороны семьи, утверждавшей, что после того рейса его здоровье постоянно ухудшалось.

Преступная карьера Джесси Джеймса закончилась перестрелкой в Нортфилде, штат Миннесота, в 1876 году. Первый выстрел раздался, когда кассир банка отказался открыть сейф. Один из сообщников Джеймса выстрелил в кассира и тем самым привлек внимание горожан, которые обратили грабителей в бегство. Позже выяснилось, что сейф не был заперт.

Но пока что почтовые мешки свалены в кучу на ферме Лэдерслейд, и будущее представляется гангстерам в самом розовом свете. Остаток ночи они провели, пересчитывая деньги. Часть отложили для взяток и на случай непредвиденных осложнений, а остальное поделили между собой. В общей сложности было взято 2,5 миллиона фунтов стерлингов.

Спустя годы в замечательной книге, описавшей это ограбление (Пирс-Пол Рид, «Грабители поездов», У. Х. Аллен—«Алисон Пресс»—Секер и Варбург, 1978), был приведен рассказ Гуди о том, как он сидел с бутылкой виски в руке и слушал радиопереговоры полицейских по своему ультракоротковолновому приемнику. Он услышал, как один из полицейских говорил своему коллеге: «Ты не поверишь, но только что кто-то угнал поезд».

Члены банды придумали себе алиби и договорились припрятать каждый свою долю и не пользоваться деньгами, пока шумиха не уляжется. После чего они разошлись каждый своей дорогой, переполняемые гордостью за содеянное. Ненадолго...

На ферме остались улики. Отпечатки пальцев, одежда, машины. Но грабители не слишком беспокоились об этом. Они оставили на ферме одного из своих людей, чтобы он вычистил ферму сверху донизу; в случае, если полиция станет обыскивать помещение, и волос не должен быть найден.

Но тот человек нарушил соглашение и ничего не сделал. Идеально организованное преступление обернулось крупнейшим проколом.

Когда полиция нашла их укрытие на ферме, большинство грабителей ушли в подполье. По отпечаткам пальцев детективы выяснили, кто они такие. Из одной только настольной игры судебные эксперты извлекли море информации. Скоро портреты грабителей были расклеены по всей территории Британии.

Прошел год, и большинство из них оказались за решеткой. 30-летние приговоры, вынесенные им за преступление против общества, потрясли разбойников своей суровостью — и даже вызвали некоторое к ним сочувствие со стороны общественности. Гуди, Уэлч, Джеймс, Уисби и Хасси получили по 30 лет, но, отсидев по 12, были освобождены. Кордри получил 14 и отсидел 7. Но больше всего неприятностей доставили полиции Рейнолдс, взломщик Эдвардс, Уилсон, Уайт и Биггс.

Используя свой опыт десантника, Уайт скрылся вместе с женой и новорожденным сыном. Его не было три года, но после того как друзья выкрали его деньги и начали его шантажировать, он едва ли уже не желал быть пойманным. Его схватили, когда он работал разнорабочим в Кенте; в 1965 году его приговорили к 18 годам тюрьмы, из которых он отсидел девять.

Рейнолдс и Эдвардс тоже избегли ареста, хотя

*Почтовый поезд у моста Брайдгоу,
место стоянки грузовика*

их имена и физиономии были хорошо известны каждому полицейскому Британии. Почти год они прятались в Лондоне, затем бежали с женами и детьми в Мексико-Сити. Эдвардс даже сделал себе пластическую операцию, чтобы изменить внешность. Но деньги таяли с пугающей быстротой, и жизнь в изгнании начинала становиться невмоготу.

В конце концов оба вернулись в Британию. На исходе 1966 года Эдвардс сдался полиции. Ему дали 15 лет и освободили через девять. Рейнолдса арестовали в Торкуэе, графство Девон, в 1968 году — через пять лет после ограбления. Ноябрьским утром, в 6 часов, главный полицейский суперинтендант из Летучего отряда Томми Батлер постучал в дверь его дома и сказал: «Привет, Брюс, давненько не виделись». Два месяца спустя Рейнолдс предстал перед судом и был приговорен к 25 годам лишения свободы. Он вышел из тюрьмы в 1978 году.

Ни одному из железнодорожных грабителей жизнь в тюрьме не показалась медом. После двух сенсационных побегов их держали под усиленной охраной. Уилсон вместе со всей остальной бандой был в 1964 году приговорен к 30 годам. Отсидев год в тюрьме Уинсон-Грин в Бирмингеме, он бежал, воспользовавшись помощью извне, и присоединился к Рейнолдсу и Эдвардсу в Мексико-Сити. Однако, так же, как и его друзьям, ему наскучило это место, и он поселился с женой и тремя дочерьми под вымышленным именем в Канаде, в пригороде Монреала. Но рано утром 25 января 1968 года главный полицейский суперинтендант Томми Батлер оказался и у его дверей. Позади него и вокруг дома было 50 человек королевской конной полиции. Уилсона на самолете отправили обратно в Британию досиживать 30-летний срок. Его тоже освободили в 1978 году.

Если не считать нескольких членов банды, которых так никогда и не поймали, после ареста Уилсона и Рейнолдса и сдачи Эдвардса в списке разыскиваемых полицией оставался один человек — Биггс, мелкий жулик, которого это преступление века привлекло своими заманчивыми перспективами; его вместе с Гуди и прочими приговорили к 30 годам. В июле 1965 года Биггс оказался на свободе — его выдернула вооруженная банда, вломившаяся в Уэндвортскую тюрьму в Лондоне. С женой и детьми он бежал в Австралию. Но когда полиция снова вышла на его след, он, оставив семью в Мельбурне, перебрался в Бразилию.

В начале 1974 года некий репортер лондонской газеты выследил Биггса и собирался написать его историю. Руководство газеты без ведома этого журналиста намекнуло Скотленд-Ярду о сенсации, которую они собираются скоро опубликовать. В результате 1 февраля 1974 года главный полицейский суперинтендант Джек Слиппер в сопровождении еще одного офицера полиции прибыл в Рио-де-Жанейро, чтобы арестовать Биггса.

Этот бывший офицер отряда по борьбе с железнодорожными ограблениями скоро получил от британской прессы новый титул — Главный суперинтендант по проколам. Дело в том, что у Бразилии с Британией не было договора о взаимной выдаче преступников, и бразильская полиция отказалась выдать Биггса. Скоро юная бразильская подружка Биггса объявила, что она беременна. Отец бразильского ребенка не подлежит депортации. После своего получившего широкую огласку провала Слиппер с пустыми руками вернулся домой. Таким образом последний — по счету, но и, пожалуй, по значению — из участников Большого железнодорожного ограбления — остался на свободе.

Полиция Венесуэлы выписала ордер на арест известного преступника. К несчастью для полиции, его дом был выстроен прямо на границе Венесуэлы с Колумбией. Когда его пришли арестовывать, он заперся в спальне и позвонил своему адвокату. Спальня находилась на территории Колумбии, а то, в чем его обвиняли, в этой стране наказанию не подлежало. Венесуэльская полиция осталась ни с чем.

Короли среди поддельщиков

Работая под «старых мастеров», они обманывали торговцев и даже музеи

Уверенной походкой Дэвид Стайн вошел в известный нью-йоркский магазин, торгующий произведениями искусства, с тремя акварелями под мышкой.

Хозяин, отступив на шаг, залюбовался ими. Он

внимательно изучил сертификаты подлинности; подписи под ними произвели на него большое впечатление: Марк Шагал. Последовали недолгие переговоры на предмет денег, и чек на десять тысяч долларов перешел из рук в руки.

Оба были довольны: хозяин — потому, что купил картины так дешево, Стайн — потому, что сбыв еще три подделки.

Эти три Шагала еще семь часов назад просто не существовали. В шесть утра Стайн проснулся в своей нью-йоркской квартире и вспомнил, что в час дня у него назначена встреча с торговцем произведениями искусства. Так что он решил быстренько что-нибудь сварганить.

Холодным чаем он состарил три листа бумаги. Потом, придумав подходящие сюжеты, он, ни разу не прервавшись, написал картины. Затем он срочно сдал их в багетную мастерскую и, ожидая пока их обрамят, написал три сертификата подлинности. После чего благополучно встретился с торговцем.

В те дни Шагал был в моде у поддельщиков, но с таким же успехом это мог быть любой другой — от Ренуара до Гогена. Стайн мог изобразить кого угодно. Именно на этом он и погорел.

«Мне надо было работать только с умершими», — жаловался Стайн впоследствии. В то время когда он продал подделки, Шагал был в Нью-Йорке. Он прибыл туда, чтобы посмотреть на три свои огромные панно, вывешенные в театре Метрополитен-Опера. Наш торговец виделся с ним и захватил три акварели, чтобы показать старому мастеру. Едва взглянув на них, Шагал воскликнул: «Дьявольщина!»

Тем же вечером за Стайном явилась полиция. «Они пришли к передней двери, а я ушел через заднюю со стаканом виски в руке», — рассказывал он. Стайн бежал в Калифорнию, где и был арестован и решил во всем сознаться.

Так закончилось царствование Стайна, короля поддельщиков. Обходительный, утонченный, светский человек 31 года от роду, он провел 16 месяцев в нью-йоркской тюрьме, будучи признан виновным в 97 случаях подделок и крупных хищений. Сидя за решеткой, он помог полиции сформировать подразделение борьбы с подделками произведений искусства.

Выйдя из тюрьмы в 1968 году, Стайн, у которого были британское и французское гражданства, решил забросить свои рискованные предприятия. Он распрощался со своими тремя американскими галереями, с нью-йоркской квартирой, со своим искусством, приносящим ему до полумиллиона долларов в год, и отправился в Европу. Он не знал, что там его ожидают новые обвинения; его приговорили к двум с половиной годам французской тюрьмы.

Ко времени своего второго освобождения Стайн стал знаменитостью в мире искусства. Его поддельные «старые мастера» стали пользоваться большим спросом. Но он решил писать и продавать картины в своем собственном стиле. Это был немедленный успех. Он открыл собственный бизнес и купил дома в Париже и Лондоне.

Стайн сохранил в себе глубокую неприязнь к претенциозным шарлатанам мира искусства — тем, кого он считал истинными фальсификаторами.

«Человек, купивший картину и выяснивший, что это подделка, приходит в ярость, потому что он обнаружил собственное невежество, — сказал Стайн. — Двести или триста моих работ по-прежнему находятся в обращении как подлинники. Я нахожу их в каталогах, в магазинах, даже в музеях. В мире искусства очень много обмана».

Какая часть из выставленного в музеях и галереях — подделки и какая часть — подлинники, об этом мы, вероятно, никогда не узнаем. Поддель-

щики зачастую слишком хитроумны даже для опытных экспертов.

Кливлендскому музею изобразительных искусств в Америке пришлось убрать из экспозиции один из ценнейших своих экспонатов — деревянную скульптуру «Мадонна с младенцем», считавшуюся итальянской работой 13-го века. На самом деле ее вырезал в 1920 году итальянский реставратор Альеко Доссена. Подделка раскрылась только в 1928 году, когда рентгеновское исследование обнаружило в глубине древесины современные гвозди.

Музей убрал «Мадонну с младенцем» в подвал и стал искать, чем ее заменить. Три недели спустя он приобрел за 120 000 долларов мраморную статую Афины — тоже подделку Доссены.

В 1918 году Метрополитен-музей в Нью-Йорке заплатил 40 000 долларов за двухметровую статую этрусского воина, которая, как полагали, пролежала в земле с доримских времен. У воина была отломана одна рука и большой палец другой.

В 1960 году Альфредо Фьораванти признался музею, что он был в числе тех, кто пятьдесят лет назад сфабриковал эту статую. В доказательство он предъявил отломанный большой палец, который в точности подошел к надлому.

В 1975 году тот же музей вынужден был убрать из экспозиции прекрасного греческого коня, оказавшегося подделкой. Это был один из популярнейших экспонатов музея.

В числе наиболее известных поддельщиков нашего века — пьяница-датчанин Ганс ван Меегерен. Его похождения стали известны миру после Второй мировой войны, когда его судили за сотрудничество с нацистами. Он продал Герману Герингу за 150 000 долларов изысканнейшую картину якобы голландского мастера Вермеера.

Отвечая на обвинения в коллаборационизме, ван Меегерен оправдывался тем, что всучил Ге-

рингу ван Меегерена вместо Вермеера. Это была одна из десятков подделок, которые он продал по всему миру за огромные суммы.

Сначала судья ему не поверил, но потом дал возможность доказать свое утверждение. Ван Меегерена заперли под охраной в его амстердамской мастерской и велели написать еще одного Вермеера, который мог бы ввести экспертов в заблуждение. Он написал и был освобожден.

Но великий поддельщик не долго оставался на свободе. Все новые и новые ван Меегерены выплывали на свет, и его снова привлекли к суду — на этот раз за мошенничество. Он был приговорен к 12 месяцам тюрьмы, но умер, не досидев срока.

Говорят, что даже великий Микеланджело как-то раз в многотрудной своей молодости, сильно нуждаясь в деньгах, продал римскому кардиналу статую Амура, которую он предварительно поморил и закопал в землю, чтобы она выглядела как антиквариат.

Самым, может быть, плодовитым поддельщиком скульптуры был Джованни Бастианини, который до самой своей смерти в 1868 году десятками поставлял торговцу терракотовые бюсты по контракту. Эти работы флорентийского обманщика считались идеальными образцами искусства Ренессанса и выставлялись в музеях всего мира. Две из них до сих пор хранятся в музее Виктории и Альберта в Лондоне.

В 1977 году прекрасная деревянная скульптура коленопреклоненного оленя составляла гордость антикварного отдела в лондонском универсальном магазине «Харродс». Считалось, что она происходит из французского шато и датируется приблизительно 1580-м годом. Цена скульптуры составляла 9800 фунтов стерлингов.

И вот однажды в магазин вошел бывший механик, 47-летний Франк Седжвик, увлекавшийся резьбой по дереву, и заявил: «Это моя работа».

То, что считалось прекрасным образцом искусства XVI века, было сработано Седжвиком за две недели. Он вырезал скульптуру пятью годами раньше в своем доме в деревне Петам в Кенте и продал за 165 фунтов. Она несколько раз переходила из рук в руки, причем ее возраст и цена каждый раз возрастали — пока магазин «Харродс» не принял ее на комиссию. После посещения Седжвика ее сняли с продажи.

Знаменитый фальсификатор Клиффорд Ирвинг (о нем мы еще расскажем), американский автор, осужденный за подложную биографию Говарда Хьюза, как-то написал еще одну биографию под названием «Обман». Это книга о похождениях Эльмира де Гори, венгра без гражданства, чьи картины висели в десятках галерей всего мира.

В книге рассказывается, что картины де Гори были среди подделок, проданных за миллионы долларов одному тexasскому миллионеру. Разразившийся скандал принес де Гори известность; при этом он твердо заявил, что никогда не пытался выдавать свои работы за чьи-либо еще — иными словами, он никогда не ставил знаменитую подпись под своими картинами, даже если они в точности копировали манеру письма знаменитого автора.

В 1974 году 60-летнего де Гори взяли из его дома на острове Ибиза и поместили в тюрьму на Майорке. Но формального обвинения ему предъявить не смогли, и он вышел на свободу через четыре месяца.

Служащие железнодорожной станции Вулвергемптон подобрали с платформы записку, выброшенную из окна проходящего поезда. На ней значилось: «М-р Рассел, Вейл-Роуд, 32, Блоксуич, графство Стаффордшир, оставил на плите чайник. Просьба известить полицию». Полицию известили, и она добросовестно прибыла в дом номер 32, где и обнаружила на плите чайник. Газ, однако, не был включен.

Как и многие другие люди, обладающие таким же талантом, он никогда не скрывал презрения к международным экспертам, которые больше поднаторели в изяшных словесах, чем в изящном искусстве. Он утверждал, что может написать портрет за 45 минут, нарисовать Модильяни за 10 и немедленно вслед за тем произвести на свет Матисса.

«Продавцы, эксперты и критики негодуют, — говорил он, — потому что они не хотят, чтобы видели, как легко их одурачить. Я запятнал безупречный образ, на который они опираются, чтобы зарабатывать себе состояние».

Даже самых стреляных экспертов самого знаменитого художественного музея в мире, парижского Лувра, провели на дорогостоящей мякине. Крупнейшая в истории музея оплошность обнаружилась в 1903 году, когда парижский художник заявил, что это он является создателем одного из ценнейших владений музея, — Сэтафернской тиары, изумительно тонкой работы золотого головного убора.

Его претензии не соответствовали действительности. То есть, тиара была подделкой. Но изготовил ее не парижский художник, а российский золотых дел мастер Израиль Рухомовский — и он не захотел, чтобы плодами его трудов воспользовался самозванец. Рухомовский отправился в Париж, чтобы восстановить справедливость. Администрация Лувра продолжала отрицать, что тиара поддельная, и тогда Рухомовский предъявил эскизы, разработанные им восемь лет тому назад, — и, как бы в доказательство своей правоты, приступил к новой тиаре, столь же тонкой работы, как и луврская.

В том же Лувре сегодня висит самая, может быть, знаменитая и всеми любимая картина в мире. И одна из наиболее часто копируемых. Это

«Мона Лиза». В 1911 году эту улыбающуюся даму украли. Три вора, одетые как музейные рабочие, безбидно вошли в галерею перед самым закрытием и спрятались в подвале. На следующий день Лувр был закрыт на уборку. Рабочие забрели в зал, где висела картина, сняли ее со стены и просто вышли из галереи, захватив картину с собой, как есть, в раме.

Из этой троицы только один раньше занимался такого рода деятельностью. Это был Винченцо Перуджа, итальянский грабитель. Двое других — это поддельщики живописи Ив Шодрон и Эдуардо де Вальфиерно, ранее совершенствовавшиеся в своем искусстве в Южной Америке. Там они обычно находили какого-нибудь нечистого на руку дельца от искусства или коллекционера и обещали доставить ему за хорошую цену какую-нибудь конкретную работу из галереи. Затем они являлись в эту галерею, представлялись экспертами по живописи и получали картину для исследований. Далее они изготавливали точную копию картины, прикрепляли ее сзади к полотну оригинала и приглашали независимых экспертов и своего потенциального покупателя в галерею, чтобы установить подлинность, после чего тот оставлял свой секретный знак на задней стороне полотна. Позже они отделяли подделку от оригинала и доставляли ее клиенту. На оборотной стороне покупатель, естественно, обнаруживал оставленный им знак — доказательство того, что он приобретает подлинное произведение искусства.

В 1928 году президент Либерии Чарлз Кинг выставил свою кандидатуру на переизбрание. Официальные результаты выборов дали ему большинство в 600 000 голосов. Соперник Кинга, Томас Фолкнер, заявил, что выборы были подтасованы. Его попросили обосновать свое обвинение, и он объяснил, что очень трудно получить большинство в 600 000 голосов при электорате численностью менее 15 000 человек.

Во всех подобных случаях музейные эксперты ни о чем не подозревали — ведь у них оставался оригинал, а покупатель, если он обнаруживал, что его обманули, вряд ли мог пожаловаться в полицию.

Шодрон и Вальфиерно перенесли свои операции во всемирную столицу искусств — Париж. Там они сделали новый шаг в своем мошенничестве. Они печатали поддельные страницы газет с репортажами о кражах ценных картин. Затем они показывали эти вырезки легковерным коллекционерам и продавали им подделки украденных работ.

Наконец обманщики решили, что они созрели для своего крупнейшего трюка. Они подделают портрет Моны Лизы. Но сделают это так, чтобы покупатели никогда не столкнулись с подлинником и не поняли, что их провели. Для этого они украдут «Мону Лизу».

Они пригласили в свою шайку Перуджу и всего за несколько месяцев после своей умопомрачительной кражи написали и продали легковерным американцам шесть подделок — по 300 000 долларов каждая.

Шодрон и Вальфиерно все это время прятали бесценный подлинник. Собирались ли они уничтожить его, продать или даже вернуть на место — этого мы никогда не узнаем. Кончилось тем, что их сообщник Перуджа украл у них картину и бежал в Италию, где неудачно пытался ее продать.

Шайку раскрыли, и «Мона Лиза» была возвращена в Лувр, где, окруженная усиленной охраной и электронной сигнализацией, помещенная под толстое стекло, она висит и поныне.

Пастор Эдгар Додсон из города Кемден, штат Арканзас, избрал темой своей проповеди заповедь «Не укради». Пока он проповедовал, у него угнали машину.

Сфабрикованный Говард Хьюз

Издатели заплатили целое состояние за автобиографию, которой не было

«Слушай-ка! Какая мне пришла в голову безумная идея!» Эти слова произнес литератор Клиффорд Ирвинг по пути в бар близ своего дома на средиземноморском острове Ибиза. Сидя за рулем своей потрепанной машины, взбудораженный Ирвинг поведал другу Ричарду Сасскинду свой замысел — издать «бомбу» целого десятилетия — автобиографию самого богатого чудака в мире, легендарного Говарда Хьюза.

Если бы только удалось заставить Хьюза поговорить, пусть как угодно кратко, — и они бы достигли того, о чем никто в мире не смел и мечтать, и к тому же сделались бы богаты и знамениты сами.

Но поговорить с мультимиллионером им не удалось. И «бомба», которую заложил Ирвинг, оказалась совсем не издательской «бомбой» целого десятилетия: она оказалась издательской фальшивкой века.

Раз уж Хьюз не стал говорить с ним, Ирвинг сделал лучшее, что он мог придумать. Он сам написал автобиографию Хьюза, большую часть просто сочинив, частично же использовав опубликованные материалы.

Ирвингом двигала простая логика. Хьюз был стареющий, больной человек, вероятно, не пренебрегающий наркотиками и, самое главное, фанатичный отшельник, не подпускающий к себе никого, кроме небольшой команды телохранителей-мормонов, которые ухаживают за ним и сопровождают его в беспрестанных переездах по всему миру из одного отеля в другой, где он прячется от посторонних глаз. Если бы Хьюзу вздумалось оспаривать что-либо написанное о нем, ему при-

шло бы явиться в суд. А ради этого Хьюз ни за что не нарушил бы своего многолетнего отшельнического существования.

Итак, что могло бы остановить Ирвинга в написании своей собственной автобиографии Хьюза с включением цитат самого мультимиллионера, чтобы потом продать ее за большие деньги?

Ирвинг был романтической натурой, его воображение всегда превалировало над соображениями нравственности. Он родился в Нью-Йорке в 1930 году, учился в колледже искусств, где проявил известный талант — и этот талант спустя годы послужил ему в его роли поддельщика. В 1951 году он окончил Корнельский университет и объявил, что отправляется посмотреть мир. Неисправимый искатель приключений, он плавал по Атлантике, жил с битниками в Калифорнии, с бродягами в Кашмире и наконец, осев на фешенебельном испанском острове Ибиза с тоненькой женой-блондинкой Эдитой, занялся литературой.

Издателем книг Ирвинга была нью-йоркская фирма «Макгроу-Хилл». Издатели относились к нему хорошо: они выдавали ему аванс, когда ему не хватало денег, помогали, когда работа не шла. К ним-то и обратился Ирвинг со своей «бомбой».

Ирвинг написал издателем, что он послал Хьюзу на отзыв экземпляр одной из своих ранних книг. Отшельник ответил — и тогда Ирвинг предложил ему стать закулисным автором его автобиографии. К удивлению, Хьюз согласился. Не заинтересуется ли «Макгроу-Хилл»?

«Макгроу-Хилл», несомненно, заинтересовалась, и сделка совершилась. Хьюзу заплатят за серию записанных на магнитофон интервью. Кроме того, изрядный аванс получит Ирвинг.

Все вместе — деньги для Хьюза, аванс и накладные расходы для Ирвинга — складывалось в сумму 1,5 миллиона долларов. И все это пошло в карман автора и было промотано Ирвингом и его другом Сасскингом в расточительных путешествиях и пирушках в Европе, в Карибском море и в Центральной Америке. Всякий раз, отправляясь в путь, Ирвинг заявлял, что организывает тайную встречу с Хьюзом и его помощниками. На самом деле он останавливался в шикарнейших отелях, роскошно питался, ужинал с прекраснейшими женщинами и тратил деньги так, как будто их завтра отменяют.

Несколько месяцев он обманывал бдительность «Макгроу-Хилл», указывая на несчастную страсть Хьюза к секретности. И все это время он хитро подпитывал интерес издателей, посылая им куски рукописи, письма якобы за подписью Хьюза и сенсационные подробности из частной жизни знаменитого отшельника.

В рукописи содержалась обыкновенная ложь — якобы перепечатанные с магнитофонных записей разговоры Ирвинга с Хьюзом. Но в эту явную ложь была искусно вплетена полуправда и всяческие слухи, взятые из газетных вырезок.

Письма за подписью Хьюза были написаны самим Ирвингом. Но подделки были столь искусны, что, когда сотрудники «Макгроу-Хилл» показали их ведущему нью-йоркскому эксперту-почерковеду, тот подтвердил, что это рука Хьюза.

Полин Дженкинз испытала огромное потрясение, когда в первую брачную ночь обнаружила, что ее муж — женщина. «Я стала кричать, что немедленно уйду, — рассказывает она, — но вместо этого спустилась вниз и заварила чай».

— «Ньюс оф де Уорлд»

Единственным фактическим элементом в этом замечательном сочинении были подробности из частной жизни отшельника. Но эти дотоле неопубликованные откровения исходили не из уст Хьюза и даже не из собственных находок Ирвинга. Они были украдены из мемуаров Ноя Дитриха, бывшего помощника Хьюза. Ирвинг тайно одолжил у Дитриха эти мемуары, которые тот планировал сам издать в виде книги, и выдоил из них самые интересные эпизоды.

Из того, что представляли издателям Ирвинг и Сасскинд, вырисовывался весьма драматический портрет Хьюза. Если верить Ирвингу, отшельник являл собой гораздо более блистательную личность, нежели то, каким он представал всеобщему взору в последние годы. Например, Хьюз, согласно Ирвингу, во время Второй мировой войны вылетал из Британии с какими-то секретными миссиями, поддерживал многолетнюю тесную дружбу с Эрнестом Хемингуэем, делил с ним его приключения и воспоминания и, даже в годы безвестности, ездил по солнечным курортам всего мира, развлекаясь и играя. Полная чушь, разумеется, но именно такой материал способствует тому, чтобы книга хорошо расходилась. Фирма «Макгроу-Хилл» едва сдерживала нетерпение.

Деньги от издательства продолжали втекать в карманы Ирвинга. Чеки, выписанные на имя Хьюза, депозитировались в швейцарском банке, откуда деньги очень быстро выкачивались. Счет на имя Г. Р. Хьюза был на самом деле открыт Эдитой Ирвинг по паспорту, сфабрикованному для нее Клиффордом.

И вдруг в 1971 году золотая жила истошилась. По совершенно феноменальному совпадению кто-то еще надумал такую же штуку, что и Ирвинг, и конкурирующее издательство объявило о готовящейся к выходу в свет официальной автобиографии Хьюза.

Паника воцарилась в «Макгроу-Хилл», а также в корпорации «Тайм-Лайф», которая заплатила большие деньги за право издания журнального варианта книги. Ирвинг постарался замести следы и представил новое поддельное письмо от Хьюза, требующее дополнительных денег за последние записи и объявляющее конкурирующую книгу подделкой. Издательство «Макгроу-Хилл» снова попало на удочку ирвинговых хитрых уверений в своей честности — но теперь издательству пришлось впервые объявить о существовании собственной автобиографии Хьюза.

Процесс пошел. Организация Хьюза устроила пресс-конференцию, на которой журналисты, многие годы следившие за историей добровольного изгнания миллиардера, имели возможность обратиться к самому Хьюзу по прямому телефону. В то же самое время швейцарский банк занялся расследованием деятельности Эдиты Ирвинг, она же Хельга Хьюз, снявшей так много денег со счета Хьюза в Цюрихе.

Ирвинг держался до последнего. Его заверения и отрицания предстали в своем истинном свете, когда датская красавица певица Нина, когда-то знаменитая своим участием в супружеском дуэте народной песни Нина и Фредерик, рассказала о том, что в то время когда Ирвинг, по его уверениям, встречался с Хьюзом, он на самом деле проводил время с нею.

Ирвинг во всем сознался. Сасскинд, помогавший ему в этой крупнейшей литературной фальсификации, получил шесть месяцев тюрьмы в Нью-Йорке. Ирвингу присудили штраф в 4000 фунтов стерлингов и 2,5 года тюрьмы, его жене — такой же штраф и два года.

До самого конца Клиффорд Ирвинг играл свою романтическую, мелодраматическую роль. Услышав приговор Эдите, он начал всхлипывать: «Это я вверг жену в аферу. Она так страдала! Я слы-

шал, как она рыдала ночи напролет». Скоро он начал замышлять новый прибыльный проект — книгу о его суперфальсификации, принесшей ему 1,5 миллиона долларов.

Ну а что же тот человек, чьи сказочные богатства вызвали к жизни все эти алчные мечтания? Хьюз умер в самолете на пути из Мексики в Техас в 1976 году. История его загадочной жизни до сих пор не написана.

Фабричный рабочий из Бриджуотера, графство Сомерсет, который с трехлетнего возраста был глух на одно ухо, сменив врача, неожиданно исцелился. Когда новый врач обследовал его, из его уха выскочила пробка. Он сказал: «Я, должно быть, вставил ее в ухо, когда был маленький».

Человек, которого не смогли повесить

Черeda промахов позволила Джону Ли обмануть палача и мирно прожить остаток жизни. Он вошел в историю как человек, которого не смогли повесить. Три раза стоял убийца Ли на вновь выстроенном эшафоте в тюрьме графства Эксетер 23 февраля 1885 года, и три раза люк не открывался. Каждый раз 19-летнего Ли отводили обратно в камеру, механики обследовали люк, палач тянул за рычаг — и каждый раз, пока Ли не было на эшафоте, механизм безукоризненно срабатывал.

Смертную казнь заменили пожизненным заключением. Через 22 года его выпустили, и он позже эмигрировал в Америку, где и скончался.

Потрясающее везение Джона Ли объясняют тем, что когда заключенные помогали строить

эшафот, они прибили к нижней стороне настила деформированную доску. Она располагалась под тем местом, где стоял капеллан, когда приговоренный стоял на эшафоте. Своим весом капеллан прижимал доску так, что ее конец поддевал край люка, не давая ему открываться.

Ошибка механиков заключалась в том, что каждый раз, инспектируя люк, они упустили из виду поставить кого-нибудь на то место, где обычно стоит капеллан, — над деформированной доской.

«Мышка» в 32 миллиона фунтов стерлингов

Скромный клерк проиграл активы гигантского банка

Мало кто из мира больших финансов слышал о Марке Коломбо. Да и с чего бы? Одно из 59 000 имен в платежной ведомости «Ллойд-банка», скромный служащий отдела иностранной валюты в тихой швейцарской заводи Лугано.

Но в сентябре 1974 года имя Коломбо облетело газеты всего мира, да так, что крутолобые финансовые эксперты так и остались стоять с открытыми ртами. Международный департамент «Ллойд-банка» объявил, что известные отклонения от нормы в самом мелком из его 170 заграничных отделений — в Лугано — вынудили его отстранить от работы Коломбо и управляющего отделением Эджидио Момбелли и обошлись банку в ошеломляющую сумму — 32 миллиона фунтов стерлингов.

Это был крупнейший убыток, когда-либо понесенный банком в Швейцарии, и беспрецедентный в истории банковского дела в Британии. Эта новость сбила курс акций «Ллойда» на лондонс-

кой бирже на общую сумму в 20 миллионов фунтов стерлингов и заставила высшее руководство банка крепко задуматься, какой же пробел в правилах позволил такому случиться.

Что же такое удумал симпатичный 28-летний валютчик? И как ему удалось выйти сухим из воды?

Коломбо был маленьким человеком с большими амбициями. Он постоянно наблюдал, как ведущие мировые валюты каждый день изменяются в цене на валютной бирже, предоставляя заманчивые перспективы людям, достаточно расчетливым и достаточно смелым для того, чтобы скупать их за правильную цену и выгодно потом продавать. Он решил урвать куш для своего банка.

В 1973 году, вследствие войны на Среднем Востоке и последовавшим за нею эмбарго на арабскую нефть, в курсах валют по всему миру пошла настоящая свистопляска, и Коломбо был убежден, что доллар непременно подешевеет по сравнению с твердым, стабильным швейцарским франком. И вот в ноябре 1973 года он подключился к международной телефонной сети валютных операций и совершил то, что называется фьючерсной сделкой.

Он заключил контракт на покупку 34 миллионов долларов США за швейцарские франки через три месяца. Если бы к моменту совершения покупки курс доллара упал, как он рассчитывал, то он смог бы откупить свои франки и получить доход. Но курс доллара не упал, а, наоборот, поднялся. Коломбо потерял на этой сделке семь миллионов франков — около одного миллиона фунтов стерлингов. Многовато для клерка с жалованием в 9000 фунтов в год — но, рассудил он, не для банка, только что объявившего 78 миллионов фунтов чистой прибыли за полгода.

Коломбо, проработавший в отделении меньше года, знал, что если он сообщит об убытке своему

боссу Момбелли, то будет наверняка уволен. И он решил удвоить ставку и сыграть, так сказать, ва-банк.

И вот он пустился в удивительный азартный марафон. Без ведома банка «Ллойд» он использовал его имя и деньги для заключения в течение девяти месяцев целого ряда сделок и операций на общую сумму в 4580 миллионов фунтов стерлингов. Сначала он ставил на то, что доллар подешевеет. Он не подешевел. Коломбо стал ставить на то, что доллар подорожает. Он не подорожал.

В большинстве контор существующая система проверок скоро положила бы конец выкрутасам Коломбо. Поскольку большинство валютных сделок заключается по телефону, за ними проследить трудно, и поэтому на имя третьего лица в том же офисе посылается письменное подтверждение. Это позволяет сбалансировать количество различных валют и максимально снизить риск.

Но в Лугано было всего 16 служащих, и никто, включая синьора Момбелли, и подумать не мог, чтобы Коломбо был кем-либо иным, чем прилежным и честным клерком.

И Коломбо продолжал совершать сделки, на которые у него не было разрешения, с банками, с которыми ему не следовало иметь дела. Он беспардонно игнорировал лимит в 700 000 фунтов, установленный штаб-квартирой на ежедневные долги и вклады. Свои рискованные покупки Коломбо не подстраховывал балансирующими их заказами на продажу. Он использовал межбанковские обменные договоренности, чтобы брать кредиты на покрытие убытков. И вместо того, чтобы объявлять о своих операциях в письменных отчетах штаб-квартире и швейцарским властям, Коломбо регистрировал их в своем дневнике.

Такое сумасшествие не могло продолжаться вечно, и в августе 1974 года наступил день расплаты. Некий высокопоставленный служащий

французского банка походя заметил кому-то из «Ллойда» в Лондоне, что Лугано исчерпал свои лимиты. В штаб-квартире «Ллойда» на улице Королевы Виктории забили тревогу. Один телефонный звонок в некий германский банк выявил, что у того тоже имелась масса неутвержденных сделок с Лугано.

Наутро высшее руководство банка тайно отбыло из Лондона. Они неожиданно предстали перед Коломбо, Момбелли и Карлом Сенфтом — руководителем всех трех швейцарских отделений «Ллойда». Они забрали все бумаги, какие только могли найти, и улетели в Лондон, захватив с собой трех швейцарских служащих.

Всю субботу и все воскресенье они работали не покладая рук, распутывая замысловатую и дорогостоящую сеть, сплетенную Коломбо. К своему ужасу, они обнаружили, что он заключил спекулятивные фьючерсные сделки на сумму в 235 миллионов фунтов стерлингов, до сих пор не оплаченные. И он ничем не подстраховал свои азартные ставки. Благодаря ему банк оказался вынужден рисковать суммой, намного превышающей объединенный капитал и резервы всех трех отделений в Швейцарии. При этом в официальных книгах числились сделки на сумму всего лишь в 36 000 фунтов стерлингов.

Получив особое разрешение от управляющего Английским банком, «Ллойд» перевел в Лугано огромные суммы, обещанные Коломбо. Затем директор банка по международному валютному рын-

В одну фирму в штате Луизиана сдали на реставрацию старый матрац. Рабочие уже наполовину выпотрожили его и сожгли старую обивку, когда в оставшейся части вдруг обнаружили 20 000 долларов. Деньги вернули забывчивому владельцу. Оказалось, что другие 6000 долларов они уже сожгли.

ку Роберт Грасс в течение трех недель старался исправить положение — причем тайно, ибо любая утечка информации серьезно затруднила и удорожила бы эту деликатную операцию. Задача была поистине титанической. Когда все книги были приведены в порядок и все долги уплачены, «Ллойд» оказался в убытке в 32 миллиона фунтов.

Объявление, сделанное председателем банка сэром Эриком Фолкнером, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Коломбо с женой скрылся, покинув свою роскошную виллу на склоне холма над озером Лугано. Момбелли тоже ушел в длительный отпуск.

Но год спустя оба предстали перед судом в Лугано по обвинению в преступной халатности, фальсификации документов и нарушении швейцарского банковского законодательства. Коломбо признал себя виновным в превышении установленных для него лимитов сделок и в совершении операций с банками, не входившими в сферу его деятельности. Но получение незаконных комиссионных и преступные намерения он отрицал.

Обвинение сравнивало Коломбо с мышкой, заставившей трепетать слона-«Ллойда», и инкриминировало ему безудержную азартную игру, как у зарвавшегося игрока в казино. Он возражал: «Быть торговцем валютой — рискованное дело само по себе. Это профессия азартного игрока».

Когда Коломбо спросили, как вышло, что убытки росли, как снежный ком, он отвечал: «У меня как у торговца валютой есть своя профессиональная гордость, не позволяющая мне признать поражение. Все это время я был уверен, что сумею отыграться, но чтобы вывести рынок из равновесия, достаточно небольшой непредвиденной случайности. Я оказался узником обстоятельств».

41-летний Момбелли не делал тайны из того, что все это время он по-настоящему не понимал, что происходит. Он подписывал бумаги, не разобравшись в их смысле. Судья отозвался о нем как

о катастрофе, об управляющем банком без мозгов. Но после суда Момбелли заявил: «Это все валютная мафия. К каждому клерку надо приставлять четырех администраторов, чтобы они следили за ним. Они делают такие вещи, которые обычный банковский служащий понять не в состоянии».

К вящему изумлению «Ллойда» в Лондоне, оба остались на свободе. Коломбо получил 18, а Момбелли 6 месяцев условно, и оба были оштрафованы всего на 300 фунтов каждый: судья согласился с тем, что они не набивали собственных карманов.

Похоже, что единственным мотивом Коломбо было самоутверждение. Даже если бы его махинации увенчались успехом, его все равно могли бы уволить за самовольное использование денег, принадлежащих банку. И ведь успех для молодого Коломбо не был просто бесплотной мечтой. Он позже настаивал, что если бы его сделкам позволили дойти до завершения, то в результате новых событий на рынке международных валют «Ллойд» получил бы 11 миллионов фунтов чистой прибыли.

В соответствии со своими обычными привычками неизвестный благотворитель вошел в одну из контор Армии спасения, вручил чек на 500 фунтов стерлингов и ушел, не дожидаясь благодарности.

В этом сезоне наблюдается большое число этих паразитов, и мы считаем полезным дать несколько советов по их уничтожению.

— *«Уэстерн Дейли Пресс»*

Порнуха на марше

Литература откровенно сексуального содержания наполняет книжные лавки Австралии, как, впрочем, и большинства других стран мира. Но в этой стране еще совсем недавно действовала суровая литературная цензура.

Еще на памяти нынешнего поколения полиция устраивала набеги на австралийские магазины и изымала плакаты с изображением классической статуи обнаженного Давида работы Микеланджело. В списке запрещенной литературы одновременно числилось до 5000 наименований, среди которых «Прекрасный новый мир» Олдоса Хаксли, «Прощай, оружие» Эрнеста Хемингуэя и «Молл Фландерс» Даниэля Дефо.

Но однажды стало ясно, что на самом деле являются собой эти мелочные чистки непристойной литературы. Закон забрел прямо в расставленную ему ловушку и предстал в виде осла.

Это случилось в 1944 году, когда цензура свирепствовала с небывалой силой. В тот год особое подозрение полиции вызывал крайне прогрессивный журнал под названием «Энгри пингуинз» («Сердитые пингины»), выходивший в городе Аделаида. В один прекрасный день два его редактора, Макс Харрис и Джон Рид, получили замечательную культурную сенсацию. Она явилась в форме посылки от некоей Этель Молли и содержала массу авангардистской поэзии, написанной ее братом Эрном, умершим в нищете и безвестности в возрасте 25 лет.

На Харриса и Рида эта находка произвела такое впечатление, что они издали специальный выпуск журнала в память австралийского поэта Эрна Молли. Когда книжка вышла в свет, два юных сиднейских поэта надорвали себе животы от хохота. Это они были настоящими авторами стихов, сочиненных путем беспорядочного нанизывания случайных слов и фраз.

Двое шутников намеревались какое-то время сохранять тайну, чтобы вывести на чистую воду знатоков, поспешивших с восхвалением этой беллиберды. Но вмешались внешние обстоятельства. Полиция Южной Австралии конфисковала тираж

и обвинила Харриса, который редактировал стихи, в издании непристойных материалов.

Детектив, который изыал этот том бессмыслицы, представил в суд свою интерпретацию стихотворения о человеке, который ходил ночью с факелом. «Я нахожу непристойность в этом стихотворении, — сказал он. — Я знаю, что когда люди ходят ночами по паркам, они ходят с безнравственными целями. И вообще все это — непристойность».

По поводу другого стихотворения детектив сказал: «Здесь употребляется слово «кровосмесительный». Я не знаю, что оно означает, но я считаю, что это непристойное слово».

Харрис был признан виновным, а детектив поощрен за служебное рвение и компетентность.

Братство страха

Компенсация в 30 000 долларов породила многомиллиарднодолларовую мафию

Никто в точности не знает, откуда взялось это слово. Может быть, оно происходит от слова, означающего дерзновение, запугивание, чванство или шегольство на сицилийском наречии; а может, от арабского «ме-хиа», что значит хвастливый. Но каково бы ни было его происхождение, ныне слово «мафия» означает одно: страх.

Мафия — крупнейшая, самая процветающая в мире преступная организация. Она является си-

нонимом страха не только для своих жертв и невольных клиентов, но и для своих членов.

Мафия как автократическое общество берет свое начало в движении сопротивления в Сицилии 13-го века. В течение веков она процветала как тайное братство, защищавшее сицилианцев от всевозможных захватчиков. И островитяне предпочитали ее извращенную систему правосудия деспотизму иноземцев. К 40-м годам 20-го века мафия стала настолько могущественной, что сумела договориться с итальянской армией и сдать всю Западную Сицилию союзникам без единого выстрела.

Но где хватка мафии наиболее устрашающая, могущественная и коварная, так это в США. И ее ужасное господство в этой стране восходит к двум печальным оплошностям американского правительства, совершенным с самыми благими намерениями и разделенным между собой пятьюдесятью годами.

Первая была допущена в 1890 году в Новом Орлеане, когда 11 иммигрантов-мафиози подверглись суду Линча. Правительство по наивности выплатило вдовам повешенных компенсацию в 30 000 долларов. Криминальное братство захватило эти деньги, чтобы на них организовать свою первую операцию по вымогательству.

Второй оплошностью был сухой закон 1920-х годов. Как по команде, разобщенные мафиозные семейства бросились доставлять американцам подпольный алкоголь, чтобы помочь утопить в нем горести Великой депрессии. К 1933 году, когда сухой закон был отменен, мафия уже простерла свои лапы в другие сферы криминальной деятельности — проституцию, азартные игры, предоставление «крыши». И когда рынок нелегального алкоголя исчез, братство направило свои огромные сбережения в уважаемые с виду предприятия.

Мафиозные семейства управляют с помощью страха — часто страха друг перед другом. Гангстерская война 30-х годов привлекла внимание американцев к масштабу проблемы. Крупнейшая резня случилась в 1931 году: глава верховного мафиозного семейства Сальваторе Маранцано был убит вместе с 40 своими бойцами. Но такие убийства настроили также и самих членов мафии против таких явных демонстраций своей мощи.

Главы мафиозных группировок от Атлантического побережья до Тихоокеанского собрались вместе и образовали Комитет, не слишком тесно связанную группу из дюжины членов, представлявших 24 мафиозных семейства, действовавших в стране. Во главе его всегда стоит «Иль капо ди тутти капи», хозяин над хозяевами, чья задача состоит в том, чтобы удерживать молодых и слишком горячих членов в разумных рамках.

Образ «Иль капо ди тутти капи» получил известное обаяние после выхода книги и фильма «Крестный отец»; прототипом главного героя служил хрупкий старичок Карло Гамбино. Под твердым, но дипломатичным контролем Гамбино мафия процветала. Он не одобрял публичных убийств и удалял из семейств слишком горячие головы. Во время его правления сильно уменьшилось число ритуальных клятвоприношений типа сжигания комков бумаги на ладони новопосвящаемого в то время как он произносит: «Пусть я так сгорю, если выдам секреты семьи».

В 1976 году Карло Гамбино мирно скончался в своей постели в возрасте 73 лет, и новые, менее почитаемые члены братства завязали борьбу за честь стать его преемником. Клятву верности принесли пятьдесят новых членов. Начались убийства, но не в таком масштабе, как во время гангстерской войны 30-х годов.

Американскую полицию и правительственные учреждения обманывало видимое затишье в рядах

мафии в последние годы; с удовлетворением отмечалось, что в 70-х годах более 800 членов мафии попали за решетку; воюющие семейства Чикаго практически вырезали друг друга, в 1974—78 годах погибло 22 человека; в Нью-Йорке мафия потеряла контроль во многих областях криминальной деятельности, и ее хватка по всей стране, видимо, ослабевала.

Но эта победа скорее иллюзорна. Братство до сих пор так могущественно, что только для того, чтобы оградить от мафии 2000 доносчиков, готовых дать показания правительству, приходится тратить внушительные суммы — 20 миллионов долларов в год.

Более того, мафия может себе позволить сдавать полиции и ФБР десяток своих членов ежегодно, потому что на нее работают от трех до пяти тысяч преступников по всей стране. И она может себе позволить списать потерю нескольких группировок, занимающихся проституцией и наркотиками, потому что она владеет 10 000 легальных фирм, приносящих, согласно оценкам, суммарный доход в 12 миллиардов долларов в год. Эта фантастическая сумма в пять раз превышает доход крупнейшей в Америке промышленной корпорации «Экзон».

В сегодняшней Америке люди могут начинать свою жизнь в пеленках производства мафии, слушать рок-музыку, записанную на студии мафии, есть на ужин мясо, поставляемое мафией, ездить на машине, купленной у мафии, проводить отпуск в отеле мафии, купить дом в жилищном комплексе мафии и быть похороненными погребальной конторой мафии.

Но даже 12 миллиардов, получаемых мафией от этих легальных предприятий — цветочки по сравнению с доходами от криминальной деятельности. Журнал «Тайм» провел тщательное и

всестороннее исследование, и по его оценкам, мафия зарабатывает по меньшей мере 48 миллиардов долларов, из них 25 миллиардов укрываются от налогов; по подсчетам журнала, в силу того, что рынок схвачен мафией, средний гражданин вынужден платить практически за все свои покупки на два процента больше.

Такова цена проблемы, от которой наивное правительство хотело откупиться за 30 000 долларов в 1890 году.

Полицейские в Саутсиде, графство Эссекс, бросились к своим патрульным машинам, когда какая-то женщина сообщила по телефону, что видела проходящий мимо пикап, из заднего отделения которого высовывалось человеческое тело.

Через какое-то время полиция обнаружила и остановила автомобиль, из которого торчала пара ног. Их хозяином оказался механик, который старался на ходу, пока владелец вел машину, определить, откуда исходит посторонний стук.

Эй! Хотите купить Эйфелеву башню?

Обманщик продал самую знаменитую достопримечательность Парижа — причем дважды

Если правда то, что каждую минуту на свет рождается дурак, то на каждого дурака, похоже, рождается по обманщику, готовому научить его уму-разуму.

Одними из самых выдающихся во все времена игроков на доверии были граф Виктор Люстиг, австриец, служащий французского министерства общественных работ, и Дэниел Коллинз, мелкий

американский жулик. Вместе они ухитрились продать Эйфелеву башню — да не раз, а два.

Граф начал развивать свой проект с того, что весной 1925 года снял номер в парижском отеле и пригласил туда на совещание пятерых бизнесменов. Когда они прибыли, он взял с них клятву соблюдать секретность и поведал, что Эйфелева башня находится в угрожающем состоянии и подлежит сносу. Он попросил их предложить цену за металлолом, содержащийся в знаменитой достопримечательности. Граф объяснил необходимость проведения совещания именно в отеле и клятву секретности тем, что министерство хочет

избежать возмущения общественности по поводу сноса этого всеми любимого монумента.

В течение недели предложения поступили, и граф отдал предпочтение торговцу металлоломом Андре Пуассону. Сделка совершилась, и на последнем совещании, на котором граф представил своего секретаря Коллинза, был передан из рук в руки банковский перевод.

Вот тут-то трюкачи и провели свой мастерский выпад. Они попросили у Пуассона взятку, чтобы протолкнуть сделку по официальным каналам. Незадачливый предприниматель охотно согласился и заплатил наличными. Если у него раньше и

были какие-нибудь подозрения, то теперь они полностью рассеялись. Ведь если эти двое требуют взятку, то они наверняка из министерства.

Люстиг и Коллинз в 24 часа покинули страну. Но они пробыли за границей ровно столько, сколько нужно было, чтобы убедиться, что никакого ожидаемого ими скандала не произошло. Пуассону было так стыдно, что его провели за нос, что он не заявил в полицию.

Граф и его партнер вернулись в Париж и повторили тот же трюк. Они снова продали Эйфелеву башню другому доверчивому торговцу металлоломом. Но на этот раз обманутый обратился в полицию, и обманщики бежали. Их так никогда и не настигло правосудие, и они так никогда и не раскрыли, сколько денег прикарманили.

Может статься, что Люстига вдохновил на его подвиги шотландец Артур Фергюсон. В 1923 году он на протяжении нескольких месяцев продал разным американским путешественникам три лондонские достопримечательности. За Букингемский дворец он взял в залог 2000 фунтов стерлингов, за Биг Бен — 1000 и за колонну Нельсона — 6000.

В 1925 году он эмигрировал в США. В Вашингтоне он встретил некоего техасского скототорговца, любовавшегося Белым Домом, и, притворившись правительственным агентом, стал плести искусную сеть в том смысле, что администрация ищет способы сэкономить деньги. Не хочет ли техасец арендовать Белый Дом за символическую сумму — 100 000 долларов в год?.. Фергюсон был снова в деле.

Наш шотландец затем переехал в Нью-Йорк и там объяснил туристу из Австралии, что, согласно проекту расширения Нью-Йоркского залива, статую Свободы придется снести и продать. Конечно, для США это огромная потеря, но как великолепно будет выглядеть статуя в Сиднейском заливе!..

Австралиец немедленно принялся собирать 100 000 долларов — сумму, запрошенную Фергюсоном за статую Свободы. Но его банкиры посоветовали ему навести справки, и тогда насторожилась полиция.

Фергюсона арестовали и приговорили к пяти годам тюрьмы. Выйдя на свободу, этот мастер подлога оставил свой бизнес по продаже старых памятников и до самой своей смерти в 1938 году роскошно жил на свои неблагоприобретенные сбережения.

Не все то золото, что блестит

Алчность возобладала над коммерческим здравым смыслом — и выстроилась целая очередь желающих набить деньгами карманы двух германских трюкачей, Франца Таузенда и Гейнриха Кюршалдгена. Шутка сказать — эти двое заявили, что могут производить золото.

Таузенд и Кюршалдген никогда не работали вместе, но пользовались схожими методами, что-

бы выкачивать наличные из кошельков легковерных.

Таузенд был когда-то странствующим лудильщиком; он немного учился химии в Цюрихе. Его уверения в том, что он может производить золото, сплавляя свинец с припоем, были настолько убедительны, что вполне благоразумные бизнесмены и даже аристократы принялись вкладывать деньги в организованное им Химическое исследовательское общество.

Среди первых вкладчиков были влиятельный промышленник Альфред Маннесманн из земли Рейн, он внес в общество 5000 фунтов стерлингов, и знаменитый полководец Первой мировой войны генерал Эрих Людендорфф, который видел в открытии Таузенда путь к выплате германских военных долгов.

Некоторое время Таузенд платил вкладчикам дивиденды, чтобы они не заподозрили, что их водят за нос. Но скоро алчность одолела этого двуличного лудильщика. На собранные им 125 000 фунтов стерлингов он купил два великолепных замка близ Бользано в Италии и обставил их всем самым лучшим, что только можно купить. Его жена, бывшая официантка, даже приобрела титул баронессы.

Слухи о роскошных приемах, устраиваемых в замках, достигли вкладчиков, и они предприняли расследование. Таузенда арестовали и доставили в Германию, где он был приговорен к трем годам и восьми месяцам тюрьмы за мошенничество.

Пока Таузенд роскошествовал в Италии, Кюршалдген тоже наслаждался жизнью, объявив, что может производить золото и даже радий. Кюршалдген никогда не занимался химией после школы, и он полагался только на свое красноречие и внушительное химическое оборудование, с помощью которых он завлекал богачей северной

Германии и не только, заставляя финансировать свою работу.

Для того чтобы убедить твердолобых бизнесменов в том, что он умеет производить золото, мошенник использовал простой метод. Во время демонстрационных сеансов в его лаборатории вкладчики наблюдали, как он смешивает в колбах воду с песком. С помощью электрического тока смесь превращалась в золото. Позже выяснилось, что он добавлял в воду мелкие золотые крупинки.

Считают, что Кюршалдген выкачал из обычных вкладчиков 10 000 фунтов стерлингов. Он облапошил некую британскую организацию, и она платила ему 50 фунтов в месяц, а один американский миллионер предложил 50 000 фунтов за секрет его изобретения.

Но как и Таузенда, Кюршалдгена одолела алчность. Он стал широко жить и проболтался. Его судили в Дюссельдорфе в 1930 году и приговорили к 18 месяцам тюрьмы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Победители и побежденные

Японцы атаковали Перл-Харбор и застали защитников вопиюще плохо подготовленными.

Седьмая кавалерийская бригада США атаковала лагерь Сидящего Быка в Литл-Бигхорне и застала защитников на удивление хорошо подготовленными. История войн изобилует ошибками — ошибками, оплаченными ценой множества напрасно загубленных жизней.

Взлет и падение генерала Кастера

**Тщеславие привело его к гибели
на злополучном последнем рубеже**

Генерал Джордж-Армстронг Кастер был известен среди индейцев как Пахуска, или Длинноволосый, — благодаря своим ниспадающим на плечи соломенного цвета локонам, предмету его особой гордости. Другое его прозвище было — Крепкие Ягодицы, благодаря долгим погоням, которые он выдерживал, сидя в седле. Но главным образом он пользовался известностью среди индейцев североамериканских равнин как жестокий убийца, вырезавший целые племена.

Командир знаменитой 7-й кавалерийской бригады Кастер приобрел свою кровавую репутацию, когда в 1868 году генерал Филипп Шеридан, «ярый медведь» прифронтовых крепостей, поручил ему усмирить равнинных индейцев, которые отказались поселиться в приготовленных для них резервациях. Почему надо было для такой важной задачи выбрать именно Кастера — остается только догадываться. Ведь его воинская карьера была отнюдь не гладкой.

Кастер родился 5 декабря 1839 года в Нью-Рамли, штат Огайо; окончил военную академию в Вест-Пойнте и на волне гражданской войны, где он отличился при преследовании главнокомандующего войсками конфедератов генерала Роберта Ли, был возведен в ранг бригадного генерала в возрасте всего лишь 23 лет.

Успех вскружил ему голову. Кастер сделался честолюбивым, неукротимым искателем славы. Он отрастил до плеч свои светлые волосы и украсил стены своей комнаты собственными изображениями. Но в 1865 году гражданская война закончилась и самолюбию бригадного генерала Кастера был нанесен болезненный укол — ему вернули прежний ранг капитана. Кастер сделался посмешищем в глазах подчиненных, однако всего лишь за год сумел пробиться в чин подполковника.

Тогда-то его едва не погубила собственная самоуверенность. Не оповестив старших офицеров, Кастер решил взять отгул и оставил лагерь, чтобы навестить свою жену Либби. Его привлекли к военному трибуналу, который отстранил его от службы на год без выплаты содержания. Кастер использовал свободное время для того, чтобы в самых героических тонах описать на бумаге свои приключения. При этом у него накопилось немало неоплаченных счетов, часть из которых, следуя потом за ним при его перемещениях из форта в форт, так, похоже, его и не настигла.

Президент Линкольн сказал о генерале Амвросии Бернсайде: «Он один мог вырвать блистательное поражение из зубов победы». В битве при Антьетаме во время гражданской войны в США в 1863 году, он приказал своим войскам перейти реку по узкому мосту. Приходилось идти в колонну по два, и пули конфедератов буквально выкашивали всех подряд. Генерал Бернсайд не принял в расчет, что река в этом месте имела глубину не более одного метра и войска могли беспрепятственно перейти ее вброд.

В 1868 году его восстановили в должности; ему сразу же поручили работу, требовавшую большого такта, дипломатического таланта и дара сострадания. Новоиспеченный генерал Джордж-Армстронг Кастер не обладал ни одним из этих достоинств, и тем не менее он был послан разрешить раз и навсегда проблемы, связанные с равнинными индейцами.

В течение десятилетий жадные до территорий белые люди постепенно оттесняли индейцев, главным образом племен шайен и сиу, все дальше на запад. В 60-х годах 19-го века этот процесс ускорился благодаря тому, что кочевые отряды индейских охотников на буйволов стали причинять властям неудобства, хотя их свобода передвижения была гарантирована соответствующими договорами о землепользовании. Теперь властям понадобились земли, на которых водились буйволы. Было решено, что тех индейцев, которые не осели до сих пор в резервациях, чтобы существовать на жалкие правительственные подачки, надо наконец заставить ходить по струнке.

Кастера сочли человеком, способным донести до индейцев эту глубокую мысль:

Осенью 1868 года миролюбивый старый вождь южных шайенов по имени Черный Котел стал со своим племенем на зимнюю стоянку на берегу реки Уашита, примерно в 150 километрах от ближайшего военного передового поста, форта Кобб. Он попросил, чтобы двумстам семьям из его ветви племени шайенов разрешили перезимовать под защитой форта, но ему отказали. Генерал Уильям Хейзен, командир форта, велел Черному Котлу и сопровождавшей его делегации вернуться на реку Уашита, где им было позволено оставаться, пока не сойдет снег.

И даже это разрешение оказалось пустым обещанием. Уже в декабре 1868 года Кастеру поручили примерно покарать народ Черного Котла в назидание другим. В предрассветном тумане Па-

хуска-Длинноволосый приказал своим людям окружить стоянку Черного Котла. Когда солдаты появились из мглы, Черный Котел уже сидел в седле, готовый в одиночку выехать на переговоры с ними. Он не знал, что задачей Кастера было, проследовав к реке Уашита, месту стоянки враждебных племен, уничтожить их поселения и всех их пони, расстрелять или повесить всех воинов и взять в плен всех женщин и детей.

Едва успел Черный Котел выехать из лагеря, как кавалерия пошла в атаку. Согласно индейской легенде, он поднял руку в миролюбивом жесте, чтобы остановить надвигающихся солдат, и тут же был застрелен наповал. Началась настоящая резня под руководством Кастера. Несмотря на приказ уничтожить только воинов, казнили всех без разбора. Из более ста расстрелянных шайенов только десять процентов были воины. Остальные — старики, женщины и дети. Чтобы уцелевшие не могли скрыться, перебили несколько сот пони. В плен взяли 50 женщин и детей.

По мере того как Кастер в последующие за тем месяцы совершал все новые безжалостные набеги на прочие местные племена, страх и ненависть к нему разрастались.

Вот что такое был этот Кастер, человек, назначенный Вашингтоном для того, чтобы сделать Запад безопасным для цивилизованных христиан, человек, который путем убийства и обмана заставлял сдаваться одного за другим вождям индейских племен — пока не встретил достойного противника в лице Сидящего Быка.

Тотанка Йотанка, или Сидящий Бык, был вождем хункпапа, самой воинственной и независимой ветви племени сиу. Сиу — это Северная Дакота, и именно в этом штате и в граничащей с ним Монтане суждено было Кастеру убедиться в том, что он отнюдь не неуязвим.

В 1868 году Черные Горы штата Северная Да-

кота были навечно предоставлены жившим там индейцам. Во многих племенах эти холмы, Паха Сапа, считались священными горами, центром мира духов. Договор 1868 года устраивал белого человека, потому что эти холмы были ему не нужны. Но уже шесть лет спустя он его больше не устраивал, потому что Кастер, возглавлявший туда экспедицию, докладывал: «Это — золотое дно». Про договор немедленно забыли, и Кастер пробил в Черные Горы тропу, чтобы открыть их богатства. Индейцы называли ее Разбойничьей тропой.

Вашингтон выслал комиссию для переговоров с сиу, арапаго и шайенами, заявлявшими свои права на Черные Горы. Племена не соглашались продать священную землю или поменять ее на другие территории. Сидящий Бык ответил членам комиссии: «Мы не продадим ни пяди нашей земли, ни даже щепотки пыли с нее. Черные Горы — наши. Мы не хотим здесь белых людей. Если белый человек попытается отнять у нас горы, мы будем сражаться».

Потерпев неудачу в попытках заполучить драгоценные холмы справедливыми методами, белый человек прибег к грязным. Военный департамент издал ультиматум, что с февраля 1876 года индейцы, которые находятся вне официально отведенных для них резерваций, будут рассматриваться как вражеские группировки и против них будет применена военная сила. Сидящий Бык получил этот ультиматум всего за три недели до истечения его срока; он выразил протест, мотивируя тем, что его племя не может и думать о переносе лагеря в разгар зимы. Седьмого февраля генерал Шеридан, тот самый, кто когда-то сказал, что хороший индеец — это мертвый индеец, получил приказ наступать. И для нанесения решающего удара по наиболее могущественному противнику, Сидящему Быку, он избрал своим верным палачом Кастера.

Миссис Мэри Уилсон принимала друзей на Даунинг-стрит, 10, в то время как ее супруг Гарольд, тогдашний премьер-министр Великобритании, работал на втором этаже. Разговор коснулся богословия, и один из гостей сказал: «К счастью, там наверху есть тот, кто знает ответы на все вопросы».

«Да, — сказала миссис Уилсон, не уловившая смысла замечания, — Гарольд сейчас спустится».

За первые несколько месяцев 1876 года подвижные отряды конницы оттеснили миролюбивые индейские племена из бассейна рек Пайдер и Тонг близ границы Монтаны с Вайомингом. Уцелевшие группы сражающихся индейцев во главе с Сидящим Быком собрались в гордый, хотя и оборванный, без запасов теплой одежды, отряд в Долине невытопанной травы, Литл-Бигхорн-Валли. Их вигвамы были сожжены, лошади перебиты.

По мере выявления подлинных намерений армии, все больше индейцев вне лагеря Сидящего Быка оказывались в изоляции и ощущали угрозу своей жизни. Члены племен, прежде предпочитавших оставаться в стороне, теперь присоединялись к Сидящему Быку. Даже те из них, кто давно уже подчинился необходимости жить в резервациях, тысячами бежали из них и стекались в долину Литтл-Бигхорн.

Вот что рассказывал разведчик из числа белых людей Льюис Дьюитт: «Сидящий Бык обладал огромной властью над сиу. Он знал, как управлять ими. Он много раз повторял им, что не рожден быть индейцем резервации. Великий Дух даровал ему свободу передвигаться, куда он захочет, охотиться на буйволов и быть вождем своего племени».

К июню 1876 года в долине собрались, кроме собственного племени Сидящего Быка, хункпапов, также ветвь оглалов во главе с его союзником

Диким Конем, черноногие сиу, арапаго, безбровые, брули, миннеконжи и шайены; целый лес вигвамов и палаток тянулся вдоль западного берега реки Литл-Бигхорн на четыре с половиной километра. Из более чем 10 000 собравшихся индейцев три-четыре тысячи были воинами.

Все понимали, что приближается большое сражение. Для сиу это был последний шанс удержать земли своих предков и своих богов. И они устроили танец солнца.

Это был самый великий праздник в истории сиу. Молодые травы были пышными и мягкими, буйволов было во множестве — и индейцы набивали себе животы, плясали и куражились. У Сидящего Быка, чье тело и так пестрело шрамами от предыдущих танцев солнца, на этот раз отрезали по 50 кусочков плоти с каждой руки. После этого он плясал целый день, не останавливаясь, вокруг священного столба, не отрывая глаз от солнца. Стемнело, а он все танцевал; танцевал всю ночь и с наступлением нового дня. Через 18 часов он потерял сознание. Придя в себя, он сообщил своему племени, что ему было чудесное видение. Он видел белых солдат, падавших, как кузнечики, в его лагере, и слышал голос: «Я даю тебе этих, потому что у них нет ушей».

Сомнений в победе не оставалось!

Кастер тоже имел видение — видение своей собственной славы. В то время как сиу исполняли танец солнца, он двигался к долине Литл-Бигхорн из форта Авраама Линкольна, далеко к востоку, в Северной Дакоте. Каждый вечер он посылал самовосхвалительные депеши в нью-йоркскую газету. Кроме того, он поверял свои потаенные мысли дневнику — с тем, разумеется, чтобы впоследствии опубликовать их для потомства.

Кастер писал: «Все долгие годы моего прошлого я вынашивал честолюбивые замыслы. Не богатым хотел я быть, не ученым — но великим. Я желал, чтобы имя мое связывали с такими деяни-

ями и с такими мужами, чтобы оно стало символом чести не для одного только настоящего, но и для будущих поколений».

Таков был человек, прибывший в ночь на 24 июня 1876 года на противоположный от лагеря Сидящего Быка берег реки Литл-Бигхорн. С Кастером было всего 611 солдат, 12 эскадронов кавалерии США — лишь небольшая часть наступавших войск. Но, оставаясь верным своему стилю, он обогнал все прочие отряды и ушел далеко вперед, готовый к бою.

Далеко к югу сражался генерал Джордж Крук во главе 1000 солдат и 250 индейцев, племен ворон и шошони, враждебных сиу, из форта Феттерман. Их задержали — едва ли не нанесли поражение — оглалы во главе с Диким Конем, устроившие им засаду и дерзкую вылазку из своего лагеря с целью задержать белого человека в долине реки Роузбад. По сути дела, войско под бездарным командованием генерала Крука было бы полностью уничтожено, если бы не мужество его индейских союзников. А так его колонна была полностью разметана и оказалась неспособна соединиться с другими войсками, спускавшимися в долину.

Бывший портной Гарольд Сенби 20 лет носил слуховой аппарат, от которого было мало проку. Причина этого выяснилась, когда 74-летний пенсионер пришел в поликлинику в Лидсе, чтобы пройти обычный медосмотр. Ему сказали, что аппарат был вставлен... не в то ухо. Гарольд сказал: «Путаница, вероятно, произошла еще при первой примерке. Наушник отлили так, чтобы он подходил к моему левому уху вместо правого. То-то мне все это показалось совершенно бесполезным!»

Специалисты по рекламе компании «Пепси-Кола» заказали перевод на мандаринский диалект китайского языка знаменитого рекламного лозунга «С пепси — к новой жизни». Получилось следующее: «Пепси выведет ваших предков из их могил».

Ничего этого Кастер не знал. Но он знал, что находится далеко впереди двух других командиров, мечтавших о славе победителей враждебных индейцев. Это были генерал-майор Джон Гиббон, продвигавшийся к востоку из форта Эллис, и генерал Альфред Терри, шедший на запад из форта Авраама Линкольна с целью соединиться с Гиббоном на реке Йеллоустоун. Теперь эти двое шли к долине Литл-Бигхорн с полуторатысячным войском.

Терри был начальником Кастера, и двум этим генералам следовало бы ехать вместе. Но Терри, имевший мало опыта в индейских войнах, уступил настояниям Кастера и позволил ему выдвинуться вперед и провести рекогносцировку стоянки сиу. Опасаясь, что кто-нибудь достигнет лагеря раньше его, Кастер отверг предложенные Терри дополнительные войска и пушки. Он воскликнул: «Одной лишь 7-й кавалерийской бригадой я смог бы выпороть всех индейцев на континенте», — и помчался вперед.

Самоуверенность ни разу не оставила Кастера. Он безжалостно погонял свои 12 эскадронов — за два дня они прошли почти 100 километров — и, даже узнав об истинной численности противостоявшего ему противника, не потерял присутствия духа. Первым признаком того, какой военной силой обладали сиу, были обнаруженные солдатами Кастера следы, оставленные индейцами, когда несколькими днями раньше они перемещали свою стоянку. Эти следы, пробитые копытами пони и прорытые столбами вигвамов, тянулись полосой более чем полуторакилометровой ширины.

Затем поступили сведения от кастеровских лазутчиков-индейцев. Они умоляли командира подождать пару дней до прибытия Терри и Гиббона. Но Пахуска, этот надменный стяжатель славы, не мог ждать — и это тщеславие его и погубило.

Кастер намеревался разбить свои 12 эскадронов на три батальона и ими атаковать индейский лагерь одновременно с трех сторон. Итак, на рассвете 25 июня он вверил три эскадрона капитану Фредерику Бентину, три — майору Маркусу Рено, пять взял себе и один оставил с обозом.

Лазутчики Сидящего Быка внимательно следили за медленным продвижением Кастера с его основной ударной силой в 225 человек, которые шли вдоль речной долины, заслоненные от самой реки высоким длинным обрывом. Кастер высматривал удобный брод, чтобы внезапно напасть на лагерь, — но индейцы знали, что ничего подобного он не найдет.

На другом конце лагеря бдительность индейцев была не так высока. Основное внимание было направлено на главный отряд Кастера, и скромный батальон майора Рено в составе 140 конников пересек реку и в назначенный час, довольно-таки неожиданно для индейцев, атаковал их ла-

герь с тыла. Ведя свою конницу в атаку, Рено с полным основанием ожидал, что в это же время с другого направления лагерь будет атаковать Кастер. Он не мог знать, что батальон Кастера все еще пробирался вдоль речной долины где-то в шести километрах оттуда.

Рено налетел на стоянки оглалов, хункпапов и черноногих сиу, расположенные на южной границе огромного лагеря. Под свист пуль из вигвамов повысыпали женщины и дети и бросились наутек. Молодой хункпапа по имени Желчь, сирота, усыновленный Сидящим Быком, его старший помощник, видел, как его жена и дети были скошены наповал, пока он не успел еще собрать своих воинов для контратаки.

Желчь повел своих воинов в обход флангов Рено, и когда атака на мгновение приостановилась, напал с тыла. Без поддержки с флангов, подавляемые численным преимуществом противника, к тому же обессиленные долгим маршем, солдаты Рено отступили в сравнительно безопасный близлежащий лес, чтобы там дожидаться атаки Кастера, которая отвлекла бы на себя основной порыв индейцев.

Но Кастер не атаковал. Не атаковал и третий отряд под командованием капитана Бентина, все еще находившийся в нескольких километрах от цели. Всего лишь за 30 минут боя отступление майора Рено обернулось полным поражением. Индейцы могли теперь сосредоточиться на ненавистном Пахуске...

Сидящий Бык стоял у входа в свой вигвам и, рассылая вестовых на пони, управлял сражением. Желчь, Дикий Конь и вождь шайенов Две Луны скакали вдоль и поперек лагеря, растянувшегося на 4,5 километра, собирая воинов к предстоящей битве.

Дикий Конь кричал: «Хока-эй! Время сразить-

ся! Время умереть! Вперед, крепкие сердца, храбрые сердца! Назад, слабые сердца и трусы!»

Колонна Кастера все еще скрывалась от Сидящего Быка за холмами. Генерал двигался осторожно, но самоуверенно, выискивая наиболее удобный пологий спуск с обрыва, где можно было бы перейти реку и напасть на индейский лагерь. Но он не знал, что Желчь со своими людьми уже перешел реку. Они проскочили через овраг и напали на кавалерийскую колонну с тыла. Кастер был застигнут врасплох. Он приказал своим солдатам скакать к ближайшему холму и там занять оборонительные позиции. Но преодолев подъем только наполовину, генерал увидел нечто такое, что впервые заставило его усомниться в собственной неуязвимости.

Там, на вершине холма, который ныне называется именем Кастера, появился Дикий Конь с тысячей всадников. Несколько секунд они с брезгливостью смотрели на беспорядочную толпу обессиленной кавалерии и затем с воплями, завываниями и криками бросились в атаку вниз по склону холма.

За несколько секунд конница Кастера оказалась в окружении. Солдаты спешили и защищались врукопашную на голой земле, где почти негде было укрыться. Они храбро сражались, стараясь удерживать своих лошадей. Но кольцо орущих сиу все смыкалось, и им было уже не до лошадей. Гордые всадники были сведены до жалкой кучки. На краю битвы раненые вздымали руки и молили, чтобы их взяли в плен. Но пленных в тот день не брали. Раненых пристреливали или закалывали.

Кастер пал в числе последних. Его строй таял, индейцы смыкали круг — и вот только теперь они увидели, что у него больше нет длинных, до плеч, волос. Он их остриг, оттого-то они и не признали его сразу.

Генерал стоял в центре горстки остававшихся в живых солдат. Сидящий Бык рассказывал: «На своем последнем рубеже Длинноволосый стоял, как кукурузный сноп с осыпавшимися вокруг него початками». Наконец волна индейских воинов захлестнула Кастера.

Не один индеец впоследствии гордо похвалялся тем, что именно он убил ненавистного Пахуску. В Вашингтоне же последний рубеж Кастера был объявлен варварской резней. Против индейцев бросили свежие силы, и они были скоро рассеяны.

Дикий Конь бежал в резервацию, где и сдался властям. В 1877 году при попытке к бегству из форта Робинсон он был пойман и заколот штыками. Последними его словами были: «Отпустите меня, друзья мои. Вы уже достаточно меня наказали».

Сидящий Бык бежал с 3000 воинов в Канаду, «страну великой крестной матери», королевы Виктории. В 1881 году он вернулся в США и сдался властям. Два года индеец провел в тюрьме, и затем ему разрешили воссоединиться со своим племенем в резервации Стэндинг-Рок, штат Северная Дакота. Какое-то время он участвовал в качестве звезды в знаменитом шоу «Дикий Запад», устраиваемом Биллом Коди, но потом снова вернулся в свое племя и был обвинен армейским начальством в подстрекательстве к беспорядкам. Когда 15 декабря 1890 года в резервацию прибыла полиция, чтобы препроводить его в тюрьму, он оказал сопротивление при аресте и был убит выстрелом в спину.

Побежденному же Кастеру было оказано гораздо больше чести, чем подвергнувшимся преследованиям победителям. Его тело подобрали и похоронили с геройскими почестями в Вест-Пойнте. Единственный выживший в кровавой бойне —

конь, по иронии судьбы носивший имя Команчи, — был даже удостоен чести стать живым талисманом 7-й кавалерийской бригады. Его вывели на все парады под седлом, но без всадника.

Кастер оставил потомству полную самовосхвалений книгу «Моя жизнь на Равнинах», фальшивую легенду о героизме автора — понадобилось целое столетие, чтобы ее развеять. Соками его памяти питается также одно небольшое предприятие в Литл-Бигхорне. Оно продает в бутылках прах, в который был повержен Кастер.

Преподаватели Оксфордского университета были озадачены, придя на лекцию знаменитого психолога д-ра Эмиля Буша, откликнувшись на объявление в оксфордской газете. Этот человек имел развевающую бороду, сильный немецкий акцент и столь страстную манеру обращения к аудитории, что практически ничего из его слов нельзя было понять. Впоследствии выяснилось, что д-р Буш был одним из их же собственных студентов, а речь его была сплошной тарабарщиной.

Падение Сингапура

Как японцы нахрапом взяли оплот Британской империи

В воскресенье 15 февраля 1942 года на Сингапур выпал черный дождь. Он пролился через облако дыма, вздымавшееся из горящих нефтяных резервуаров, которые британцы приказали сжечь, чтобы они не достались наступавшим японцам. Британцам нефть была больше не нужна. Британцы сдавались.

Капитуляция этой неприступной естественной крепости, острова Сингапур, ознаменовала собою

Генерал Персиваль (крайний слева) перед сдачей Сингапура генералу Ямашите

конец долгого японского вторжения. Особенно долгим оно было для британцев. Ведь передавая японцам Сингапур, союзные войска, которых те превзошли и в хитрости, и в умении вести бой, и в маневре, передавали им также и имперский контроль над Азией. Более того, это было предзнаменование конца Британской империи — развеивался миф о том, что Британия в состоянии защитить свои далеко разбросанные колонии от притязаний любых агрессоров.

И все это вовсе не обязательно должно было случиться. Когда японские оккупационные войска высадились и начали свой долгий поход по полуострову Малакка, стоявшие на их пути войска Британии, Австралии и Индии значительно превосходили их по численности. Японцы под командованием генерала Томойюки Ямашиты не имели ни воздушного, ни морского прикрытия, а их

Пожарные тушат пламя после налета японских бомбардировщиков

вооружение сильно уступало союзническому. Эти недостатки они с лихвой компенсировали целеустремленностью, изобретательностью и жесткостью.

Японцы преодолевали сопротивление, просто обходя его. Стоило союзникам выставить новую линию обороны, как японцы уходили в море на краденых судах и высаживались дальше вдоль береговой полосы. Королевский военно-морской флот не появлялся. Корабли, обещанные для обороны Малакки и Сингапура, главной военно-морской базы Британии на Дальнем Востоке, так и не прибыли. Не прибыло также и обещанное подкрепление с воздуха. Остановить японцев было нечем.

Большую часть пути на юг, к Сингапуру, японцы проделали на велосипедах по тропинкам в якобы непроходимых джунглях, пользуясь при

этом простыми школьными картами. В начале февраля 1942 года они прибыли вместе с захваченными ими самолетами, пушками и грузовиками в Джохор, расположенный у основания полуострова Малакка. От Сингапура, крепости, которую они намеревались захватить, их отделял только узкий Джохорский пролив.

Сингапур представляет собой остров длиной около 30 и шириной около 15 километров, соединяющийся с материком 1000-метровой дамбой шириной в 23 метра, по которой проходят автомобильная и железная дороги. На южной, обращенной к морю части острова стоит город Сингапур, населенный малайцами и китайцами. На северной, обращенной к матерiku стороне располагалась Королевская военно-морская база, считавшаяся одним из важнейших в мире военных объектов.

Японцы берут в плен британских солдат

Судебный детектив в штатском, пытаясь найти свидетеля преступления, совершенного в Далласе, штат Техас, подкатился к стоявшей в вызывающей позе на углу затемненной улицы девице и стал заводить с ней шашни. Девица быстренько надела на него наручники и препроводила в участок. Она тоже была полицейским в штатском.

На протяжении века Сингапур был символом британского владычества на Дальнем Востоке. Его называли Восточным Гибралтаром и оплотом Британской империи. Он оказался ни тем ни другим. Благодаря необъяснимой военной слепоте, которой бывали поражены столь многие из британских военачальников, Сингапур был укреплен против атак с моря, но совершенно не защищен против высадки со стороны Джохорского пролива.

Сингапур мирно почивал — слишком мирно и слишком долго, чтобы суметь хоть как-то противостоять армии варваров, убийц, насильников и мародеров, готовящейся заполнить его. Не ранее чем за два дня до Рождества 1941 года генерал-лейтенант Персиваль, глава британского командования Малакки, приказал обследовать северное побережье острова на предмет строительства оборонительных сооружений. За две недели, последовавшие после его приказа, не было сделано ничего.

Уинстон Черчилль не был в полной мере оповещен о смехотворном состоянии безопасности Сингапура вплоть до 16 января, когда он получил соответствующую телеграмму от генерала Уэйвелла, недавно назначенного верховным командующим региона. Черчилль немедленно выслал своим начальникам штабов и главам администраций длинную срочную директиву:

«Должен признаться, что меня поразила телеграмма Уэйвелла... Иметь организованную оборону

со стороны моря и ни укреплений, ни иных оборонительных сооружений с тыла — совершенно непростительно. Предупреждаю — это будет один из крупнейших скандалов, когда-либо выходявших на свет.

Немедленно разработать план, чтобы сделать все возможное, пока продолжается сражение при Джохоре. В план должны входить: попытка использовать в северном направлении крепостные орудия с уменьшенным зарядом; минирование и установка заграждений в местах вероятной высадки; установка проволочных заграждений и мин-ловушек в мангровых топях и других местах; размещение полевых батарей на обоих входах в пролив; формирование ударного ядра из трех или четырех подвижных резервных колонн, вокруг которых смогут базироваться выводимые из Джохора войска; мобилизация всего мужского гражданского населения на строительство оборонительных сооружений с использованием строжайших мер принуждения.

Необходимо не только поддерживать всеми возможными средствами оборонеспособность острова Сингапур, но и сражаться за каждую пядь острова, пока не окажется уничтоженным последнее подразделение, последний оборонительный рубеж. Наконец, город Сингапур должен быть превращен в крепость и должен защищаться до последнего. Недопустима сама мысль о сдаче города».

Знаменитый гангстер Джон Диллинджер придумал верный способ избежать ареста. У агентов ФБР имелись отпечатки его пальцев — и вот Диллинджер решил приобрести себе другие. Он окунул пальцы в кислоту и, пока они заживали, вынужден был терпеть ужасные муки. Спустя несколько недель Диллинджер сделал новые отпечатки пальцев: они оказались точной копией старых.

Его наставления пришли к защитникам Сингапура слишком поздно. Строительство оборонительных укреплений началось с запозданием. Гражданское население находилось в таком разброде, что начать удалось только очень небольшую часть строительных работ. Рабочие разбежались. Даже в британских и австралийских войсках появились дезертиры, убежавшие на другие острова. В городе Сингапуре находилась мощная пятая колонна японских бизнесменов. Арена для военной катастрофы была подготовлена.

Уэйвелл считал, что даже если Джохор будет потерян, Сингапур сможет продержаться несколько месяцев. К тому времени придет американское подкрепление, в том числе авианосцы. Сдержав таким образом японское наступление, можно будет выиграть время для весеннего контрнаступления из голландской Ост-Индии.

У Ямашиты, однако, были для его 25-й японской армии другие планы. Он хотел захватить Ост-Индию и вступить в Австралию. Главными его целями были Сидней и Брисбен, и он не видел особых препятствий к их захвату. Но сначала — Сингапур. При этом Ямашита понимал, что Сингапур надо брать быстро, а не то его слишком растянутые тылы не смогут обеспечить наступление. У его солдат было всего по сто патронов.

31 января последние британские и австралийские солдаты перешли по длинной дамбе из Джохора на остров. Отступление проходило под звуки музыки последних двух из оставшихся в живых шотландских волынщиков.

Когда прошли последние отступающие войска, мостовую секцию дамбы взорвали. Но во время отлива японцы выяснили, что конструкция моста погрузилась под воду всего лишь на метр с небольшим. Если бы они захотели, они могли бы перейти по ней вброд.

Ямашита устроил свой передовой командный пункт в башне дворца Джохорского султана. Оттуда он наблюдал, как японский военно-воздушный флот, вдсятеро превосходящий численностью Королевский, сбивает британцев и австралийцев, безнадежно пытающихся выстроить свою слабую оборону. По башне Ямашиты не стреляли — ее сочли слишком уж легкодоступной целью, чтобы противник стал ее использовать. В то время как японский генерал своими глазами наблюдал сражение, Уэйвелл находился далеко, в своей штаб-квартире на Яве, к тому же в условиях плохой связи. Таким образом, все тактические задачи обороны Сингапура оказались в руках генерала Артура-Эдварда Персиваля.

Персиваль решил рассредоточить свои войска вдоль северной береговой полосы, чтобы предотвратить высадку японцев на остров. Идею Черчилля о создании ударных группировок для отражения уже высадившегося противника Персиваль не считал наилучшим решением. Он понимал, что боевой дух его войск невысок, а моральное состояние гражданского населения еще ниже. Солдаты видели, как свои же взрывают оборудование столь долго обороняемой ими военно-морской базы, чтобы оно не досталось японцам; это отнюдь не прибавляло им настроения.

В распоряжении Персиваля на Сингапуре находилось 85-тысячное войско, включая 15 000 нестроевых. На противоположной стороне пролива им противостояло от 30 до 50 тысяч отборных японских солдат. По части стрелкового и артиллерийского вооружения обе стороны были примерно на равных. Во всем же остальном японцы преобладали. Они господствовали в воздухе. Их боевой дух был высок: их воодушевляли собственные победы, их вдохновляла великая миссия освобождения Сингапура от колониального владычества

белых. За эту миссию они готовы были сражаться прямо-таки фанатически.

20 января Уэйвелл прибыл на Сингапур, чтобы обсудить с Персивалем оборонительные планы. Уэйвелл считал, что противник высадится на северо-западе острова. Персиваль был не согласен. Он был уверен, что атака будет проведена с северо-востока, и именно туда он решил выставить свои самые свежие силы. Оборона северо-западной береговой полосы поручалась потрепанным в боях австралийцам. 8 февраля, после нескольких дней ожесточенных бомбардировок и артиллерийского обстрела, выяснилось, что прав был Уэйвелл.

В 10:30 вечера японцы высадились в северо-западном секторе, удерживаемом Австралийской бригадой. К этому времени вдоль всей береговой полосы было установлено прожекторное освещение, но его отключили вплоть до особого приказа, чтобы не выдать расположение войск. Но при артиллерийском обстреле телефонные провода были перебиты, и этот особый приказ так и не поступил. Невидимый противник ступил на берег и захватил крепкий плацдарм. К трем часам ночи он продвинулся вглубь суши на 6 километров. Австралийцы отступили на заранее подготовленные позиции, но в темноте и неразберихе многие из них заблудились. Задуманную контратаку пришлось отменить.

Когда обо всем этом доложили Персивалю, он не мог скрыть своего потрясения. Но худшее было еще впереди. Приходили донесения о продолжающихся высадках. Из-за плохой связи многие подразделения, опасаясь попасть в окружение, отступали со своих хорошо укрепленных позиций, даже не отбив ни одной атаки. Фронт разваливался на глазах. Наконец, к югу от дамбы были замечены движущиеся по главной дороге в направлении города Сингапура вражеские танки.

Несколько часов — и сражение казалось окончательно проигранным. Но японцы приостановили наступление, чтобы организовать снабжение и пополнение войск через пролив. К вечеру 9 февраля до 25 000 японцев, используя ялики, плоты, надувные шлюпки — а кое-кто и вплавь, — переправились через пролив Джохор. Это была замечательная боевая операция — и не менее замечательным было беспорядочное состояние обороняющихся войск. Изможденные боями австралийцы 22-й и соседней с нею 27-й бригад сражались мужественно, но были плохо организованы. Плечом к плечу с ними стояли подразделения гражданской обороны, составленные из китайцев; люто ненавидя японцев, они отказывались отступить, даже когда регулярные подразделения получали такой приказ.

Был один эпизод в сражении, когда австралийцам удалось остановить дальнейшее продвижение японцев — они опорожнили в мангровые топи нефтяные резервуары и подожгли нефть. Множество врагов сгорело живьем, что помогло отсрочить захват острова. Японцы жестоко отомстили. Они обезглавили 200 раненых.

Затем последовали две роковые ошибки, которые и решили судьбу Сингапура. Как раз в то время когда японская Императорская гвардейская дивизия испрашивала разрешение оставить свои передовые позиции у дамбы в силу интенсивного сопротивления со стороны одного из батальонов австралийской 27-й бригады, австралийцы отступили. Этому решению так и не нашлось объяснения. Но результатом его явилась 4-километровая брешь, в которую без всякого сопротивления влились вражеские войска. В то же время Персиваль набрасывал план запасного варианта сражения, предусматривавший отступление на резервные позиции по периметру города Сингапура. Он толь-

ко еще перебирал варианты, но не намеревался приводить план в исполнение. Но произошло недоразумение, послание было неправильно понято, и 22-я австралийская бригада, несшая на себе основную тяжесть удара, отступила на резервные позиции. 12-я индийская бригада, оказавшись в изоляции, тоже отступила.

В тот день с Сингапура вылетел последний истребитель Королевского военно-воздушного флота. Если бы ВВФ остался на острове, все его самолеты были бы уничтожены, потому что пикирующие бомбардировщики японцев перепахали все аэродромы. Не встречая сопротивления, японская авиация обрушила всю свою разрушительную силу на город, чье население из-за потока беженцев удвоилось и достигло одного миллиона. Огонь пожирал тесно расположенные здания; улицы в буквальном смысле слова были затоплены кровью. Атаками бомбардировщиков было практически отрезано водоснабжение. Сточные каналы наполнялись мертвыми телами. Неотвратимо надвигались эпидемии.

10 февраля с Явы прилетел в последний раз Уэйвелл; он приказал немедленно контратаковать. Персиваль противился приказу. Уэйвелл настоял на своем, контратака началась — и бесславно захлебнулась. Было уже слишком поздно.

Черчилль телеграфировал Уэйвеллу: «Вы, надеюсь, отдадите себе отчет в том, как мы рассматриваем ситуацию в Сингапуре. Согласно донесениям, у Персиваля имелось 100 000 войска; мы сомневаемся, чтобы у японцев было столько на всем полуострове Малакка. В таких обстоятельствах обороняющиеся войска, имея существенное численное преимущество, должны дать решительное сражение и уничтожить противника. На этом этапе следует забыть о сохранности войск. На карте стоит честь Британской империи и Британской

армии. Речь идет о репутации нашей страны и всей белой расы».

Сто тысяч солдат — это, конечно, сильно преувеличено; но гнев британского военного лидера достиг своего адресата. Персиваль заявил своим офицерам: «В некоторых подразделениях войска не проявили высокого воинского духа, какой ожидается от мужей Британской империи. Если мы понесем поражение от армии хитроумных гангстеров, во много раз уступающей нам в численности, это будет несмываемым позором».

Свое веское слово вставил и Уэйвелл: «Несомненно, что численность наших войск в Сингапуре много превышает численность перешедших пролив японских войск. Мы должны их уничтожить. На карту поставлена вся наша воинская репутация и честь Британской империи. Позором будет сдать нашу прославленную крепость Сингапур уступающему нам в силе врагу».

Но все эти увещевания остались всеу. Многие из воинов, столь мужественно прошедшие с боями по всей длине полуострова Малакка, вдруг потеряли волю к борьбе. Участились позорные сцены, когда слоняющиеся по улицам дезертиры грабили магазины. Они дрались даже с женщинами за место на последних покидающих сингапурскую гавань суденышках.

Губернатор Сингапура сэр Шентон Томас велел уничтожить все запасы алкоголя в городе, чтобы предотвратить пьяные оргии победоносных японских солдат с насилиями и убийствами. Персиваль приказал эвакуировать корпус военных медсестер, чтобы их не постигла обычная горькая судьба попадающих в плен к японцам белых женщин. (Когда японцы захватили госпиталь на подступах к Сингапуру, они перебили штыками всех больных и раненых и весь персонал.)

13 февраля Персиваль созвал совещание с

участием генерал-лейтенанта сэра Люиса Хита из 3-го Индийского корпуса и генерал-майора Гордона Беннетта из 8-й Австралийской дивизии. Оба не сомневались, что контратака не удастся. Оба предлагали капитуляцию.

Персиваль держался сколько мог, надеясь на чудо — что если у японцев начнут иссякать запасы, им придется ослабить разрушающую город осаду и это позволит выиграть время, пока не прибудет подкрепление с моря. Но 15 февраля, в китайский Новый год, надежда покинула его. Японский самолет сбросил близ его штаб-квартиры пакет, перевязанный красно-белой лентой, которая хвостом вилась за ним в воздухе. Внутри находилось послание от Ямашиты. Оно начиналось так: «Преисполненные рыцарского духа, мы предлагаем вам сдаться...»

Персиваль знал, что в городе оставалось запасов продовольствия на неделю, воды — на один день. Он знал, что, если продолжить борьбу, погибнут десятки тысяч осажденных из числа мирного населения. И он с должной серьезностью воспринял завуалированную угрозу, содержащуюся в ноте Ямашиты: «Если вы продолжите сопротивляться, нам трудно будет сохранять терпение, говоря гуманным языком».

Под покровом черного дыма и завесой черного дождя Персиваль выехал из города, чтобы встретиться со своим заядлым японским противником за столом переговоров на автомобильном заводе Форда. Там высокорослый 55-летний британский генерал безоговорочно сдал оплот Британской империи.

Ямашита отвесил формальный поклон и втайне испустил вздох облегчения. Впоследствии он записал в своем дневнике: «Моя атака Сингапура была чистым блефом. У меня было 30 000 человек, у противника — втрое больше. Я знал, что

если бы меня заставили драться за Сингапур чуть дольше, я был бы разбит. Поэтому необходима была немедленная капитуляция. Я ужасно боялся, что британцы узнают о нашей малочисленности и недостатке снабжения и втянут меня в уличные бои, что было бы катастрофой. Но этого не случилось. Мой блеф сработал».

Адские холмы

Восемь месяцев кровопролития не выявили победителя

Этот был самый дерзкий стратегический план Первой мировой войны: одним движением сломать ужасную позиционную войну в окопах Франции путем открытия нового фронта на востоке. План принадлежал Уинстону Черчиллю. Первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), каковой пост он тогда занимал, считал, что если атаковать союзника Германии, Турцию, то удастся вспороть пузо кайзеровской Европе. Он предлагал совершить прорыв через пролив Дарданеллы, отрезать турок от их германских союзников и соединить Британию с союзной ей Россией через Черное море.

Сэр Уильям Бердвуд

Это был блестящий план, успех которого основывался на внезапном нападении на Турцию и с суши, и с моря. Для его реализации требовались крупные военно-морские силы для прорыва через Дарданеллы плюс десантные войска для захвата высот на обеих его сторонах.

Однако, при всем великолепии замысла, осуществление его обернулось катастрофой. Дело в том, что туркам стали известны намерения британцев.

3 ноября 1914 года корабли Королевского военно-морского флота вышли к проливу Дарданеллы и подвергли десятиминутному обстрелу турецкие укрепления. Эти десять минут нанесли противнику не много вреда, зато раскрыли все карты. Под руководством германских военных специалистов турки начали минировать пролив и укреплять оборонительные позиции в труднодоступной гористой местности полуострова Галлиполи. У них было на это достаточно времени — союзники не беспокоили их в последующие три месяца.

19 февраля 1915 года гораздо более многочисленная группировка британских и французских судов снова подвергла обстрелу турецкие укрепления. Турки тут же вывели свою береговую артиллерию из зоны огня, выждали, пока обстрел прекратится, и снова вернули ее на прежние позиции. Операция принесла союзникам мало пользы, зато стоила британцам и французам трех затонувших и трех выведенных из строя линкоров, подорвавшихся на минах. Начальник военно-морского штаба адмирал Фишер докладывал: «Дела на Дарданеллах идут плохо. Нас сдерживает недостаток живой силы».

Полиция открыла багажное отделение грузовика-рефрижератора, стоявшего без парковочных огней на улице Лондона. Там сидел полузамерзший водитель, который за три часа до того случайно запер себя внутри.

В Лондоне многие из состава военного кабинета засомневались, стоит ли продолжать попытки взять Дарданеллы. Многие, но не Черчилль. Он не колебался, и его энтузиазм в отношении этого плана привлек к себе симпатии большинства военных руководителей.

И вот на рассвете 25 апреля 1915 года — пять месяцев спустя после предупредительного обстрела — крупнейший из когда-либо бывших в мире морской десант направился к берегам Галлиполи.

В первом штурме участвовали 1500 австралийцев и новозеландцев. С трех линкоров они пересели в шлюпки и в 4 часа утра принялись грести к чернеющему берегу. В предрассветном сумраке они приблизились к бухте Ари Бурну — но вместо широкой, плавно спускающейся к морю прибрежной полосы, какую, согласно уверениям, они ожидали увидеть, их встретили отвесные утесы и голые холмы. С вершин этих холмов полыхнуло, и град пуль внезапно обрушился на шлюпки. Десантники попрыгали в море и поплыли к берегу, с трудом удерживаясь на плаву под грузом своей амуниции. Многие так и не доплыли, прочие же пристегнули штыки и теперь стояли в ожидании приближавшейся к ним лавины турок, которые сбегали, скользя и кувыркаясь, по склону холма. Битва разгорелась в нескольких метрах от кромки воды в бухте, которая осталась в истории под названием бухты Анзак (Австрало-новозеландский армейский корпус).

Австралийцы и новозеландцы были сплошь добровольцы, откликнувшиеся на призыв защитить Британскую империю, самыми отдаленными подданными которой они являлись. У них не было опыта, и никто не ожидал, что они смогут выдержать продолжительный бой. Но их героизм, упорство и дерзость в бухте Анзак вошли в леген-

ду. Они оттеснили турок от береговой полосы обратно в холмы и преследовали их своими сверкающими штыками. Спланированная грандиозная битва обернулась серией кровавых схваток. И все равно, когда утро было уже в разгаре, войска Анзак продвинулись вглубь суши до полутора километров.

Вот тогда-то мужественные воины Анзак оказались жертвой некомпетентности своего начальства. Главкомандующим всей галлипольской экспедицией был сэр Иан Гамильтон, стареющий неудачливый генерал, решивший руководить операцией, сидя в комфорте линкора «Королева Елизавета» в трех милях от берега, в полном отрыве от двух командиров корпусов и от высадившихся на берег людей. Впрочем, и сами командиры корпусов тоже не находились на берегу. Им было приказано руководить своими войсками с борта кораблей, стоявших вблизи берегов; и, поскольку связь скоро прервалась, они тоже имели очень слабое представление о происходящем.

Командиром корпуса Анзак был сэр Уильям Бердвуд, способный и изобретательный генерал, которому бессмысленный приказ связывал руки. Другим корпусным генералом был сэр Хантер Уэстон, командовавший 29-й дивизией англо-французских войск, на которую Гамильтон возлагал свои главные надежды. Люди Уэстона высадились в пяти пунктах мыса Геллес, оконечности полуострова Галлиполи. Они также осуществляли обманный маневр, стараясь отвлечь турецкие силы от основного фронта, удаленного на несколько миль.

Один путешественник, сидя в стокгольмском ресторане, никак не мог привлечь к себе внимание официанта. Тогда он вышел из ресторана, разделся догола и снова вошел, выкрикивая: «Вы, шведы, обращаете внимание только на голых. Теперь-то вы меня обслужите?» Его арестовали за непристойное поведение.

В бухте Геллес передовой отряд из 2000 британских десантников приблизился к берегу на выглядевшем вполне невинно угольщике «Ривер Клайд», который причалил у Сэдд-эль-Бара. Атака началась более часа спустя после высадки корпуса Анзак. При свете дня британцы вышли на берег прямо под град пуль уже ждавших их, хорошо окопавшихся турок. Сотни людей гибли, пробираясь, как муравьи, по сходням старого угольщика. Тех же, кто выбрался на берег и метался в поисках хоть какого-нибудь укрытия от безостановочного турецкого огня, пристреливали по одному.

Прошло четыре часа, и из добравшихся до берега британцев в живых осталось только 200 человек. Пилот самолета-наблюдателя, летавшего в то утро над берегом, описывал море как ужасающее зрелище — совершенно красное от крови. Битва при Сэдд-эль-Баре была проиграна, даже не успев начаться.

На протяжении нескольких километров в бухте Геллес осуществлялись в это время еще четыре высадки, оказавшиеся более успешными. В трех случаях британские войска высадились, не встречая особого сопротивления, заняли командные высоты и принялись ждать новых приказаний. Но приказания так и не поступили.

В четвертом случае, в пункте Игрек, сопротивления и вовсе не было никакого. Две тысячи десантников высадились на берег, вскарабкались вверх по утесам и слонялись там среди колючих кустарников. Они сидели на вершинах холмов и слушали, как всего лишь в часе пути от них уничтожают их боевых товарищей. По численности войска пункта Игрек превосходили все вместе взятые силы турок в бухте Геллес и могли в тот же день окружить и уничтожить врага. Но когда офицеры испросили разрешения идти вперед, им было отказано.

Весь этот кровавый день 2000 человек, высадившихся в пункте Игрек, сидели и ждали приказа, пока ближе к вечеру не пришло турецкое подкрепление и не атаковало их. Британцы, ожидавшие с минуты на минуту приказа двигаться вперед, не потрудились даже окопаться. И когда началась атака, половина десантников откатилась обратно к берегу, где попала под обстрел. Поскольку указаний от начальства все не поступало, они погрузились в шлюпки и покинули пункт Игрек.

Вторая половина всю ночь продвигалась вглубь суши. На рассвете следующего дня они обнаружили, что остались одни безо всякой поддержки. Но они продолжали сражаться и дрались так упорно, что турки не выдержали и бежали.

И все же хороший шанс на победу был упущен. Союзники в бухте Геллес превосходили обороняющихся турок в соотношении шесть к одному, но, поскольку не нашлось ни одного старшего офицера, который скоординировал бы одновременную атаку, развить успех союзникам не удалось. Турки отошли, но отошли и британцы. В результате сложилась безвыигрышная ситуация.

Единственной частью всей операции, которую можно назвать успешной, был отвлекающий удар французов на противоположной стороне Дарданелл, в Кум Кале. Вместе с полком африканских колониальных войск они в рукопашной схватке захватили одно из важнейших турецких укреплений, охранявших вход в пролив. Турки бежали. Но уже добившись победы, французы получили приказ отступить и плыть к бухте Геллес. Ведь операция при Кум Кале была, в конце концов, лишь отвлекающим ударом.

К середине дня 26 апреля на полуостров Галлиполи было высажено не менее 30 000 человек — и никому начальство не дало возможности одержать уже почти находившуюся в их руках победу.

Суду было сообщено, что вскоре после прихода этой группы в бар Малони Миллиган плюнул в О'Флагерти и обозвал его вонючим ольстерцем. О'Флагерти ткнул в Миллигана кулаком, а Рурк ударил его бутылкой. Миллиган пнул О'Флагерти в пах и выплеснул пинту пива в лицо Рурку. Это всех обидело, и они начали драться.

— Газета графства Лаут (Эр)

Войскам Анзак прислали 15 000 человек подкрепления. Но и противник не терял времени даром; главные турецкие войска к тому времени были сосредоточены на холмах вокруг. К концу дня войска Анзак оказались запертыми на крошечном береговом пространстве безо всякого укрытия. В полночь Бердвуду удалось передать донесение на линкор Гамильтона с просьбой разрешить эвакуацию войск.

Он доносил: «Дивизионные генералы и бригады докладывают мне с немалым опасением, что их люди совершенно дезорганизованы шрапнельным огнем, которому они подвергаются на протяжении всего дня после изнурительных и мужественных трудов, которые они проделали с утра. Многие разбрелись с огневых позиций, и собрать их в этой пересеченной местности очень трудно. Даже Новозеландская бригада, только недавно введенная в бой, понесла большие потери и в известной степени деморализована. Если с утра войска вновь подвергнутся артобстрелу, провал более чем вероятен; у меня нет свежих сил, чтобы пополнить потери на огневых позициях. Я отдаю себе отчет в серьезности того, о чем я говорю, но если нам предстоит эвакуироваться, то делать это нужно немедленно».

Пока Гамильтон читал донесение Бердвуда на борту своего линкора, тысячи жизней еще можно было спасти. Но пока он рассуждал о том, как на

него ответить, пришло второе донесение, ознаменовавшее собой новый поворот событий.

Это новое донесение было от капитана второго ранга Ху-Дакра Стокера, командира австралийской подводной лодки АЕ-2. Он вошел в пролив Дарданеллы, и, экономя заряд батарей, оставался на поверхности; внезапно его встретил огонь с турецких укреплений. Он решил погрузиться и пройти под минными заграждениями. Дважды за время прохождения по проливу ему приходилось рисковать своим судном и всплывать на поверхность, чтобы определиться с местонахождением, и каждый раз вокруг лодки начинали рваться снаряды. Наконец Стокер вышел на главные морские силы турок, укрывавшиеся за минным полем; он выпустил торпеду по одному из крейсеров и пошел на экстренное погружение, едва избежав таранного удара со стороны этого крейсера. Его торпеда попала в цель. Стокер пролежал на грунте 16 часов, читая вслух молитвы своему экипажу — это было воскресенье. Дождавшись, пока турки прекратят охоту за подлодкой, он вернулся к входу в пролив и доложил по радио о своем успехе на флагман «Королева Елизавета».

Находившийся в нерешительности Гамильтон получил донесение и ухватился за эту единственную за весь день внушающую надежду весть. В ответ на просьбу Бердвуда об эвакуации он решил ответить следующее:

«Ваше донесение воистину очень серьезно. Но делать нечего, кроме как окопаться и держаться. Чтобы эвакуировать вас, понадобится не менее двух дней. В то же время австралийская субмарина прошла через Дарданеллы и торпедировала канонерку. Хантер Уилсон, несмотря на большие потери, завтра пойдет в наступление, что отвлечет силы от вас. Обратитесь лично к своим людям,

призовите их напрячь все усилия, чтобы держаться. Вы прошли через самое трудное. Теперь вам осталось окапываться, окапываться и окапываться, и только в этом спасение».

И они окапывались, окапывались и окапывались. Стометровая прибрежная полоса, 2000 убитых и раненых, впереди и вверху — холмы, покрытые таким же числом турок, — и войска Анзак роют себе ямы, и то же делают турки. Грандиозный галлиполийский замысел за несколько часов превратился в ту же самую отвратительную позиционную окопную войну, которая понапрасну загубила миллионы жизней на полях Франции.

Солдатам бухт Анзак и Геллес предстояло просидеть в этих окопах и траншеях девять месяцев, а потерям союзников дойти до четверти миллиона, пока начальство не притушило свою гордыню настолько, чтобы признать поражение и отступить.

29 апреля весть о том, что наступление на Галлиполи оказалось не столь успешным, как ожидалось, достигла Лондона. Весть пришла не от Гамильтона — он, с тех пор как его наступление провалилось, уклонялся от прямых донесений. Сообщение о надвигающейся катастрофе поступило от Королевского военно-морского флота.

В одной из роскошно изданных американских поваренных книг содержался рецепт под названием «Шелковистые ломтики карамели»: «Положите неоткрытую банку сгущенного молока в кастрюлю и оставьте на огне на четыре часа». Издателям пришлось отозвать весь тираж с большими издержками, когда они сообразили, что изобрели взрывной пудинг — они забыли упомянуть, что кастрюлю надо предварительно наполнить водой.

М-р Майкл Вэннер, житель Бэксхилл-Роуд, Сент-Леонард, ответчик в недавнем слушании дела в магистратном суде Гастингса, желает заявить, что м-р Мелвин Пек, в нападении на которого он не признал себя виновным, не просто прохожий, как было напечатано, а его приятель.

— *Сассекская газета*

Срочно требовались свежие силы — и они были в наличии. В Египте, в районе исходного сосредоточения, стояли без дела войска в ожидании приказа плыть к Галлиполи. Но Гамильтон их не вызвал — либо не знал об их существовании, либо из-за своей гордыни. Этого никто не знает. В конце концов подкрепление было послано прямым приказом из Лондона. Но и турки собрали на узком участке фронта свои лучшие полки.

За две недели после высадки в бухте Геллес Уэстон потерял 6500 человек и не достиг ничего. Люди умирали, не получая должной медицинской помощи; запас боеприпасов был катастрофически мал. Штыковые атаки и мелкие вылазки через траншеи — вот такая велась война.

Положение в бухте Анзак было не лучше, если не хуже. Солдатам выдавали не больше двух патронов в день, разве что в условиях непрерывных атак. Вдоль неровной фронтовой полосы расстояние между вражескими траншеями местами не превышало 10 метров. Люди жили в норах, как крысы, под постоянным огнем турецких батарей; раненые умирали на своих носилках.

18 мая в бухте Анзак произошел самый кровавый за всю кампанию бой. Турки ввели свежие силы и теперь втрое превосходили по численности 12 000 еще боеспособных австралийцев и новозеландцев. В 5 часов пополудни начался невиданный доселе артиллерийский обстрел. Он продол-

жался весь вечер и ночь; осажденные Анзаки ежились в своих норах. В 3 часа ночи Бердвуд приказал своим войскам изготовиться к предстоящей атаке. Не успели они занять свои огневые позиции, как огонь стих. На фронтовой полосе наступила тишина. Раздался звук трубы — и лавина турок навалилась на Анзак. Волна за волною накатывались они на нейтральную полосу, но каждый раз их выкашивали, не давая пересечь узкое пространство. Тех немногих, что прорывались и достигали траншей, закалывали штыками. Атаки продолжались всю ночь и до середины дня. Не успевала одна волна турок пасть под дружным огнем союзников, как новая уже вздымалась над брустверами и устремлялась навстречу своей гибели.

Турецкое командование дало отбой только тогда, когда пало 10 000 их солдат, причем половина из них — не далее нескольких метров до траншей Анзак.

Потянулись часы и дни; обе стороны засели в своих траншеях; наступило относительное спокойствие. Но день и ночь стояли над нейтральной полосой крики и стоны оставшихся там раненых. Тела начинали разлагаться; опасность болезней нарастала с каждым днем. Анзаки настаивали, чтобы Гамильтон договорился о прекращении огня и захоронении погибших. Гамильтон отказался, заявив, что такая просьба должна исходить от турок.

Тогда добровольцы, выходцы с другой стороны Земного шара, взяли инициативу в свои руки и 20 мая выбросили над фронтовой линией флаг Красного Креста. Турки немедленно открыли по нему огонь; древко разлетелось в щепки. И тогда случилось нечто экстраординарное.

Высунуть голову над траншеей передовой полосы означало погибнуть. И несмотря на это,

один турецкий солдат выскочил из окопа и побежал по ничейной земле навстречу австралийцам. Добежав, он остановился над траншеей, на ломаном французском извинился за стрельбу и побежал обратно. Через несколько минут над вражескими траншеями появился флаг Красного Полумесяца. Генерал Уолкер, командир 1-й австралийской дивизии, поднялся и медленно пошел к турецкой огневой полосе. Никто не выстрелил. Пять турецких офицеров вышли ему навстречу, и они стояли на нейтральной полосе, обмениваясь любезностями и угощая друг друга сигаретами. Минут через десять они разошлись, договорившись встретиться вечером, чтобы обсудить перемирие.

Двадцать четвертого мая произошло временное прекращение военных действий, чтобы каждая сторона могла похоронить своих мертвых. Враги стояли плечом к плечу, роя братские могилы под руководством австралийских офицеров. Офицер из штаба Гамильтона, Комптон Маккензи, автор книги «Галлиполийские мемуары» (Изд. «Касселл», Лондон), сошедший в тот день на берег, так описывал эту картину: «Тут и там турки рыли и рыли могилы для своих соотечественников, чьи сваленные в груды тела уже разлагались на жарком майском солнце. Эта картина затмила в моей памяти все остальное, что я видел в Анзаке. Из своего возвращения я не помню ничего. Знаю только, что две недели после того не мог выветриться из моих ноздрей запах смерти. Самая ароматная трава отдавала мертвечиной».

Перемирие заканчивалось в 4:30 пополудни 24 мая, и за полчаса до этого срока турецкие и союзные войска обменивались сигаретами, фруктами и мелкими подарками. Пожав друг другу руки и широко улыбаясь, они разошлись по своим траншеям. Вскоре после 4:30 турецкий снайпер открыл огонь, Анзаки ответили залпом. Война продолжалась.

Последующие семь месяцев не принесли особой передышки. 6 августа Гамильтон повел новое наступление в заливе Сульва, к северу от позиций Анзак. Враг был обхвачен с флангов и в беспорядке бежал. К концу дня численное превосходство над турками составляло пятнадцать к одному. Но, как и прежде, приказ о развитии наступления так и не поступил. Турки перегруппировались и заблокировали плацдарм. И снова — ничья.

Шел своей чередой 1915 год, а жизнь солдат в бухте Геллес становилась сущим адом. Свирепствовала дизентерия, каждую неделю эвакуировали 100 больных. Она поразила три четверти войск Анзак. Более половины, кроме того, страдали чесоткой и покрылись язвами из-за долгого пребывания в грязных траншеях. Пища была подпорчена. Пресной воды в бухте Анзак не было — ее приходилось доставлять из Египта, за 750 миль. Все лето над лагерем роились тучи мошкары, разнося болезни. А зима принесла новый кошмар — 15 000 солдат обморозились.

В октябре Гамильтон был отозван (это катастрофа для армии), и на его место заступил генерал сэр Чарлз Монро. Он доносил в Военный кабинет в Лондоне: «Сосредоточенные на полуострове войска, за исключением австралийских и новозеландских корпусов, не приспособлены к длительным боевым действиям в силу неопытности офицеров, недостаточной подготовки солдат и истощенного состояния многих частей. Я, таким образом, придерживаюсь того мнения, что новая попытка прорвать турецкий фронт не вселяет никакой надежды на успех. С чисто военной точки зрения, я рекомендую эвакуировать полуостров».

До середины ноября политики обсуждали этот вопрос, пока наконец не согласились отменить грандиозный план. Черчилль подал в отставку.

Участие Монро в этой кампании он описал так: «Пришел, увидел, капитулировал».

Залив Сульва и бухта Анзак были оставлены в декабре 1915 года, бухта Геллес — в начале следующего года. Одна из самых дорогостоящих оплошностей в истории подошла к концу. Полмиллиона союзных войск восемь месяцев сражались с полумиллионом турок. Результат: 252 000 убитых и раненых у союзников, 251 000 — у турок. Даже в смертях и увечьях — ничья.

В указе об орехах* (немолотых, в отличие от молотых орехов) выражение «орехи» должно относиться к таким орехам, отличающимся от молотых орехов, которые, не будь сего уточняющего постановления, не подходили бы под определение орехов (немолотых, в отличие от молотых орехов) по причине того, что они являются орехами (немолотыми).

— Уточнение к постановлению Британского парламента

Фиаско в Перл-Харборе

Предупреждения, которые могли предотвратить катастрофу, были оставлены без внимания

Седьмое декабря 1941 года — дата, которая всегда будет отзываться горечью в сердцах американцев. Президент Франклин Д. Рузвельт назвал это днем, который будет жить в бесславии — днем, когда неведомо откуда взявшиеся японцы смели с лица земли гордость Американского тихоокеанского флота в Перл-Харборе.

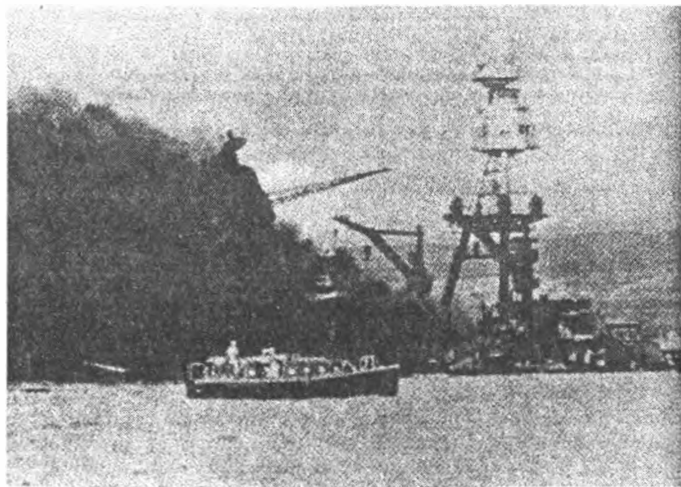
Самолеты, а их было почти 400, взлетевшие с могучих авианосцев, учинили невообразимые разрушения, панику и смерть на совершенно непод-

* Переносный смысл слова «орехи» (натс) — чокнутый.

готовленном к нападению острове Оаху в Гавайском архипелаге. А ведь об этом нашествии поступали предупреждения, и если бы к ним прислушались, это по меньшей мере вдвое сократило бы ущерб и человеческие жертвы.

Японский стратегический план, направленный на сокрушение американского влияния в Тихом океане, начал приводиться в исполнение в середине ноября 1941 года. Американские агенты докладывали из Японии, что крупнейшие корабли императорского военно-морского флота покидают порты своей стоянки и исчезают неизвестно куда. Собирались же корабли в заливе Танкан, вдоль островной гряды, уходящей в ледяную воду северной Японии.

Оттуда 26 ноября вышла могучая сила: шесть авианосцев, два линкора, три крейсера, девять эсминцев, восемь танкеров и три подводные лодки. Впереди них еще раньше вышел передовой

«Аризона» после японской атаки

отряд из 25 подлодок, пять из которых несли на себе сверхмалые подлодки.

Перед основным отрядом лежал путь через весь Тихий океан, и для успеха его миссии было жизненно важно, чтобы никто даже не знал о его существовании. Для этих целей соблюдалась тишина в эфире, за борт не выбрасывали никакого мусора, использовалось только низкодымное топливо, не зажигалось никаких огней. Предосторожности были доведены до такой степени, что корабли, остававшиеся в родных портах, усилили интенсивность радиопереговоров до уровня непрерывной болтовни, чтобы убедить американских радиоперехватчиков, будто весь флот по-прежнему находится в регионе.

Первого декабря из Токио было передано загадочное сообщение. Очень просто: «Восходите на гору Ниитака». Один только командующий ударной флотилией вице-адмирал Чуичи Нагумо знал: это значило, что Императорский двор решил вступить в войну и что нападению на Перл-Харбор дается добро. И при всем этом, у командующего были свои инструкции, согласно которым, флотилия, будучи засечена в любой день, включая 6 декабря, должна повернуть обратно как потерявшая элемент внезапности. Если она будет обнаружена 7 декабря, решение о том, предпринимать или не предпринимать нападение в 8:00 воскресенья 7 декабря, будет лежать на командующем ударной флотилией.

Не считая странного исчезновения такого большого числа судов японского военно-морского флота из родных портов, первое предупреждение, которое могло бы помочь американцам предотвратить страшную катастрофу в Перл-Харборе, поступило 5 декабря. Местное отделение ФБР на Гавайях подслушало телефонный разговор между Токио и японским зубным врачом, жившим в

Гавайской столице Гонолулу. Разговор шел о самолетах, оборонительных сооружениях и числе судов в Перл-Харборе. Большая часть времени, впрочем, была посвящена цветам. «Ибискусы и пуансеттии сейчас все в цвету», — так закончился разговор. Эту фразу сочли шифровкой, но не придали ей большого веса. Ведь о японском нападении на Перл-Харбор никто и не помышлял. Вашингтон предупреждал, что ожидается объявление войны Японией, но нападение, как считали, должно произойти на Дальнем Востоке — может быть, на Борнео или Филиппинах.

Вашингтон был готов к возможному объявлению войны. Американцы расшифровали секретный код, который использовался в переговорах между Токио и японским посольством в Вашингтоне, и прочли длинную декларацию, которую японские посланники должны были в надлежащее время вручить правительству США. Заключительная часть документа, фактически объявлявшая войну США, заканчивала собою это послание, которое должно было втянуть Америку во Вторую мировую войну. Своеобразное японское чувство чести было бы удовлетворено, если бы декларация была предъявлена как раз перед тем, как ударная группа достигнет Гавайев. Но она не была вовремя получена из Токио.

Итак, утром 7 декабря американцы на Гавайских островах вовсе не подозревали, что могут оказаться целью японского нападения. Кое-кто высказывал опасения о возможности саботажа со стороны многочисленного японского населения архипелага в случае объявления войны. Но фронтовая полоса в Перл-Харборе? Никогда в жизни!

Требуются: ОДИНОКИЙ МУЖЧИНА ИЛИ ДЕВУШКА на КОННЫЙ ЗАВОД. Девушка должна быть не моложе 25 лет и опытная.

— «Белфастский листок»

Глубокой ночью 7 декабря американские военные отправились спать после шумных субботних вечеринок и танцев в Гонолулу; а в это время 25 субмарин японского передового отряда окружали Перл-Харбор. Их задачей было торпедировать корабли, пытающиеся уйти от атаки с воздуха, которая вот-вот должна была начаться. С пяти из них одновременно с авиационной атакой должны были стартовать двухместные сверхмалые подводные лодки, несущие двойные торпеды против линкоров.

Тогда поступило еще одно предупреждение, которое должно было насторожить американцев. В 3:30 с минного тральщика «Кондор» был замечен перископ подводной лодки, двигавшейся по направлению ко входу в залив Перл-Харбор. С «Кондора» послали сигнал на патрулировавший поблизости эсминец «Уард». В течение часа экипаж находился в состоянии боевой готовности, но подлодку больше не видели.

Незадолго до 5 утра «Кондор» снялся с дежурства. Противолодочная сеть, охранявшая вход в гавань, была поднята, чтобы пропустить судно внутрь. Обратное ее устанавливать не стали, потому что в ближайшие часы ожидали входа и выхода других кораблей. Перл-Харбор лежал незащищенный, свободный для входа мини-подлодок, которые как раз в это время продвигались по направлению к 96 линкорам, мирно стоявшим в заливе. Сеть оставили поднятой, потому что ни «Кондор», ни «Уард» не доложили на берег о том, что в регионе была замечена подлодка.

В 6 часов утра в 250 милях к северу от Оаху, на большой волне, шесть японских авианосцев развернулись носом против ветра, и туча самолетов, нагруженных бомбами и торпедами, с ревом взмыла в предрассветный воздух под приветственные крики экипажей. Планировалось запустить 350

самолетов в две волны — в 6 часов и затем в 7. Остальные 80 самолетов были заняты в разведке, в обороне судов и в резерве.

Перл-Харбор спал. Но в 6:45 прогремел первый выстрел начинавшегося боя. Эсминец «Уард», находившийся все еще на боевом дежурстве, заметил мини-подлодку на входе в гавань и открыл по ней огонь. Затем он устремился к лодке, как бы стараясь протаранить ее и, проходя над нею, пустил глубинную бомбу — и взорвал ее. Четверть часа спустя была замечена вторая. Снова были сброшены глубинные бомбы, и вторую подлодку тоже сочли уничтоженной. Это было вскоре после семи утра, когда вторая волна японских самолетов взлетала с авианосцев к северу от острова. Но в самом Перл-Харборе были озабочены лишь тем, что столь ранние утренние упражнения в море отнюдь не излечивали боль в похмельных головах после вчерашнего загула.

«Уард» передал на берег два кодированных сообщения о встречах с подлодками. Но процесс дешифровки затянулся, и первое донесение лишь в 7:15 достигло единственного находившегося на дежурстве в штаб-квартире Военно-морского флота США в Перл-Харборе человека. Им был ветеран-резервист, капитан второго ранга Гарольд Камински. Последующие двадцать минут он занимался тем, что пытался разбудить хоть кого-нибудь из высшего военно-морского начальства на их квартирах. На борту же линкоров, стоявших в Перл-Харборе, главной заботой в это время было поднятие утренних флагов.

Еще одно предупреждение прошло даром около 7 часов. Армейские радарные станции засекли блики от двух самолетов, приближающихся с севера. Это были, скорее всего, разведывательные самолеты, летевшие впереди торпедных бомбардировщиков. Сообщения были посланы в информационный центр острова. К сожалению, в 7:00 все закрылось на завтрак, и это предупреждение о

надвигающейся через час катастрофе было тоже оставлено без внимания.

В 7:05 радарная станция в Опане, на северной оконечности острова Оаху, запеленговала уже вполне недвусмысленный сигнал о том, что вот-вот начнется крупное нападение. На экране высветились десятки самолетов. Людям в Опане тоже полагалось сменяться в 7 часов, но они остались на посту, чтобы проследить эту огромную формацию, которая уже находилась всего в 100 милях и быстро приближалась. В недоумении они посылали сообщение за сообщением в информационный центр. Но тот был фактически закрыт на завтрак, и на дежурстве находились лишь телефонист да один офицер, нетерпеливо дожидавшийся смены, чтобы тоже съесть свой сандвич и выпить чашечку кофе. Людям в Опане надоело посылать донесения, которые, по всем признакам, никому не были нужны, так что они собрались и тоже пошли завтракать.

Первая волна японских самолетов в это время находилась над береговой полосой.

На линкоре «Невада», лежавшем в заливе, оркестр заиграл «Усеянный звездами стяг», гимн, всегда исполнявшийся на воскресной церемонии поднятия флага. В этот самый миг с неба ринулся вниз самолет с красным кругом на концах каждого крыла, сбросил торпеду и на бреющем полете скользнул над палубой «Невады». Стрелок на хвосте самолета открыл огонь по оркестрантам, но попал лишь в американский флаг, разорвав его в клочья. Оркестр окончил играть гимн, и только после этого бросился в укрытие. Атака на Перл-Харбор началась. Было 7:55 утра.

В 8 часов радиосообщение полетело в Вашингтон, Атлантическому и Тихоокеанскому флотам и всем находившимся в море кораблям США: «Воздушный рейд на Перл-Харбор... Это не учение».

Два последовавших за тем часа пикирующие, штурмовые и торпедные бомбардировщики пере-

пахивали Перл-Харбор и окружающие воздушные базы. Было уничтожено почти 200 американских самолетов, большей частью на земле. В самом разгаре атаки с обычного ежедневного полетного задания вернулись американские бомбардировщики Б-17. Вдруг они оказываются в гуще боя, в них стреляют, и им приходится совершать вынужденную посадку, кто где может.

Японцы потеряли 30 самолетов, все пять сверхмалых подлодок и одну большую. Их потери в живой силе не превысили 100 человек. И все благодаря тому, что они сумели сохранить элемент внезапности. Потери же американцев, не сумевших воспринять предупредительные сигналы, по сравнению с японскими — огромны.

В самой бухте Перл-Харбор черный дым от горящей нефти застилал картину побоища. Пять торпед попали в линкор «Оклахома». Он перевернулся вверх дном. Линкор «Аризона» от прямого попадания бомбы эффектно взорвался и затонул, похоронив с собой 1100 человек. Еще три линкора получили серьезные повреждения, но были впоследствии спасены. «Вест Виргиния» получила шесть торпедных попаданий и затонула. «Калифорния» была поражена двумя торпедами. Объятая пламенем «Невада» с торпедой в бок и двумя бомбовыми попаданиями сделала было рывок к выходу в залив, но села на мель. Линкоры «Теннесси», «Мэриленд» и «Пенсильвания» тоже получили повреждения.

Корабль-мишень «Юта» был перевернут в результате торпедной атаки. Та же участь постигла крейсер «Елена». Минный заградитель «Оглала» был потоплен той же торпедой. Эсминец «Шоу» взорвался на стапелях. Эсминцы «Кассин» и «Данс» на стапелях же были полностью уничтожены. Крейсер «Рейли» получил пробоину, но остался на плаву. Крейсер «Гонолулу» был выведен из строя.

А в восьми милях от бухты город, в чью честь был назван крейсер «Гонолулу», потерпел лишь

незначительные разрушения. В нем взорвалась одна японская бомба — и около 40 снарядов Военно-морского флота США, выпущенных с кораблей в бухте по атакующим самолетам.

В тот день погибло 68 мирных жителей и 2335 американских военнослужащих — причем почти половина из них — на борту «Аризоны».

В 3 часа с небольшим пополудни командующий американскими сухопутными и воздушными войсками на Гавайях генерал-лейтенант Уолтер Шорт получил телеграмму из Вашингтона. В ней сообщалось, что японцы намеревались вручить официальную декларацию об объявлении войны в 7:30 утра этого же дня по гонолулускому времени. «Мы не знаем в точности, что означает то, что вручение назначено именно на это время, но на всякий случай будьте начеку», — сообщала далее телеграмма. Ее могли бы доставить генералу Шорту и пораньше, если бы не необходимость дешифровки, не воздушный налет и не воскресенье. Получена же она была в 7:33 того утра.

На открытии новой образцовой пожарной станции в Барнсли, графство Йоркшир, пожарные горделиво прошли парадным маршем. Потом пришла цеховая инспекция и потребовала, чтобы к зданию была добавлена одна жизненно важная деталь — пожарная лестница.

Гибель Летучей бригады

Трагический налет «благородных шестисот»
в Долину смерти

«C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre» («Это великолепно, но это не война»). Так высказался французский генерал Боске, глядя на то, как знаменитая Летучая бригада британской

армии ринулась навстречу своей гибели в Крыму в 1854 году. Эта фраза так и вошла в историю как самый справедливый приговор этой эффектной тактической ошибке, которая потрясла, но и вдохновила всю страну.

Налет Летучей бригады легкой кавалерии явился результатом вражды, ревности, недоверия и, в первую очередь, гордыни трех человек, соперничающих друг с другом.

Лорд Реглан, служивший в армии с 15 лет, был командующим бригадой. Это был известный военный деятель; 39 лет тому назад он воевал при Ватерлоо, и тогда Реглан со сжатыми зубами смотрел, как хирург ампутирует его правую руку.

В его подчинении состоял лорд Лукан, который, будучи молодым человеком, не лордом еще, а просто Джорджем Бингэмом, заполучил в свое командование 17-й уланский полк и проявил себя таким ярым поборником формы и дисциплины, что его людей прозвали бингамовскими денди. Он был неутомим и храбр, но без искры; офицеры ненавидели его за мелочность, солдаты — за щедро раздаваемые телесные наказания.

Но более других ненавидел Лукана его родственник, лорд Кардиган, командовавший 11-м полком гусар. Они почти не разговаривали. Кардиган мало утруждал себя военной службой, тоже был большой энтузиаст порки и оттолкнул от себя всех своих офицеров тем, что жил на своей яхте в Балаклаве. Но он был более яркой и колоритной фигурой, чем Лукан, и пользовался популярностью среди нижних чинов.

Злополучный налет Летучей бригады произошел вскоре после атаки, предпринятой соперничающей с нею Тяжелой бригадой. Всадники Тяжелой бригады нанесли поражение превосходящим силам русской кавалерии при Балаклаве. Генера-

лы, стоявшие во главе Летучей бригады, наблюдали Тяжелую бригаду в деле, но им не разрешили ввязаться в бой и довершить разгром. Они чувствовали себя обиженными за то, что не разделили славу победы.

После боя с Тяжелой бригадой русские войска перегруппировались и сосредоточились у входа в узкую долину, ограниченную с двух сторон горами, на западном конце — Херсонесским плато и на восточном — Черной речкой. Русская кавалерия стояла на восточной оконечности долины за плотным заграждением пушек. Русская артиллерия занимала командные высоты по обоим краям долины: с севера — на Федюкинских горах, с юга — на Плотинных высотах.

С части рубежей на Плотинных высотах русских уже выбили, и теперь британская пехота совместно с союзными ей французами готовилась изгонять их еще и с других. Реглан, чей штаб располагался на Херсонесском плато, мог обозреть долину по всей ее длине и хорошо видел, как формируются боевые порядки.

Реглан решил, что использует пехоту, чтобы отогнать противника с его рубежей на возвышенности, в то время как кавалерия ворвется в долину и атакует русских по мере того, как будут один за другим преодолевать очаги сопротивления. Это был логичный план: артиллеристы будут сброшены с возвышенности в долину, и там их безнаказанно подхватит Летучая бригада.

Но на самом деле все вышло совсем по-другому.

На южной стороне от долины на Плотинные высоты наступала 1-я пехотная дивизия. На другой стороне, только гораздо медленнее, атаковала 4-я дивизия. Между ними двинулась вперед 600-сабельная Летучая бригада, так и рвавшаяся в дело после того, как они видели успех Тяжелой бригады.

На пол-лиги, пол-лиги,
 На пол-лиги вперед
 Вдоль по Долине смерти
 Скакали шестьсот.

Так начинается знаменитое стихотворение Альфреда Теннисона, который описал эту атаку и тем увековечил храбрых кавалеристов, участвовавших в ней.

Летучая бригада далеко обогнала пехоту; историки до сих пор спорят, не следовало ли приказать ей остановиться и дождаться, пока подойдут 1-я и 4-я дивизии. Как бы то ни было, в результате ряда недоразумений дело приняло очень эффектный, но совершенно безумный оборот.

Серия просто хронических оплошностей началась с того, что Реглан увидел со своего командного пункта на Херсонесском плато, что русские уже начали оставлять часть своих позиций на Плотинных высотах и оттаскивать свои пушки в долину под укрытие основной группировки. Вмешивать британскую пехоту не было никакой необходимости — русская артиллерия уже и без того сделалась неподвижной мишенью для кавалерии.

И Реглан издал свой первый приказ Летучей бригаде: «Наступать и использовать любую возможность для захвата высот. Вас поддержит пехота».

Вестовой доставил приказ Лукану, и тот счел его по-реглановски расплывчатым — каковым он и был. Лукан истолковал его так, что ему следует дожидаться пехоты. И он переместил Летучую бригаду ко входу в долину и принялся ждать.

Председатель доложил, что Брэдфордский муниципалитет не сможет выкрасить в желтый цвет бордюры в местах, где запрещена стоянка автомобилей, до тех пор пока исполняющий работы человек не израсходует всей имеющейся в его ведре белой краски.

— Йоркширская газета

Реглан надрывался от гнева и нетерпения, видя бездействующую кавалерию на дне долины. В подзорную трубу он наблюдал беспрепятственные перемещения русских на дальнем ее конце. Реглан вызвал своего начальника штаба генерала Эйри и попросил его послать Лукану дальнейшие приказания.

Эйри записал эти приказания на клочке бумаги в присутствии командующего. Приказ гласил: «Срочно переместиться к фронту, чтобы помешать противнику отвести свои орудия». Эйри вручил этот жизненно важный клочок бумаги своему адъютанту капитану Нолану; когда тот уже разворачивал свою лошадь, чтобы лично доставить приказ Лукану, Реглан крикнул ему вслед: «Скажите, чтобы он немедленно атаковал!»

Нолан направил свою лошадь вниз в долину по обрывистому склону, чтобы доставить жизненно важное сообщение Лукану, офицеру, которого он презирал за напыщенность, никак не подтвержденную опытностью. Наконец покрытая потной пеной и пылью лошадь, скользя и спотыкаясь, спустилась в долину, и Нолан, подъехав к Лукану, вручил ему уже довольно потрепанную бумажку.

Лукан бесстрастно прочел записку и отложил ее в сторону. Он отпустил небрежное замечание в том смысле, что приказ этот безрассуден, и откинулся в седле, обдумывая ситуацию, как если бы в его распоряжении была целая вечность.

Для Нолана, амбициозного индивидуалиста, но закаленного в боях офицера, это было слишком.

— Милорд, — вскричал Нолан, — кавалерии приказано атаковать немедленно!

Лукан возмутился. В гневе обернулся он к младшему по званию офицеру и резко ответил:

— Атаковать? Кого? Какие орудия?

Нолан вышел из себя. Он указал на долину и закричал:

— Вон там, милорд, ваш противник! Там его орудия!

Но указывал Нолан не на растерявшихся русских, с трудом вытягивающих свои пушки с изолированных позиций на высотах. Он указывал в ту сторону длинной долины, где были сосредоточены главные русские силы.

Лукан пожал плечами, отпуская посыльного, и повернул свою лошадь прочь от него. Он поскакал к своему свояку и приказал ему немедленно атаковать русскую артиллерию. Кардиган вступил с ним в спор, но разговор получился грубый, краткий и безрезультатный.

— Позвольте заметить вам, сэръ, — сказал Кардиган, — что у противника имеется батарея прямо по нашему фронту, а также несколько батарей и множество стрелков по флангам.

— Мне это известно, — отвечал Лукан, — но Реглан настаивает. Мы должны подчиняться приказу. Итак, вперед.

Лукан поехал в штаб бригады, а Кардиган — собирать своих офицеров.

Кардиган вывел Летучую бригаду на край долины. Справа он расположил 13-й полк легких драгун. Слева стоял полк Лукана, 17-й уланский, которым, пока Лукан находился при Тяжелой бригаде, временно командовал капитан Моррис. Полк Кардигана, 11-й гусарский, составлял второй эшелон кавалерии. В арьергарде находились 8-й гусарский и 4-й полк легких драгун под командованием лорда Джорджа Паджета.

Кардиган впереди командовал трубить марш, и трубач послал вперед 607 всадников шагом, переходящим в рысь.

Летучая марш-бригада!

На пушки, — сказал он, — вперед!

Прямо в Долину смерти поскакали шестьсот.

Впереди бригады на гнедом скакуне ехал Кардиган. Нолан, человек, доставивший Лукану роковой приказ, находился неподалеку. Он испросил разрешения ехать с 17-м уланским, но когда понял, в каком направлении движется бригада, оставил свое место в строю и поскакал вперед, чтобы предупредить Кардигана об ошибке. Но едва он достиг головы колонны, как рядом с ним взорвался русский снаряд. Осколки пробили ему грудь, и он вместе с лошастью рухнул на землю.

Трубачу, ехавшему рядом с Кардиганом, приказали трубить галоп. Едва он успел протрубить, как был тоже убит.

Русские пушки с флангов стреляли по всадникам не переставая, и передовые отряды улан гибли, как мухи. А до цели атаки, главных русских сил, все еще было более полутора километров...

Летучая марш-бригада!
 Не дрогнул никто из отряда.
 Откуда солдату знать,
 Что кто-то там оплошал?
 Солдат — не ему вопрошать.
 Солдат — не ему возражать.
 Солдату — идти умирать.
 Прямо в Долину смерти
 Устремились шестьсот.

Некому уже было трубить сигналы атаки. Но люди и без того стремились как можно скорее прорваться сквозь град пуль и снарядов и добраться до конца долины. Атака началась сама собой, без команды.

Толстый и коротконогий мусорщик из Чикаго Рафс Джексон получил предупреждение, что будет уволен, если не похудеет. Он послушно сел на суровую диету и потерял 100 килограммов. Но этим не ограничились его потери. Он заболел, оказался не в состоянии поднимать мусорные баки и, несмотря на свои старания, был все равно уволен. Кроме того, его разлюбила жена.

— Спокойнее, уланы 17-го, — закричал Кардиган, видя, что его бойцы готовы уже обогнать своего командира. Всадники и кони падали один за другим, но строй тут же смыкался, и сплошная лавина кавалерии неслась вперед по пыльному дну долины. Лошади, потерявшие всадников, продолжали скакать в строй, пока самих их не убивало.

Пушка справа от них,
Пушка слева от них,
Пушка с фронта от них.
Самый воздух ревел и дрожал.
В граде пуль и снарядов
Храбро мчалась бригада
Прямо в челюсти ада,
Прямо в челюсти смерти
Скакали шестьсот.

Бригада теперь находилась под убийственным перекрестным огнем; град снарядов и пуль сыпался с трех сторон. Видели, как одному человеку начисто снесло голову, а тело его продолжало скакать в седле с пикой наперевес. Временами пушечный выстрел поражал до четырех строевых коней враз. Одна лошадь своими скачущими копытами оторвала собственные вывалившиеся внутренности.

Вдруг пыль и дым сгустились, и скачущий впереди Кардиган исчез в них. Летучая бригада налетела на русские пушки. Пики и сабли пошли гулять по телам русских артиллеристов.

Бригада прорвалась сквозь строй артиллерии и врезалась в стоявший за нею наготове плотный строй кавалеристов. Все смешалось в кучу. Кардиган вел рукопашную схватку с дюжиной казаков. Но многие британцы проскочили сквозь строй кавалерии противника и должны были по дюйму пробивать себе дорогу назад. Многие попали в плен.

Пики блещут у них,
Сабли свищут у них,
На строй пушек чужих
Устремилась бригада.
И весь мир в изумленье стоял:
В черном дыме пропали,
Оборону прорвали.
Русский там и казак
Под ударами пали.
Вот назад поскакали,
Но не все поскакали.
Кого было шестьсот.

Потрепанные остатки Летучей бригады, пробираясь по долине обратно на свои позиции, опять были встречены ужасающим смертным градом с трех сторон. Но теперь, в дополнение к прочим несчастьям, их преследовали еще казаки и русские гусары.

Пушка справа от них,
Пушка слева от них,
Пушка с тыла от них.
Самый воздух ревел и дрожал.
В граде пуль и снарядов
Погибала бригада
Та, что храбро сражалась.
Прочь из челюстей ада,
Прочь из челюстей смерти
Только часть возвращалась
Тех, что были шестьсот.

Рядовой Джон Уитмен, чей отец учил Кардигана верховой езде, был одним из оставшихся в живых улан 17-го полка. Он оставил для учебников истории наглядную картинку этого бессмысленного боя.

По пути навстречу противнику Уитмен был ранен в правое колено и икру, но отказался

покинуть строй; в схватке с русскими казак про-
ткнул пикой его правое бедро. Уитмен убил каза-
ка, не дав ему довершить дело. Его лошадь была
изрешечена пулями, но Уитмен ухитрился заста-
вить ее вынести его через позиции противника и
далее на 400 метров вглубь долины, в безопасное
место, где она и пала.

Пока Уитмен лежал на земле, преследовавший
его казак поразил его пикой не менее восьми раз
в шею, в спину и правую руку. Но Уитмен выжил
и провел остаток войны в плену.

Кардиган вернулся на свои позиции под при-
ветственные крики кавалеристов. Всю вину за
этот ужасный эпизод возлагали на его ненави-
стного родственника.

Лукан начал было выводить Тяжелую бригаду
на помощь попавшей в беду Летучей бригаде, но,
видя бессмысленность этой затеи, отступил с во-
йсками. Он был ранен в ногу.

Кардигана провозгласили героем. Он сказал: «Это
был идиотский маневр, но я в нем не виноват».

Тот, кому предстояло оставить вечный памят-
ник Летучей бригаде, был лорд Теннисон.

Слава их не умрет!
Что за славный налет!
Как весь мир в изумленье стоял!
Славьте храбрый налет!
Летучую славьте бригаду,
Благородных шестисот!

Но для большей части Летучей бригады это
стало и эпитафией. Из «благородных шестисот» в
тот день Долину смерти покинули живыми только
триста двадцать девять.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
-----------------------	---

Часть первая **ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ**

Пекарь, который спалил Лондон	9
40 лет в постели... с гриппом	13
Восток есть запад	14
Пророчица, которая привела свое племя к гибели	18
Ну и денек!	20
Гольф-клуб, продавший собственное поле	21
Побасенка про ковбоев написана компьютером	22
Выше крыши	23
Как невеста с шафером венчалась	28
Суперавтомобиль: миля в час	29
Оперный «слон в ванной»	31
Олимпийское фиаско Монреаля	32
Последнее слово	35
Первый в мире водитель... и жертва аварии	36
Зла не хвататает... ..	37
Принцы, которых не было	37
Закон и вправду может быть ослом	42
Канал спустили в канализацию	44
Город, 110 лет находившийся в состоянии войны	45
Марсиане прилетели!	46
Как был потерян рай	54
Человек-обезьяна показал археологам язык	64
Бриллианты... или страусиный помет?	66
Мы поймали чудовище озера Лох-Несс	71

Часть вторая **МОРЕ И ВОЗДУХ**

Проклятие фараонов	75
Непотопляемый «Титаник»	82
Кошмар воздушных зайцев	91
Держись, сейчас сядем!	93

Адский пламень Р-101	95
Сага о боевых подлодках	107
Катастрофа «Торри Каньона»	109
Крупнейшее в мире крушение самолетов	120
Спасшийся при кораблекрушении жертвует собой — понапрасну	129
Над всей Испанией дождь... из водородных бомб	131
Смерть Красного Барона	137
Бунтовщики уплыли навстречу гибели	143
Воздушный гигант стоимостью в 12 миллионов фунтов стерлингов сдан в металлолом	145

Часть третья

ЖЕРТВЫ И МОШЕННИКИ

Большое железнодорожное ограбление	151
Короли среди поддельщиков	160
Сфабрикованный Говард Хьюз	170
Человек, которого не смогли повесить	175
«Мышка» в 32 миллиона фунтов стерлингов	176
Порнуха на марше	181
Братство страха	183
Эй! Хотите купить Эйфелеву башню?	187
Не все то золото, что блестит	190

Часть четвертая

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Взлет и падение генерала Кастера	195
Падение Сингапура	209
Адские холмы	222
Фиаско в Перл-Харборе	235
Гибель Летучей бригады	243

Популярное издание

Найджел Бландел

ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ ОШИБКИ

Редактор *Л. Тарасова*
Корректоры *Т. Нарышкина, А. Комогорова*
Технический редактор *Т. Кулагина*
Компьютерная верстка *З. Полосухиной*
OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

ЛР 064134 („КРОН-ПРЕСС)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.02.97.
Формат 84x108¹/32. Печать высокая. Бумага типографская.
Ганитура Таймс. Усл. печ. л. 13,44. Тираж 10 000 экз.
Заказ 249.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
Москва, Огородный проезд, 6
Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:
Москва, ул. Новослободская, 18
Тел. 972-14-23

АООТ „Чертановская типография”
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а

ISBN 5-232-00521-9

**НАЙДЖЕЛ
БЛАНДЕЛ**

ВЕЛИЧАЙШИЕ В МИРЕ ОШИБКИ

Перед вами полная коллекция величайших в мире ошибок. Есть в этой книге истории простые и даже забавные: священник, обвенчавший невесту с шафером жениха, весельчак, разыгравший Британский военный флот, или пройдоха, ухитрившийся продать статую Свободы. Но есть и чудовищные ошибки, платить за которые приходится иногда даже человеческой жизнью. Нет сомнения — чтение этой книги будет захватывающим.

2-00
10-00